

ISSN:2409-5788

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2017 — 2

Юриспруденция в филологии: О чем говорят процессуальные нюансы следственного дела о смерти Михаила Андреевича Достоевского? **Проблемы атрибуции:** Как угадать автора по инициалам? Исправлять или не исправлять дату в письме княжны Шаликовой? **Вопросы биографии:** Чему философ и писатель учили девицу? С кем из жителей курортного городка Старая Русса общался и кому наносил визиты Достоевский?

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2017 № 2

Главный редактор
Владимир Николаевич Захаров (Россия) —
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и
журналистики Петрозаводского государственного университета;
Президент Международного общества Достоевского.
E-mail: vnz01@yandex.ru

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
Тел. (8142) 71-96-03

ФГБОУ ВО
«ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»,
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Horst-Jürgen Gerigk (Deutschland) — PhD, профессор русской и зарубежной литературы университета Гейдельберга, почетный президент Международного общества Достоевского.
E-mail: horst-juergen.gerigk@slav.uni-heidelberg.de

Deborah Martinsen (USA) — PhD, доцент славянских языков и литературы Колумбийского университета; почетный президент Международного общества Достоевского.
E-mail: dm387@columbia.edu

William Mills Todd III (USA) — PhD, профессор литературы и сравнительного литературоведения Гарвардского университета.
E-mail: todd@fas.harvard.edu

Irene Zohrab (New Zealand) — PhD, почетный научный сотрудник университета Виктории (Веллингтон).
E-mail: Irene.Zohrab@vuw.ac.nz

Игорь Леонидович Волгин (Россия) — доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Московского государственного университета и Литературного института им. А. М. Горького; вице-президент Международного общества Достоевского. Президент фонда Достоевского.
E-mail: mail@volgin.ru

Виктор Федорович Молчанов (Россия) — доктор исторических наук, заведующий научно-исследовательским отделом рукописей Российской государственной библиотеки.
E-mail: VishnevskayaEE@rsl.ru

Борис Николаевич Тихомиров (Россия) — доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге, президент Российского общества Достоевского.
E-mail: btikhomirov@rambler.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Stefano Aloe (Italy) — PhD, доцент-исследователь по русской литературе при университете г. Верона; Vice-President, International Dostoevsky Society.
E-mail: stefano.aloe@univr.it

Carol Apollonio (USA) — PhD, профессор практики русского языка университета Дьюка, президент североамериканского общества Достоевского.
E-mail: flath@duke.edu

Katalin Kroó (Hungary) — PhD, Professor, University ELTE, Budapest; Vice-President, International Dostoevsky Society.
E-mail: krookatalin@freemail.hu

Владимир Александрович Викторovich (Россия) — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт.
E-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Эмил Димитров (Болгария) — PhD, председатель Болгарского общества Достоевского.
E-mail: edimitrov@gbg.bg, eivdim@yahoo.com

Сергей Акимович Кибальник (Россия) — ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук.
E-mail: kibalnik007@mail.ru

Павел Евгеньевич Фокин (Россия) — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного литературного музея.
E-mail: pfokin@mail.ru

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Ирина Святославовна Андрианова, кандидат филологических наук, заведующая Web-лабораторией филологического факультета Петрозаводского государственного университета.
E-mail: yarysheva@yandex.ru

Георгий Сергеевич Прохоров

*доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры литературы
Государственного социально-гуманитарного университета
(Коломна, Российская Федерация)
prokhorov_goscha@mail.ru*

«ДЕЛО О СМЕРТИ МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА ДОСТОЕВСКОГО», ИЛИ НАД ЧЕМ КОРПЕЛИ СУДЫ ПОЛТОРА ГОДА

Аннотация. В статье анализируются процессуальные аспекты, связанные с расследованием смерти Михаила Андреевича Достоевского, отца писателя. На основе русского законодательства 1830-х гг. предпринята попытка интерпретации сохранившейся от полицейского расследования 1839–1840 гг. документации — прежде всего, материалов очной ставки двух ключевых свидетелей в процессе, Ивана Лейбрехта и Владимира Хотяинцева. Вскрыты основные семантические линии расследования (причина смерти, источник слуха об убийстве, решение о подсудности), выявлены разногласия Каширского уездного суда и Тульской уголовной палаты — двух инстанций, вовлеченных в процесс расследования.

Ключевые слова: Михаил Андреевич Достоевский, Даровое, Черемошняя, интерпретация юридического текста, следствие, процессуальное право

6 (18) июня 1839 года Михаил Андреевич Достоевский, отец писателя, умер в поле, соединяющем две принадлежавшие ему деревни — Даровое и Черемошню — тогдашнего Каширского уезда Тульской губернии. Смерть была скоропостижной. Интерес к обстоятельствам, ее вызвавшим, появился почти столетие спустя, в 1920-е годы. Любовь Федоровна Достоевская в своих воспоминаниях об отце поведала миру о страшной семейной тайне: дед, Михаил Андреевич, за жестокое обращение был убит собственными крестьянами; этот факт знала вся семья, считала позорным и скрывала; эпилепсия Федора Михайловича связана с переживанием известия об убийстве отца [10], [11], [12]. Подготовленные в те же годы к печати воспоминания Андрея Михайловича Достоевского информацию об убийстве подтверждали, хотя и придавали происшествию иной мотив — скоротечный конфликт с группой крестьян, вызванный неурожаем [6, 109]. В беседах с тогдашними жителями Дарового и Черемошни, проведенных А. Дроздовым, Д. Стоновым и В. С. Нечаевой в 1920-х гг., содержатся сообщения о «зверствах» барина Достоевского и о его убийстве [18]. Мотив «отцеубийства» присутствовал и в творчестве Ф. М. Достоевского (прежде всего в романе «Братья Карамазовы») — и стал казаться легко объясняемым с опорой на мемуарные свидетельства.

В работах психоаналитиков [15], [29], ранних биографов и достоевистов [7], [8], [6], [16] «убийство отца» оказалось связанным со свойственной

Достоевскому темой преступления, собственно говоря, благодаря этому нарративу, жизнь и творчество писателя соединялись воедино. Насильственный характер смерти отца писателя стал общепризнанным (см: [7, 38–42], [30]).

Однако в 1970-х гг. Г. А. Федоров выявил архивные документы, которые показали, что смерть, действительно, была скоропостижной, в ее момент М. А. Достоевский был окружен лишь крестьянами, и полиция признала ее причиной — апоплексический удар [24, 7]. Отсылая к документам, исследователь стремился «реабилитировать» отца писателя и снять с него обвинения в зверствах, доведших крестьян до преступления. Содержание его работ оспаривало мнение авторитетных исследователей: 1) под вопрос ставилась общепризнанная теория (убийство отца); 2) выводы советских исследователей опровергались на основании их противоречия документам царской полиции [24], [25], [26]. Оба пункта были категорически неприемлемы для В. С. Нечаевой, которая к 1970-м гг. уже превратилась в идеологически правильного советского литературоведа, как она сама себя охарактеризовала в набросках к возможным мемуарам¹. Ее претензия — «общая методологическая безграмотность» Г. А. Федорова и малая значимость его находок для специалистов по творчеству Достоевского. Единственное, что она признала ценным в открытии Федорова, — это факт полицейского расследования, само наличие которого, по ее мнению, *подтверждает* подозрения о насильственной смерти отца писателя [17, 89].

Находки Г. А. Федорова оказались первым соприкосновением с реальной ситуацией 1839–1840 гг., однако исследователем не были предоставлены ссылки на первичные материалы, приводились только отдельные выдержки в виде разобщенных цитат. Кроме того, собственно «Дело о смерти М. А. Достоевского» оставалось найденным.

Документы, с которыми работал Г. А. Федоров, были повторно выявлены и тщательно проанализированы И. Л. Волгиным, который, кроме того, впервые дал источниковедческую характеристику, указав на их вторичность и описав характер выдержек [4, 250–260], [3]. «Дело» не сохранилось (при формировании архива Министерства юстиции подобные папки, отражающие закрытые расследования, оставались на балансе учреждений и не передавались в хранилище как не имеющие ценности). Все, что дошло до нашего времени и с чем мы можем работать, — это выписки из следственных документов, донесения о производимых процессуальных действиях, сохранившиеся в «Журналах» 1839 и 1840 гг. Каширского уездного суда.

И. Л. Волгин представил интерпретацию мотива «убийства» в творчестве Достоевского в контексте материалов о расследовании смерти М. А. Достоевского. Множество выявленных перекличек поддержали направление, заданное В. С. Нечаевой в ее критике Г. А. Федорова [4, 267–269].

Впрочем, и мотив убийства, и даже топоним Черемошны в творчестве Достоевского носят амбивалентный характер, как то продемонстрировал

Б. Н. Тихомиров [23]. Насильственная смерть оказывается моментом спора и дискуссии: было убийство или нет. Черemoшняя в творчестве Достоевского скорее локус, где случается смерть подозрительная, но не откровенное лишение жизни.

С 1920-х гг. и до сего времени исследователи Достоевского интегрируют в единый комплекс материалы официального полицейского расследования и частные текстовые источники (мемуары, мемораты, художественные произведения). Отсюда — свободный переход от свидетельства к мотиву художественного произведения. Этот переход, будучи весьма проблемным с теоретико-литературной точки зрения, кроме того, не отражает специфику следствия 1-й половины XIX века, которое велось письменно и было тайным. Ни Достоевский, ни его родственники, ни соседи-помещики, ни крестьяне не могли знать ни единой строчки из документов суда. Многие сделано исследователями, чтобы выявить значение гипотетической ситуации «убийства отца» для творческой биографии Достоевского. В то же время сохранившиеся материалы остаются прочитанными не до конца в рамках самого близкого к ним дискурса — существующей судебно-медицинской практики, русского процессуального законодательства и т. д. (см. об этом: [20], [19]).

Материалы, сохранившиеся от расследования о смерти отца писателя, демонстрируют весьма устойчивую картину:

Сего июня 6 числа утром надворный советник Михайла Андреев Достоевский, имея от роду 54 года, распоряжавшийся имением покойной его жены Каширского уезда в Селе Даровом, быв в поле за возившими крестьянами навоз, скоропостижно умре. По произведенному временным отделением Сего Суда следствию в насильственной смерти его, Г^{на} Достоевского, сомнения и подозрения никакого не оказалось, а последовала она, как свидетельством Уездный Штаб-Лекарь Шенкнехт удостоверяет, от апоплексического удара вследствие сильных геморроидальных напряжений, от коих привычного пособия не было принято².

Такие факты содержатся и в самом первом из сохранившихся документов — «Донесении тульскому губернатору» от 19 июня 1839 года, — и в последнем — «Приказе о закрытии дела» от 30 ноября 1840-го.

54 года — для европейца XX века возраст совсем небольшой. Поэтому неудивительно, что и для В. С. Нечаевой, и для Л. П. Гроссмана, и для И. Л. Волгина отец Достоевского умер преждевременно и почти молодым. В действительности, он пережил средний возраст. До открытия антибиотиков и их вхождения в медицинскую практику продолжительность жизни была существенно меньше: «...не только в начале XIX столетия, но и в его середине величина средней продолжительности жизни во многих странах не превышала 40 лет. В середине XIX века она составляла для Англии 33 года,

для Бельгии — 32 года, для Голландии — 34 года. Во Франции в 1861–1865 гг. она была равна 39,8 года. Таким образом, вплоть до конца XIX века люди жили мало. В России в 1896–1897 гг. *средняя продолжительность жизни равнялась 32 годам*» (курсив мой. — Г. П.) [5, 129–130]. Самые оптимистические подсчеты ограничивали продолжительность жизни 50 годами: «Основываясь на статистических данных, мы видим, что средняя продолжительность жизни, даже при хорошей обстановке, не больше 50 лет» [27, 51]. Экстраполяция представлений о продолжительности жизни человека конца XX века на реалии 1-й половины XIX столетия несколько искажает картину. В 1839 году человек в 54 года был стариком. Именно так отца Достоевского воспринимали и окружающие, и лица, вовлеченные в расследование. Зачем же тогда понадобилось расследование? Смерть М. А. Достоевского наступила скоропостижно, быстро, к тому же в поле. Такие случаи закон требовал расследовать прежде всего для того, чтобы установить, чем именно была вызвана смерть и почему она произошла так неожиданно и мгновенно. Сам факт полицейского расследования свидетельствовал о скоропостижности, но никоим образом не о наличии подозрений. В современном мире подобная практика сохранилась в англосаксонских правовых системах — так называемое *коронерское расследование*.

Как же получилось, что дело, которое изначально носило формальный характер, затянулось почти на полтора года? Собственно, на «проволочку» обратил внимание еще Г. А. Федоров: «...поступившие с 1 января по 14 октября 1839 года 49 уголовных дел решены. Лишь одно дело “за самим присутственным местом” (Каширским уездным судом. — Г. П.) осталось нерешенным, “о умершем... Достоевском”» [25, 188].

На наш взгляд, эта «проволочка» во многом проясняет логику и следственных действий, и процесса. То, что мы сейчас называем «Делом о смерти М. А. Достоевского», состоит из трех спутанных в единый клубок, но тем не менее отличных друг от друга дел. Во-первых, было полицейское расследование непосредственно причины смерти отца писателя, осуществленное Каширским земским судом в июне 1839 года. Во-вторых, был проводимый Каширским уездным судом в июне — ноябре 1839 года комплекс мер, направленных по отношению к Владимиру Хотяинцеву и Ивану Лейбрехту. Цель судебных действий заключалась в выяснении источника слуха о насильственной смерти М. А. Достоевского. В-третьих, было дорасследование, назначенное в январе 1840 года Тульской уголовной палатой и осуществленное каширскими судами в январе — октябре того года. Цель дорасследования — обосновать подсудность дела Тульской уголовной палате.

Кроме субъекта и предмета расследования, менялись и следственные «протоколы»: обнаружение «мертвого тела», насильственная смерть, убийство крестьянами, донесение о слухах, заведомо ложный донос и т. д. В этих сменах субъекта следствия и стандарта текстовый корпус набрал

ряд спорных процессуальных действий, устранить которые оказалось весьма и весьма сложно, и особенно в судебной ситуации конца 1830-х гг.

В 1834 году под эгидой М. М. Сперанского состоялась судебная реформа, целью которой была стабилизация русской юридической системы на основе нормативного судопроизводства. Граф Сперанский подготовил «Свод законов Российской империи», который Высочайшим указом был введен в действие как корпус, заменяющий в судопроизводстве все имеющиеся законодательные акты. Сформированный «Свод» превратился в единственный источник отправления правосудия:

...остановился <Государственный совет> на первомъ; вслѣдствіе чего положено было: «Сводъ» обнародовать съ полною силою закона и привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1835 года, до того же времени предоставить подлежащимъ вѣдомствамъ вносить всѣ замѣчанія, какія могли бы возникнуть на практикѣ, для соотвѣтственныхъ исправленій въ «Продолженіяхъ Свода», которыя издавать по мѣрѣ накопленія для нихъ матеріаловъ. На этихъ основаніяхъ состоялся манифестъ 31-го января 1833-го года. «Симъ исполнились — сказано было въ немъ — желанія предковъ нашихъ, въ теченіи ста двадцати шести лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся.» [14, 319].

Замышлялась эта реформа с целью сделать русское правосудие более последовательным и простым, чтобы любой человек мог взаимодействовать с юридической системой без необходимости обращаться к профессиональным «толкователям».

На самом деле, новая модель лишила целый ряд судей права принимать решения. Земский суд превратился в полицейскую часть. Так, в «Руководстве к познанию законов», составленном Сперанским в 1838 году, указано:

Предметы вѣдомства. Все что принадлежитъ къ полиціи разпорядительной, понудительной, слѣдственной, исправительной и исполнительной, составляетъ предметъ вѣдомства Земскаго Суда.

<...> *Порядокъ производства дѣлъ* есть совѣщательный и исполнительный [22, 168].

Уездные судьи теоретически могли выносить решения, но на практике сфера их компетенции была микроскопической:

Власть его въ дѣлахъ гражданскихъ ограничена цѣною дѣлъ во сто рублей (асс.); въ уголовныхъ одними исправительными наказаніями; прочія всѣ возходятъ въ Палату порядкомъ апелляціи или ревизіи [22, 169].

Все вопросы решали губернские палаты и Сенат — органы, чей состав был назначаем, в отличие от избираемых разными сословиями низших судов:

Губернскій Судъ.

<...> *Власть*. Палата Гражданская рѣшитъ дѣла тяжбныя и исковыя до двухъ тысячъ рублей (асс.) окончательно, прочія съ переносомъ въ Сенатъ. Палата уголовная рѣшитъ всѣ дѣла о преступленіяхъ лицъ податныхъ состояній окончательно, о дворянахъ съ переносомъ на ревизію въ Сенатъ [22, 161–162].

Впрочем, и Сенат, и губернские палаты в своих действиях были обязаны механически следовать «Своду», также как следовали ему низшие суды. Таким образом, судья любого уровня из лица, принимающего решение, превращался в инструмент и исполнителя. Судебный процесс сводился к определению: под какую статью подходит тот или иной момент, описанный в деле. В этой технологической механике и обнаружилась ограниченность новой системы, практическая невозможность слепого исполнения «Свода»:

...не во всѣхъ государствахъ *сводъ* есть крайняя общественная цѣль <...>; 2) <...> *сводъ*, держась правила — лишь сохранять *букву* закона, независимо отъ его разума, т. е., составлять свой текстъ изъ однихъ предписаній, съ исключеніемъ всѣхъ собственно вступительныхъ частей указовъ, именно: *исторіи дѣла, поводовъ и разсужденій*, — отнялъ тѣмъ и у буквы настоящее ея значеніе или придалъ ей, мѣстами, противоположный цѣли законодателя смыслъ и изъ частныхъ случаевъ или изъ постановленій, имѣвшихъ въ виду временную и преходящую потребность, извлекъ общія правила, не всегда удобопримѣнимыя... [28, 8].

Случай Михаила Андреевича Достоевского и оказался одним из таких, к которому неудобоприменимы «общие правила».

19 июня 1839 года Каширский уездный суд признал проведенное одноименным земским судом расследование завершенным и отослал экстракт на утверждение Тульскому гражданскому губернатору. Тексты донесения, приведенного выше в настоящей статье, и передаточной записи сохранились:

2й. июня от 19-го за № 3102, при коем прислано дело о скоропостижно умершем надворном советнике Михайле Андрееве Достаевском. **Приказали:** рапорт с делом записав отдать в повытѣ с роспискою, а как из произведенного следствия видно что в умышленной смерти гна Достаевского никого виновных и подозрительных к тому видов не открыто и сумнения в том ни от кого никакого неизъявлено, почему случай таковой смерти предать суду воли Божией а дело с мнением и экстрактом отослать на ревизию к гну Тульскому гражданскому губернатору и кавалеру при рапорте о чем сочинить особый протокол³.

Порядок действий, положенный при скоропостижной смерти внешне здорового человека, был осуществлен: становой пристав доложил о происшествии

в земский суд, которым было проведено расследование с опросом местных жителей; каширский уездный врач Шенкнехт произвел осмотр и вскрытие тела; по установлению объективной картины дело было направлено в уездный суд и к гражданскому губернатору:

Дела же о происшествиях, по которым нет в виду преступления или судить некого, должны быть представляемы из нижних судебных мест не в Палату уголовного суда, но к гражданским губернаторам, в подлинниках при выписках и мнениях; и если губернаторы найдут производство сих дел неправильным или неудовлетворительным или получают от кого жалобу, либо признают что те дела подлежат ревизии Палаты, то прямо от себя их в оную посылают⁴.

В тот момент, когда дело о смерти Михаила Андреевича находилось на утверждении у гражданского губернатора, произошел неожиданный поворот: помещик Иван Лейбрехт явился в Каширский земский суд и дал показания, будто Владимир Федорович Хотяинцев рассказал ему о своих сомнениях в ненасильственном характере смерти М. А. Достоевского. Председатель низшего суда, исправник Елагин, потребовал от Лейбрехта не ограничиваться устным рассказом, а подать «на бумаге» Сведение⁵, что Лейбрехт и сделал. С момента появления донесения Лейбрехта казавшееся простым и законченным дело превратилось в каверзную процессуальную головоломку. Ни Лейбрехт, ни Хотяинцев не присутствовали в момент смерти соседа-помещика, а потому в свидетели не годились:

Относительно лица свидетелей требуется: 1) чтобъ они могли быть наблюдателями того предмета, о которомъ они даютъ показаніе [2, 80].

Более того, оставивший заявление Лейбрехт вообще не был знаком с покойным и лишь пересказал якобы сообщенные ему Владимиром Хотяинцевым сведения и переданные последнему якобы со слов Павла Петровича Хотяинцева — владельца соседнего с Даровым села Моногарово. Сведений о контактах Владимира Хотяинцева с Михаилом Андреевичем Достоевским нет. Между тем «тѣ, которые свидѣтельствуютъ по слуху отъ другихъ» являются «недопускаемыми къ свидѣтельству подѣ присягою въ дѣлахъ уголовныхъ по Русскимъ законамъ» [2, 82].

Что делать с донесением Лейбрехта? Посчитать молвой? — «Подѣ *молвою* разумѣется распространившійся слухъ о преступленіи. Сама по себѣ она даетъ слабый поводъ къ слѣдствію, потому что часто можетъ происходить отъ злонамѣренности или пусторѣчія...» [2, 113]. Пополнить его сведениями материалы повального обыска? Но «повальный обыскъ, состоитъ въ допросѣ оковыхъ жителей, о такомъ обстоятельстве въ дѣлѣ, которое можетъ быть извѣстно всѣмъ, или многимъ жителямъ какого-либо мѣста <...>. Устраняются отъ него: <...> люди, знающіе о чемъ-либо по наслышкѣ» [2, 83].

С одной стороны, донесение не содержит процессуально приемлемой информации. С другой — повреждает категоричность центрального положения расследования: «...в умышленной смерти гна Достоевского <...> сомнения в том ни от кого никакого неизъявлено». «Сомнение» появилось. Вместе с его появлением изменились и подсудность (теперь это уездный суд), и ревизирующая инстанция (теперь это Тульская уголовная палата). Дело отправилось на утверждение, при том что утверждать его — в изменившихся условиях — гражданский губернатор не имел права. Более того, ни земский, ни уездный суды вообще не были уполномочены направлять такого рода дела на ревизию гражданскому губернатору. Дело должно было быть срочно истребовано назад для пересмотра, чтобы ни у кого в губернском центре не возникло подозрений в умышленном характере произошедшей ошибки. Истребование, действительно, состоялось. И вместе с ним — назначение целого ряда дополнительных действий:

— допросить Лейбрехта и Владимира Хотяинцева и учинить им очную ставку;

— допросить частнопрактикующего врача из Зарайска Шенрока;

— допросить Арину Васильевну Закурину — возможную свидетельницу второго разговора Лейбрехта и Владимира Хотяинцева.

Очная ставка дала неожиданный результат: выяснилось, что истребование дела не предполагалось инициатором донесения:

<H>а другой день по даче от себя сведения в Каширский земский суд, — рассказывал Лейбрехт, — он поехал к Г-ну Хотяинцову и объявил ему, что по желанию его, он передал все сии слухи начет смертности г. Достоевского г-ну исправнику Каширского земского суда, и оной потребовал от него на бумаги Сведение и что он все слышанное от него в оном поместил <...>, на что ему Г. Хотяинцов сказал что он весьма дурно зделал, а следовало бы ему Замешать в оном деле самого Исправника, и тогда он получа его сведение положил бы под сукно⁶.

Место весьма темное. Но фразеологизм «положить под сукно» со всей очевидностью означает одно: не дать показанию хода. Сомнительное донесение, появившееся как бы из ничего и очень не вовремя, должно было «сгинуть» в земском суде в Кашире, а губернатор спокойно утвердить дело. Кто-то — или Лейбрехт, или Владимир Хотяинцев, или стоявшие за ним «неустановленные лица» — «подставляли» каширского исправника Н. П. Елагина. Вброшенная бумага с ничтожным процессуальным потенциалом, но громким содержанием, бумага, которую сложно выкинуть, но и в дело нельзя вставить, «играла» именно против него, главы земского суда. Юридическую ничтожность надо еще обосновать, тогда как обнаружение такой свидетельской бумаги «под сукном» — запоминающееся событие. Мысль Г. А. Федорова, что Елагин был оклеветан [25, 142], кажется нам точной:

вступивший в должность губернатора Александр Егорович Аверкиев — человек, не связанный с Тульской губернией, — как раз в конце июня начал ревизовать уезды... Однако Н. П. Елагин был образцовым бюрократом⁷ — и дело было возвращено. С этого момента перед нами два дела, сплетенных в один клубок: 1) о причине смерти надворного советника Достоевского, 2) об источнике слуха об убийстве и о цели донесения. В достоевсковедении весь указанный комплекс обозначается как «Дело о смерти М. А. Достоевского», которая исследователям неизменно видится семантической доминантой:

Теперь (после донесения Лейбрехта. — Г. П.) суду необходимо вновь подтвердить свое первоначальное заключение о ненасильственной смерти М. А. Достоевского [25, 142].

Некто Лейбрехт «изъявляет подозрение», что дело нечисто. Наряжается новое следствие, которое, впрочем, ничего нового не обнаруживает [4, 255].

Продолжение судебного расследования во многом с легкой руки Г. А. Федорова воспринимается как повторное следствие, вызванное сомнениями в изначально полученных данных (см. вышеприведенную цитату из кн. И. Л. Волгина). Поскольку причиной этого «второго следствия» послужило инспирированное Владимиром Хотяинцевым сообщение Лейбрехта, то Г. А. Федоров объяснил все длительными неприязненными отношениями Хотяинцевых и Достоевских:

Не удалось Хотяинцеву засудить и крестьян соседа и тем окончательно разорить детей человека, отважившегося начать с ним судебный спор о земле [25, 143].

Излишне пристальное внимание к Хотяинцевым и их конфликту с покойным — справедливый упрек И. Л. Волгина: «Заговор Хотяинцевых против наследников Михаила Андреевича выглядит очень детективно, но, увы, не находит никаких фактических подтверждений» [4, 257]. И Г. А. Федоров, и исследователи, критиковавшие выдвинутый им мотив для действий Лейбрехта (В. С. Нечаева, И. Л. Волгин), упустили интересную деталь: ни крестьяне, ни действия врачей никогда не были хоть сколько-то значительной частью производимых исследований. В продолжении материалов о смерти надворного советника Достоевского меньше всего говорится о М. А. Достоевском: доминантой служило дознание о Лейбрехте и Владимире Хотяинцеве. Судей интересовали источник, причины донесения и его процессуальные следствия.

Ситуация, в которой после составления бумаги очутился Лейбрехт, более чем подозрительна. Его донесение, в корне меняющее все расследование, появилось аккуратно в тот самый момент, когда законченное дело лежало на утверждении у губернатора. Подателем, а то и источником выступило

лицо, не являвшееся свидетелем, не бывавшее в усадьбе Достоевского, совершенно не знакомое с умершим, но при этом погрязшее в делах каширских судов — чаще всего в статусе ответчика. Примечательно, что очная ставка между Иваном Лейбрехтом и Владимиром Хотяинцевым вызвана не интересом к причинам смерти Михаила Андреевича Достоевского, а попыткой разобраться, откуда взялось донесение. Поведение обеих сторон на очной ставке весьма выразительно: каждый из них выставляет противоположную сторону ответственной за слух. Лейбрехт сваливает ответственность за содержательную сторону донесения на Владимира Хотяинцева и минимизирует свою роль до функции агента: «...сверх сего дополняет он Лейбрехт что на другой день по даче от себя Сведения в Каширский земский суд, он поехал к Гну Хотяинцову и объявил ему что *по желанию его, он передал все сие слухи нащет смертности Г. Достаевского Гну исправнику Каширского земского суда*»⁸. Владимир Хотяинцев, отрицая сам факт подобного разговора, источником информации называет Лейбрехта: «Гн Хотяинцов в показуемом на сем зделал отрицательства, что он сих слов ему Гну Лейбрехту ни говорил»⁹. Когда Лейбрехт настаивает, что не был знаком с Михаилом Андреевичем и не мог выдумать детали¹⁰, то это аргументы, объясняющие свою невозможность быть источником слуха, а не причину смерти отца Достоевского. В результате каждый из участников очной ставки изображает из себя жертву неведомой игры со-ответчика. Лейбрехт до такой степени не желает ассоциироваться с собственным и добровольным донесением, что указывает на замысел Хотяинцева против Елагина: «...он <Лейбрехт> передал все сие слухи нащет смертности Г. Достаевского Гну исправнику Каширского земского суда <...>, на что ему Г. Хотяинцов сказал что он <Лейбрехт> весьма дурно зделал, а следовало бы ему Замешать в оном деле самого исправника, и тогда он <Елагин> получа его <Лейбрехта> сведение положил бы под сукно (курсив мой. — Г. П.), впротчем это не беда он <Владимир Хотяинцев> скажет что все оное слышал от г. Хотяинцова Павла Петровича жены»¹¹. Весь дискурс Лейбрехта противится предложенной для него Игорем Волгиным роли: «Лейбрехт! Лейбрехт! — осененно воскликнет наш прозорливый читатель — и нам остается лишь подивиться аналитической силе его ума. Действительно, ситуация, обозначенная в “Неточке Незвановой”, буквально, вплоть до деталей, напоминает расклад, когда бдительность ротмистра Лейбрехта воспрепятствовала тому, чтобы дело о скоропостижной кончине Михаила Андреевича Достоевского было положено под сукно» [4, 268].

Острая пикировка, взаимные «подставы» вряд ли свидетельствуют, что перед нами единомышленники, равно как и о том, что это — люди, владеющие реальными фактами и способные привести какие-то существенные доказательства. Именно потому, что фактов нет, а бумага есть, все, о чем пекутся на очной ставке Иван Лейбрехт и Владимир Хотяинцев, — это о том, чтобы уйти от ответственности по статье «заведомо ложный донос».

Единственное, в чем они согласны между собой и что их непоколебимо защищает, — никто из них не свидетель и переданное — не более чем слух («передал все сие *слухи* (курсив мой. — Г. П.) начет смертности Г. Достоевского» — взгляд Лейбрехта; «все оное слышал от г. Хотяинцова Павла Петровича жены» — позиция Хотяинцева). Пока сообщение — лишь набор слухов, личная версия не бывших свидетелями сторонних людей, никого из них нельзя обвинить в ложном доносе. Всего лишь — глупая неосторожность, совершенная безо всякого злого умысла. У глупости порой бывают серьезные последствия, но интенции навредить главе местной полиции у глупости быть не может. Если бы у Лейбрехта или у Хотяинцева имелись какие-то четкие факты, то в сложившейся ситуации им было бы гораздо разумнее к ним апеллировать, нежели намекать на очной ставке на «игру» соответчика против исправника. Обратим внимание, что на очной ставке не всплывает ни одно крестьянское имя — ни из Дарового, ни из Черемошни, ни из Моногарова. Фактов нет, а крайним быть никто не хочет. Вот почему «В. Ф. Хотяинцев, на которого ссылагается Лейбрехт, <...> категорически отказывается от приписываемых ему слов. Сам же Павел Петрович, якобы горевший желанием “открыть все дело”, почему-то не спешит...» [4, 255–256].

Могло ли донесение Лейбрехта действительно передавать ходившие слухи? — могло. Могли ли о чем-то шептаться крестьяне и помещики в Моногарове? — могли. Однако «право тѣмъ и отличается отъ нравственности, что нравственность оцѣниваетъ дѣйствія человѣческія главнымъ образомъ по намѣренію, а право наказываетъ и за намѣреніе и за дѣло, и за намѣреніе лишь настолько, насколько оно осуществляется въ дѣлѣ» [1, 7]. Вот почему даже если вдруг М. А. Достоевский умер в результате конфликта с крестьянами или в ходе конфликта они угрожали словесно или вилами, то с юридической точки зрения, убийства все равно не было. Убийство в XIX веке — это практически всегда умышленное нанесение травмы, несовместимой с жизнью. Суд требует от Лейбрехта верифицируемое доказательство такого факта.

К 16 ноября 1839 года программа доследования была выполнена, так что на ревизию теперь уже в Тульскую уголовную палату отправилось заключение, состоящее из двух основных «мнений» Каширского уездного суда:

1. О ненасильственной смерти Достоевского: «Случай смерти г. Достоевском на основании 15 тома 1061 Статьи предать суду воли Божией, так как в оной виновных никого нет, а она ему последовала от апоплексического удара»¹².

2. О безрассудном донесении Лейбрехта: «Что ж касается до г. Лейбрехта в изъявлении им в присутствии Каширского земского суда слов, что в смерти г. Достоевского имеется сомнение и он будто бы эти слова слышал от г. Хотяинцева но он Хотяинцев в сем отрекся и по следствием в насильственной смерти его виновных никого же неоткрыто, почему за неосновательное таковое объявление ему Лейбрехту по 105-й статье одного же тома подтвердить чтоб он впредь подобных сему случаях был осторожнее»¹³. Указанная

статья рекомендовала судьям проявлять к подсудимым милосердие и в случае необходимости назначать наказание ниже нижнего предела — деяние, совершенное Лейбрехтом, было признано глупостью.

3 января 1840 года дело из Тульской уголовной палаты возвращается назад. Каширский уездный суд отнесся к происшествию как к возможному убийству. Между тем убийцами Михаила Андреевича могли быть только его собственные крестьяне. Вопреки введенному В. С. Нечаевой в научный оборот указанию о росте насильственных преступлений крестьян против помещиков в 1830–1850-х гг. [16, 49], данные, опубликованные еще в советской печати 1920-х гг., показывают, что в то время никакого всплеска насилия в отношении помещиков в Тульской губернии не было [9]. В Тульской губернии в среднем за год совершалось одно убийство помещика; беспорядков, волнений, поджогов усадеб, неповиновений не было. Появятся они лишь в 1848 году (впрочем, к 1851 году ситуация будет стабилизирована, а с 1860-го — вообще вернется к исконной «норме»).

Однако какова бы ни была картина в статистическом разрезе, объективный набор фактов — барин, который вдруг ни с того ни с сего умер в поле, приглядывая за крестьянами, — естественным образом выдвигает последних на роль потенциальных убийц. Выносить вердикт по делу об убийстве помещика его собственными крестьянами мог только Сенат. В подобном роде дел губернская палата составляла лишь мнение, которое отсылала в высший судебный орган.

Расследование смерти Михаила Андреевича становится весьма «скользким». Если не было ни убийства, ни подозрений, то для решения дела достаточно полномочий самого низшего, земского, суда с визой гражданского губернатора. Но если убийство было, то приговор выносит Сенат — высший судебный орган Империи. Тульская уголовная палата оказалась в щепетильном положении: она рисковала вынести решение по неподсудному ей делу. Подсудность же возникала в весьма «узкой» ситуации: убийства не было, но было подозрение, опровергнутое в ходе процесса. Члены Тульской уголовной палаты решили проявить тщательность и потребовали «учинить следующее<:>

1е находившейся при деле гна зарайского лекаря Шенрока, по оставлении с него к делу копии отослать при отношении на заключение в Тульскую врачебную управу, с требованием таковым чтоб оные по сделании своего заключения с возвращением оного в сей суд уведомила б;

2е в разноречивых показаниях дать очные ставки гна Достаевского деревни Чермошни дворовой девке Марфе Исаевой с дворовым человеком Алексеем Михайловым и дознать от крестьян слышавших крик гна Достаевского сколько долго оный продолжался и какие слова произносил;

3е отобрать сведение от супруги Павла Петровича Хотяйнцова, от Федосьи Сергеевой, не передавала ли она Владимиру Федоровичу Хотяйнцову

сведения о смерти г. Достоевского и буде передавала то какие имела и в чем оныя заключаются,

4е Допросить няньку детей г. Достоевского московскую мещанку Елену Фралову за какими она родственниками г. Достоевского посылала в Москву, и кого именно, и потом всех их спросить не имеют ли они в смерти г. Достоевского на кого подозрение; о исполнении всего оного Каширскому земскому суду предписать»¹⁴. Кроме того, Каширский уездный суд потребовал от каширского уездного предводителя дворянства учинить повальный обыск о жизни и поведении Ивана Лейбрехта и Владимира Хотяинцева¹⁵.

С января 1840 года Каширские уездный и земский суды начинают работу по сбору и надлежащему оформлению запрошенных сведений. Впрочем, у собираемых данных имеется примечательная особенность: получить их в безукоризненном, с процессуальной точки зрения, виде не представляется возможным. Перед нами — отчетливая перестраховка.

Первым пунктом палата требует правильно оформленное заключение лекаря И. Шенрока. С самого начала следствия был известен факт: первым у тела Михаила Андреевича оказался зарайский лекарь Шенрок. Возможно, его позвали, пока Достоевский был жив, как лечащего врача. Но очевидно, что ценность свидетельства сего лекаря более чем ограничена: ни обследовать, ни вскрывать «мертвое тело» он не имел права. Во-первых, Шенрок был одним из частнопрактикующих докторов, которые практически не участвовали в судебной экспертизе: «Врачебная управа производит медицинские освидетельствования <...> в разных случаях встречающихся по делам управления и по делам судным, гражданским и уголовным»¹⁶.

Во-вторых, он был частнопрактикующим врачом из соседнего уезда иной, Рязанской, губернии, то есть вообще не относился к местной врачебной управе, тогда как «судебный осмотр тела производится не иначе, как по формальному от присутственного места требованию»¹⁷.

В-третьих, он оказался у тела менее, чем через 24 часа после смерти, что уже само по себе запрещало любые анатомические манипуляции: «К вскрытию мертвого тела ни в каком случае не должно приступать прежде истечения 24 часов после смерти»¹⁸.

Кроме сомнительной ценности, сведения Шенрока ставили проблему их судебной легализации: 1) кто должен его опрашивать, — Каширский или Зарайский уездный суд и 2) кто должен утверждать его показания, — Тульская или Рязанская врачебные управы?

Палата требует провести очную ставку между дворовыми Марфой Исаевой и Алексеем Михайловым. Проблема в том, что показания девушки заведомо не могли быть приняты в качестве официального свидетельства. Марфа Исаева, 1827 года рождения, была несовершеннолетней, а показания несовершеннолетних не учитывались: «Устраняются от него <повального обыска> <...> малолѣтныя ниже 15 лѣтъ» [2, 83]. Кстати, до годности к свидетельству мог не дорасти и Алексей Михайлов 1824 года рождения.

Вероятно, в первый период расследования произошла ошибка, в результате которой показания несовершеннолетней попали в материалы «повального обыска». После установления их недействительности страницы с ее опросом должны были пропускаться при судебном чтении. Тульская палата перестраховывалась, а потому настаивала: раз показания присутствуют в деле, должны быть произведены все необходимые действия.

Сведения, полученные от Федосьи Сергеевны Хотяинцевой, равно как и от Марьи Васильевны Хотяинцевой, учесть также процессуально невозможно: они находились в родстве с участниками процесса. Федосья Сергеевна должна была свидетельствовать против мужа, Павла Петровича, — имел ли он утаенные от суда сведения из усадеб Достоевского, планировал ли их открыть и почему этого не сделал (ср. из свидетельства Лейбрехта на очной ставке: «Как он <В. Ф. Хотяинцев> просил его <А. И. Лейбрехта> чтоб он <А. И. Лейбрехт> открыл исправнику что Гн Хотяинцов Павел Петрович его ждет к себе непременно, дабы открыть все сие дело»¹⁹). Марья Васильевна должна была также свидетельствовать против мужа В. Ф. Хотяинцева, — имели ли место его разговоры с Лейбрехтом. Собственно, Каширский уездный суд сразу указал на невозможность их использовать. По требованию Тульской палаты сведения были отобраны, хотя Каширский суд даже в конечном заключении указал на их ничтожность: «...гжа Хотяинцова на основании изложенного на сей предмет Законопостановления в свидетельство против своего мужа принята быть не может»²⁰.

Наконец, не годились в свидетели по делу о смерти Михаила Андреевича и его московские родственники, находившиеся в Москве. Малолетние дети Николай и Александра не могли свидетельствовать, а их нянька в момент смерти М. А. Достоевского отсутствовала в поле и не могла сообщить суду что-то более значительное, нежели слухи. Между тем в их показаниях Каширский суд был весьма заинтересован, так что передал московской полиции «для соображения ж об отобрании от изъявленных Лиц и дачи очных Ставок отослать и подлинное дело, с тем чтоб по чинении оное с исследованием возвратил в сей суд»²¹.

Куманины могли представлять неподдельный интерес в качестве свидетелей, но для разрешения второго аспекта — об источнике слуха. По этому вопросу приезжавшая в середине июня в Даровое забрать младших детей М. А. Достоевского Ольга Яковлевна Куманина была способна прояснить суду некоторые детали. Например, если она заходила к Хотяинцевым и слышала «сумнения», то источник слуха находился там: Куманина была у Хотяинцевых до разговора Владимира Хотяинцева с Лейбрехтом. При таком сценарии последний — действительно, всего лишь агент. Однако если Куманина заходила к Хотяинцевым и ни о каких «сумнениях» ей не рассказывали, то прав Владимир Хотяинцев: история сочинена Лейбрехтом.

Судя по воспоминаниям Андрея Михайловича Достоевского, «сумнения» в доме Хотяинцевых она слышала: «Бабушка, конечно, была на могиле отца

в селе Моногарове, а из церкви заезжала к Хотяинцевым. Оба Хотяинцевы, т. е. муж и жена, не скрывали от бабушки истинной причины смерти папеньки, но не советовали возбуждать об этом дела...» [13, 110]. Однако по каким-то причинам до следователей вся история беседы Павла Петровича Хотяинцева и Ольги Яковлевны Куманиной не дошла. За неимением каких-либо твердых фактов, ведущих к Хотяинцевым, суд признал сочинителем истории Лейбрехта, впрочем, отнесся к нему предельно снисходительно. Возможно, на судей подействовал его аргумент, что он не знаком с покойным Достоевским и не бывал в его деревнях, а потому не мог придумать рассказанную им историю.

Случай о смерти Достоевского оказался весьма запутанным в процессуальном плане. Проблемы прятались и в вопросе подсудности, и в свидетельских показаниях, и в экспертных заключениях. При этом заметно сочетание двух разных манер ведения дела: земского суда — строгая процессуальность с тенденцией к буквалистскому исполнению «Свода законов Российской империи» и уездной палаты — перестраховка с произведением действий, почти выходящих за грань процессуально допустимого. Нестыковки между буквальным и расширительным прочтением законодательства во многом заставили бюрократическую машину возвращаться к этому делу еще и еще раз на протяжении без малого полутора лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Нечаева В. С. Записки советского литературоведа // НИОР РГБ. Ф. 792. Карт. 2. № 2. См. об эволюции ее взглядов: [21].
- ² Государственный архив тульской области (ГАТО). Ф. 90 (Тульский гражданский губерна-тор). Оп. 1. Т. 20. № 15246. Л. 38–38 об. (Ведомость о происшествиях в Тульской губернии в течение 1-й половины июня 1839 года).
- ³ ЦГА г. Москвы. Ф. 2150 (Каширский уездный суд). Оп. 1. № 98. Л. 792 об.–793.
- ⁴ Свод законов Российской империи. Т. XIII. Ч. 2. Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части. 1839. Ст. 1228.
- ⁵ Журнал заседаний Каширского уездного суда за июль—декабрь 1839 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 2150 (Каширский уездный суд). Оп. 1. № 109. Л. 365 об.
- ⁶ Там же. Л. 365 об.–366.
- ⁷ Хвалебный отзыв о нем губернатора А. Е. Аверкиева, отметившего «особенное усердие к службе» и «примерный порядок по земскому суду», см.: Тульские губернские ведомо-сти. 1839. № 47. С. 264.
- ⁸ Журнал заседаний Каширского уездного суда за июль—декабрь 1839 г. Л. 365 об.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 366.
- ¹¹ Там же. Л. 365 об.
- ¹² Там же. Л. 656 об.–657.
- ¹³ Там же. Л. 656 об.
- ¹⁴ Журнал заседаний Каширского уездного суда за январь—июнь 1840 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 2150. Оп. 1. № 109а. Л. 27–27 об.

- 15 Там же. Л. 28.
- 16 Свод Законов Российской Империи. Ст. 35.
- 17 Там же. Ст. 1306.
- 18 Там же. Ст. 1310.
- 19 ЦГА г. Москвы. Ф. 2150. Оп. 1. № 109. Л. 366 об.
- 20 Там же. Ф. 2150. Оп. 1. № 109а. Л. 423 об.
- 21 Там же. Л. 27 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баршев, С. И. Къ учению о покушении / С. И. Баршев. — Москва : Университетская типография, 1865. — 13 с.
2. [Баршев, Я. И.] Основания уголовного судопроизводства, съ примѣненіемъ къ російскому уголовному судопроизводству / соч. Орд. Проф. Уголов. и Полиц. Законовъ въ Имп. С. Петерб. Ун-тъ, Д-ра правъ Я. Баршева. — Санктпетербургъ : Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1841. — [4], II, XVIII, 297 с.
3. Волгин, И. Л. К истории рода Достоевского / И. Л. Волгин // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 18 т. — Москва : Воскресенье, 2006. — Т. 18. — С. 194–209.
4. Волгин, И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники : жизнь в документах. — Москва : Книга, 1991. — 605 с.
5. [Волгин, Н. А.] Демография / под общ. ред. Н. А. Волгина. — Москва : РАГС, 2003. — 384 с.
6. Волоцкой, М. В. Хроника рода Достоевского : 1506–1933 / М. В. Волоцкой. — Москва : Север, 1933. — 442 с.
7. Гроссман, Л. П. Достоевский / Л. П. Гроссман. — Москва : Молодая гвардия, 1962. — 543 с.
8. Гроссман, Л. П. Достоевский на жизненном пути. Молодость Достоевского : 1821–1850 / Л. П. Гроссман. — Москва : Никитинские субботники, 1928. — 224 с.
9. Добротвор, Н. Борьба тульских крестьян с помещиками (с 1843 по 1861 г.) / Н. Добротвор // Тульский Край. — 1926. — № 2. — С. 20–21.
10. [Достоевская, Л. Ф.] Dostoejewski Geschildert von seiner Tochter A<imée> Dostojewski / Л. Ф. Достоевская. — Erlenbach-Zürich : Eugen Rentsch Verlag, 1920. — 307 p.
11. [Достоевская, Л. Ф.] Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской / Л. Ф. Достоевская ; пер. с нем. Л. Я. Круковской ; под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. — Москва ; Петроград, 1922. — 105 с.
12. Достоевская, Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / Л. Ф. Достоевская ; пер. с нем. Е. С. Кибардиной ; вступ. ст. ; подгот. текста и примеч. С. В. Белова. — Санкт-Петербург : Андреев и сыновья, 1992. — 245 с.
13. Достоевский, А. М. Воспоминания / А. М. Достоевский. — Москва : Аграф, 1999. — 432 с.
14. [Корф, Н. А.] Жизнь графа Сперанского : в 2 т., 5 ч. / Н. А. Корф. — Санктпетербургъ : Издание Императорской публичной библиотеки, 1861. — Т. 2. — 388 с.
15. Нейфельд, И. Достоевский. Психоаналитический очерк / И. Нейфельд ; пер. с нем. Я. Друскина ; под ред. проф. З. Фрейда. — Ленинград ; Москва : Изд-во Петроград, 1925. — 96 с.
16. Нечаева, В. С. В семье и усадьбе Достоевских : письма М. А. и М. Ф. Достоевских / В. С. Нечаева. — Москва : Гос. социально-экономическое издательство, 1939. — 160 с.

17. Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849 / В. С. Нечаева. — М. : Наука, 1979. — 288 с.
18. Прохоров, Г. С. Езда в Даровое, или Усадьба Достоевских глазами путешественников 1920-х годов / Г. С. Прохоров // Вестник Московского гос. социально-гуманитарного ин-та. — 2013. — № 2 (14). — С. 327 [Электронный ресурс]. — URL : <http://darovoe.ru/publication/research> (15.05.2017).
19. Прохоров, Г. С. Следственные мероприятия по делу о смерти М. А. Достоевского в контексте криминалистики того времени / Г. С. Прохоров // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. — Коломна, 2009. — С. 217–220.
20. Прохоров, Г. С. Смерть Михаила Андреевича Достоевского в судебно-медицинских документах / Г. С. Прохоров // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 1. — С. 26–37 [Электронный ресурс]. — URL : http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438333869.pdf (15.05.2017).
21. Прохоров, Г. С. Федор Достоевский : досоветский, антисоветский и советский (о политически мотивированных образах писателя) / Г. С. Прохоров // Toronto Slavic Quaterly. — 2015. — No. 3. — Pp. 147–164 [Электронный ресурс]. — URL : http://sites.utoronto.ca/tsq/53/tsq_53_prokhorov.pdf (15.05.2017).
22. [Сперанский, М. М.] Руководство къ познанию законовъ. Сочинение Графа Сперанскаго / М. М. Сперанский. — Санктпетербургъ : Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1845. — 171 с.
23. Тихомиров, Б. Н. Даровое и Черемошня в неосуществленных художественных замыслах Достоевского / Б. Н. Тихомиров // Летние чтения в Даровом. — Коломна, 2013. — Вып. 3. — С. 15–29.
24. Федоров, Г. А. К биографии Ф. М. Достоевского. Домыслы и логика фактов / Г. А. Федоров // Литературная газета. — 1975. — 18 июня. — № 25. — С. 7.
25. Федоров, Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Г. А. Федоров. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 464 с.
26. Федоров, Г. А. «Помещик. Отца убили...» / Г. А. Федоров // Новый мир. — 1988. — № 10. — С. 219–238.
27. [Филиппов, О. А.] Очеркъ русскаго уголовного права О. А. Филиппова / О. А. Филиппов. — Петербургъ, 1866. — Вып. 1. — 200 с.
28. [Филиппов, М. А.] Судебная реформа въ Россіи М. А. Филиппова : въ 2 т. / О. А. Филиппов. — Санктпетербургъ : Типографія Суворина, 1871. — Т. 1 : Судоустройство. — [4], IV, 623 с.
29. Фрейд, З. Достоевский и отцеубийство / З. Фрейд // Классический психоанализ и художественная литература. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — С. 70–87.
30. Carr, E. H. Dostoevsky. 1821—1881 : A New Biography / E. H. Carr. — London, 1931. — Pp. 21–22.

Georgy S. Prokhorov

Doctor of Philology,
Senior lecturer, Professor of Literature
of State University of Social Studies and Humanities
(Kolomna, Russian Federation)

prokhorov_goscha@mail.ru

THE CASE OF MIKHAIL ANDREEVICH DOSTOEVSKY'S DEATH, OR WHAT DID JUDGES SWEAT AWAY DURING A YEAR AND A HALF

Abstract. The primary focus of this article is to cast some light on the procedural aspects which resulted from the investigation into Mikhail Andreevich Dostoevsky's death. In this article we attempt to interpret the material evidence of the face-to-face interrogation of the two key witnesses to the case — Ivan Leibrecht and Vladimir Nechaev. The interpretation of the case is made based on the effective Russian legislation of the 1830s and the existing police investigation papers of the years 1839–1840. Thus, three main semantic lines of police inquiry have been disclosed, i. e. the cause of death, the source of the murder gossips (hearsay witnesses) and the problem of jurisdiction. Alongside this, discrepancies between the two legal bodies involved in the judicial proceeding — The Court of Kashira Uezd and Tula Criminal Chamber — have been brought to light.

Keywords: Mikhail Andreevich Dostoevsky, Darovoe, Cheremoshnya, legal text interpretation, homicide, investigation, procedural law

REFERENCES

1. Barshev S. I. *K ucheniyu o pokushenii [More on the Research Study of the Assassination Attempt]*. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1865. 13 p. (In Russ.)
2. Barshev Ya. I. *Osnovaniya ugovornogo sudoproizvodstva, s primeneniem k rossiyskomu ugovornomu sudoproizvodstvu [The Grounds for Criminal Proceeding, Adapted to Russian Criminal Proceeding]*. St. Petersburg, V Tipografii vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1841. 297 p. (In Russ.)
3. Volgin I. L. More on the History of the Bloodline of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 18 Vols]*. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006, vol. 18, pp. 194–209. (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskiy i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh [To Be Born in Russia, Dostoevsky and His Contemporaries: Life in Documents]*. Moscow, Kniga Publ., 1991. 605 p. (In Russ.)
5. Volgin N. A. *Demografiya [Demography]*. Moscow, Russian Academy of Public Administration Publ., 2003. 384 p. (In Russ.)
6. Volotskoy M. V. *Khronika roda Dostoevskogo: 1506–1933 [The Chronicle of Dostoevsky's Bloodline: 1506–1933]*. Moscow, Sever Publ., 1933. 442 p. (In Russ.)
7. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1962. 543 p. (In Russ.)
8. Grossman L. P. *Dostoevskiy na zhiznennom puti. Molodost' Dostoevskogo: 1821–1850 [Dostoevsky on His Life Path. The Youth of Dostoevsky: 1821–1850]*. Moscow, Nikitinskiye subbotniki Publ., 1928. 224 p. (In Russ.)

9. Dobrotvor N. The Struggle of Tula Peasants Against the Landowners (From 1843 to 1861). In: *Tul'skiy Kray*, 1926, no. 2, pp. 20–21. (In Russ.)
10. Dostoevskaya L. F. *Dostoejewski Geschildert von seiner Tochter A<imée> Dostojewski* [Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya]. Erlenbach-Zürich, Eugen Rentsch Verlag Publ., 1920. 307 p. (In German)
11. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii ego docheri L. Dostoevskoy* [Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya]. Moscow, Petrograd, 1922. 105 p. (In Russ.)
12. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii svoey docheri* [Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 245 p. (In Russ.)
13. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Agraf Publ., 1999. 432 p. (In Russ.)
14. Korf N. A. *Zhizn' grafa Speranskogo: v 2 tomakh, 5 chastyakh* [Life of Count Speransky: in 2 Vols, in 5 Parts]. St. Petersburg, Publication of the Imperial Public Library Publ., 1861, vol. 2. 388 p. (In Russ.)
15. Neyfel'd I. *Dostoevskiy. Psikhoanaliticheskiy ocherk* [Dostoevsky: A Psychoanalytic Essay]. Leningrad, Moscow, Petrograd Publ., 1925. 96 p. (In Russ.)
16. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh* [In the Dostoevsky Family and Estate: Letters of Mikhail A. and Fedor M. Dostoevsky]. Moscow, State Economic and Social Publ, 1939. 160 p. (In Russ.)
17. Nechaeva V. S. [Ranniy Dostoevsky. 1821–1849]. *Early Dostoyevsky. 1821–1849*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)
18. Prokhorov G. S. Journeys to Darovoe, or the Dostoevsky Estate Through the Eyes of Travelers of the 1920s. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo sotsial'no-gumanitarnogo instituta* [Herald of Moscow Regional State Institute of Humanities and Social Studies], 2013, no. 2 (14). P. 327. Available at: <http://darovoe.ru/publication/research> (accessed 15 May 2017). (In Russ.)
19. Prokhorov G. S. The Criminal Investigation Into the Death of M. Dostoevsky in Terms of Criminology of That Time. In: *F. M. Dostoevskiy v dialoge kul'tur* [F. M. Dostoevsky in the Dialogue of Cultures]. Kolomna, 2009, pp. 217–220. (In Russ.)
20. Prokhorov G. S. Mikhail Andreevich Dostoevsky's Death According to Forensic Medical Documents. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [The Unknown Dostoevsky: Online Research Journal], 2015, no. 1, pp. 26–37. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438333869.pdf (accessed 15 May 2017). (In Russ.)
21. Prokhorov G. S. Fedor Dostoevsky: Pre-Soviet, Anti-Soviet and Soviet (About the Politically Motivated Images of the Writer). In: *Toronto Slavic Quaterly*, 2015, no. 3, pp. 147–164. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/53/tsq_53_prokhorov.pdf (accessed 15 May 2017). (In Russ.)
22. Speranskiy M. M. *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. Sochinenie Grafa Speranskogo* [The Guide to the Study of Laws. The Tractate of Count Speransky]. St. Petersburg, V Tipografii vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1845. 171 p. (In Russ.)
23. Tikhomirov B. N. Darovoe and Cheremoshnya in the Unfulfilled Artistic Plans of Dostoevsky. In: *Letnie chteniya v Darovom* [Summer Readings in Darovoe]. Kolomna, 2013, issue 3, pp. 15–29. (In Russ.)
24. Fedorov G. A. More on the Biography of F. M. Dostoevsky. Conjectures and the Logic of Facts. In: *Literaturnaya gazeta*, 1975, 18 June, no. 25. P. 7. (In Russ.)

25. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [Moscow World of Dostoevsky. The History of Russian Artistic Culture of the 20th Century]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)
26. Fedorov G. A. "Landowner. The Father Was Muredered...". In: *Novyy Mir*, 1988, no. 10, pp. 219–238. (In Russ.)
27. Filippov O. A. *Ocherk russkogo ugovnogo prava O. A. Filippova* [An Essay on Russian Criminal Law by O. A. Filippov]. Petersburg, 1866, issue 1. 200 p. (In Russ.)
28. Filippov M. A. *Sudebnaya reforma v Rossii M. A. Filippova: v 2 tomakh* [The Judicial Reform in Russia by M. A. Filippov: in 2 Vols]. St. Petersburg, Suvorin's Printing House, 1871, vol. 1: Judiciary. [4], IV, 623 p. (In Russ.)
29. Freyd Z. Dostoevsky and Patricide. In: *Klassicheskiy psikhoanaliz i khudozhestvennaya literatura* [Classical Psychoanalysis and Literature]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002, pp. 70–87. (In Russ.)
30. Carr E. H. *Dostoevsky. 1821–1881: A New Biography*. London, 1931, pp. 21–22. (In English)

Ирина Святославовна Андрианова

*кандидат филологических наук,
заведующая Web-лабораторией филологического факультета
Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

yarysheva@yandex.ru

«ДРУГ ПИСАТЕЛЕЙ» М. А. ЯЗЫКОВ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ПИСЬМАХ, АТРИБУЦИЯ, КОММЕНТАРИЙ*

Аннотация. Михаил Александрович Языков не являлся литератором, но он имеет свои заслуги перед русской литературой. Этот человек был другом и помощником таких разных по характеру и взглядам талантливых писателей, как И. И. Панаев, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и др. Между тем в известных на сегодня скудных биографических данных о его личности сохранились ошибки (ему приписывается должность его брата П. А. Языкова — директора Императорского стеклянного завода и др.). Знакомство Ф. М. Достоевского с М. А. Языковым состоялось в 1840-е гг. в «кружке Белинского». Первое упоминание о новом знакомом сделано в письмах к брату Михаилу за 1846 год. Воспоминание об одной из встреч с Достоевским в 1846–1847 гг. Языков изложил в письме для редакции «Нового Времени» (1881), где свидетельствовал, что писатель страдал легкой формой эпилепсии еще до каторги. С 1870-х гг. отношения Достоевского с Языковым перешли в приятельские и поддерживались до конца жизни писателя, что подтверждается в их переписке и записных тетрадях Достоевского. До настоящего времени было известно 1 письмо Достоевского к Языкову и 7 писем Языкова к писателю. В данной статье не только выявлены новые факты биографии М. А. Языкова, но и представлена атрибуция письма к Достоевскому от 14 октября 1876 года, автор которого не был прежде установлен. Это 8-е письмо Михаила Языкова к автору «Дневника Писателя». В Приложении к статье опубликованы переписка Достоевского и Языкова, связанные с ней письма Н. А. Алфимова и А. А. Буткевича, дана републикация письма Языкова в редакцию «Нового Времени».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. А. Языков, П. А. Языков, «Отечественные Записки», «Современник», «кружок Белинского», комиссионерская контора, атрибуция, Алфимов, графологический анализ

Писатели любили его бескорыстно <...>
он служил литературе как мог.

К. И. Чуковский [16]

«Друг писателей» Языков

Михаил Александрович Языков (1811–1885¹) — человек, на первый взгляд, далекий от литературы. По роду деятельности он был государственным служащим: чиновником особых поручений при министре императорского двора (1843–1846)², управляющим акцизными сборами в Туле (1860-е)³, Калуге (с конца 1860-х гг. до 1874 г.)⁴ и Великом Новгороде (с 1875 г. и до конца жизни)⁵.

Не будучи писателем, Языков тесно общался с выдающимися литературными деятелями 40-х и 50-х гг. и «какъ пріятный и веселый собесѣдникъ, острякъ и каламбуристъ»⁶, «повсѣгдатай всѣхъ литературныхъ обѣдовъ»⁷ пользовался большой известностью и уважением среди художников слова.

Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская Старина», содержит собственноручную автобиографическую запись Языкова от 20 декабря 1879 года:

Я з ы к о в ь , Михаилъ Александровичъ, родился въ 1811 г., въ Тульскомъ уѣздѣ, селѣ Сергіевскомъ. Воспитывался и окончилъ курсъ въ Петербургѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ въ 1830 году. Товарищъ по школьной скамьѣ Иван. Ив. Панаева и кружка русскихъ писателей, преимущественно 1840 годовъ⁸.

Илл. 1. Миниатюра И. Е. Эггинка.
Ок. 1830 г.⁹

По воспоминаниям одного из современников, «не было почти ни одного сколько-нибудь замѣтнаго литератора, съ которымъ Языковъ не былъ бы знакомъ болѣе или менѣе близко»¹⁰. Он шел «в жизни» «дружно и не разлучаясь» с *И. И. Панаевым*¹¹, был близким товарищем *В. Г. Белинского*¹², *И. С. Тургенева*¹³, тесно общался с *А. А. Фетом*¹⁴, *А. Н. Герценом*¹⁵, *Н. П. Огаревым*¹⁶, *М. Е. Салтыковым-Щедриным*, *Н. А. Некрасовым*, с сотрудниками журналов «Отечественные Записки» и «Современник». *А. С. Пушкина* Языков, по его словам, тоже «знал и не раз встречался с ним» (цит. по: [6, 295])

По воспоминаниям А. Я. Панаевой (Головачевой), у Языкова

...раз в неделю вечером собирались многие писатели. <...> рукопись «Обыкновенной истории» Гончарова была доставлена в «Современник» Языковым.

Некрасов также принес Языкову свою рукопись «Петербургские углы», прося, чтобы он ее прочитал.

<...> в продолжение всей своей жизни он вечно о ком-нибудь хлопотал или исполнял чьи-нибудь поручения самым ревностным образом¹⁷.

Языков был готов делиться с друзьями-литераторами всем и даже ночью принимал их ватагу, налетавшую на него неожиданно:

Бывало, зимою, поздно засидѣвшись послѣ обѣда, кто-нибудь изъ собесѣдниковъ крикнетъ: «господа! поѣдемте ужинать къ Языкову!» И вся ватага садилась на извозчиковъ и отправлялась на фарфоровый заводъ къ несчастной женѣ Языкова, всегда съ особенной любезностью встрѣчавшей незваныхъ гостей. Не знаю, какъ она успѣвала накормить всѣхъ, но часа черезъ полтора или два являлись сытныя и превосходныя русскія блюда, начиная съ гречневой каши со сливочнымъ масломъ или со сливками и кончая великолѣпнымъ поросенкомъ, сырниками и т. д. И ватага отваливала домой, довольная хозяевами и ночью экскурсіей»¹⁸.

Илл. 2. Сотрудники журнала «Современник» (Л. Толстой, Д. Григорович, И. Гончаров, И. Тургенев, А. Дружинин, А. Островский).
Фото С. Левицкого (1856)

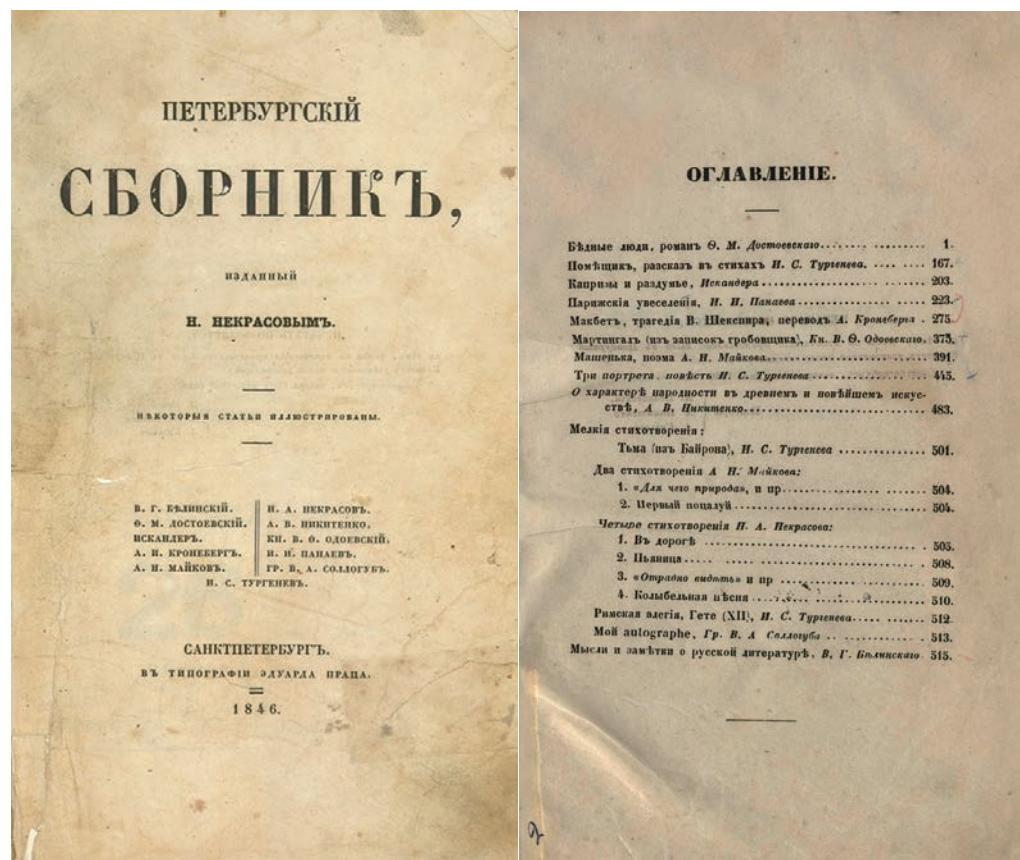
1840-е гг. Знакомство Языкова и Достоевского. «Петербургский Сборник»

Ф. М. Достоевский познакомился с «другом писателей» [10, 116] во 2 пол. 1845 — 1 пол. 1846 года на встречах «кружка Белинского». Поводом для пересечения их путей могло стать издание «Петербургского Сборника». Считается, что этот альманах — самый крупный и наиболее успешный издательский проект Н. А. Некрасова «досовременниковского» периода. Он объединил под своей обложкой произведения И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, А. Н. Майкова, В. Ф. Одоевского, И. И. Панаева. Главным событием «Петербургского Сборника», которое навсегда вписало это издание в историю не только русской, но и мировой литературы, стала публикация романа «Бедные Люди» — литературного дебюта Ф. М. Достоевского. Однако то, что, наряду с Некрасовым, соиздателем «Петербургского Сборника» выступил М. А. Языков, является

малоизвестным фактом, отмеченным только в письме первого к его сестре А. А. Буткевич:

Затеял предприятие в 10 тысяч, имея только четыре, и всякую копейку, какая есть, принужден отдавать на бумагу, на печать, на картинку и на всякие другие принадлежности. <...> Впрочем, дело идет успешно, потому что я принял к себе в дело по этому предприятию г. Языкова, своего короткого знакомого, имеющего капитал, и чего недостает денег, беру у него, разумеется, в ожидании будущих благ, которые, впрочем, очень верны¹⁹.

Участие Языкова в качестве надежного кредитора издания способствовало тому, что редакторская работа Некрасова над «Петербургским Сборником» «шла гораздо быстрее, чем подготовка двух выпусков «Физиологии Петербурга»» [3, 348].

Илл. 3, 4. Титульный лист и оглавление «Петербургского Сборника»

После знакомства с Достоевским, по свидетельству Языкова, они часто встречались: «Года за два — за три передъ ссылкой, какъ-то разъ, въ Іюнѣ или Іюлѣ мѣсяцахъ, въ прекрасный теплый лѣтній вечеръ, зашелъ ко мнѣ, что бывало не рѣдко, Ф. М. Достоевскій»²⁰. После смерти писателя Языков оставил воспоминание об одной из таких встреч в 1846 или 1847 году, когда он явился свидетелем «легкого эпилептического припадка» Достоевского²¹.

«Комиссионная контора и агентство Языкова и К^о»

Первое упоминание о Языкове в письмах сделано Достоевским 5 сентября 1846 года. «*Языковъ открылъ контору и выставилъ вывѣску*», — сообщал начинающий писатель брату Михаилу²². Имеется в виду первая в России петербургская комиссионерская контора, организованная в октябре 1846 года Языковым и Н. Н. Тютчевым на средства первого, вырученные от продажи родового имения. По воспоминаниям А. Я. Головачевой (Панаевой), «выставив свою дворянскую фамилию на вывеске конторы», Языков «очень гордился своим демократическим поступком», так как «русское дворянство считало унижением пускаться в коммерческие дела»²³. «Языков невероятно смешон с своей конторой — хлопочет, важен, даже не острит», — сообщал А. И. Герцен Н. Х. Кетчеру 5–8 октября 1846 г.²⁴

«Комиссионная контора и агентство Языкова и К^о»²⁵ была предназначена для снабжения провинциалов предметами жизненного обихода и книгами. «При тогдашнемъ жалкомъ состояніи торговли въ провинціальныхъ населенныхъ пунктахъ, при бездорожьи и скудости газетъ <...> предпріятіе это имѣло особенно цѣнное значеніе для провинціаловъ, тѣмъ болѣе, что во главѣ его были поставлены знающіе люди изъ интеллигентнаго круга»²⁶. Через эту контору велась подписка на журнал «Современник» и его рассылка²⁷; на это «надежнѣйшее прибѣжище авторамъ»²⁸ возлагали большие надежды многие писатели, нуждавшиеся в книжном складе и желавшие распространять свои сочинения.

Интересный факт из жизни комиссионерской конторы Языкова был установлен российским историком М. К. Лемке. В 1848 году, когда особенно было распространено доноительство, собрания литераторов в конторе вызвали интерес у Третьего отделения. Итогом стало появление «курьезного», «малограмотного “дела”», которое вскоре было прекращено в связи с отсутствием в этих собраниях антиправительственной угрозы. «Главное собраніе всѣхъ литераторовъ, — цитирует М. К. Лемке материалы “дела”, — было въ конторѣ комисіонерства Языкова, которой завѣдываетъ Тютчевъ — и для этого назначены дни субботніе. Краевскій, Искандеръ <...>, Панаевъ и Бѣлинскій здѣсь играли первую роль — въ разныхъ литературныхъ и общихъ разговорахъ и ожиданіяхъ, но какъ слышно, около двухъ недѣль, собранія эти прекращены» [12, 182].

Услугами конторы Языкова планировал воспользоваться и Достоевский. Осенью 1846 года писатель собирался издать два тома своих сочинений,

и ему была необходима помощь по хранению и продаже этих книг, о чем он сообщал в октябрьских письмах брату Михаилу: *«Лавка падаетъ у Некрасова. Но Языковъ и комп<анія> процвѣтаютъ. У него тоже коммисіонерство и книгами. Я уже съ нимъ говорилъ для сдачи ему экземпляровъ для хозяйственнаго командов<анія> ими», «...въ конторъ Языкова учреждает<ся> главная складка»*²⁹. Однако планы писателя по изданию первого двухтомника своих сочинений смогли воплотиться гораздо позднее — в 1860 году, когда конторы Языкова уже не существовало. Возможно, Достоевский воспользовался ее услугами для хранения романа «Бедные Люди», отдельное издание которого вышло в ноябре 1847 года. К тому же книги было необходимо где-то хранить: по свидетельству коллекционера и библиофила Н. В. Паншева, часть тиража, вышедшая в издательской обложке с надписью: «Издание исправленное», продавалась только в следующем, 1848 году, «в связи с чем на обложке стоял другой год издания, чем на титульном листе» [15, 97]. Но о хранении «Бедных Людей» именно в комиссионерской конторе Языкова доподлинно неизвестно. Весною 1849 года Достоевский был арестован и сослан в Сибирь в каторжную работу на четыре года — дела же комиссионерской конторы шли хорошо до начала 50-х гг., времени ее неожиданного банкротства: «Обнаружились крупные растраты, въ кассовыхъ книгахъ оказались вырванные кѣмъ-то листы...»³⁰. Фактически комиссионерская контора прекратила свое существование в конце 50-х — начале 60-х гг.³¹

Императорский стеклянный завод

В середине 1850-х гг. Языков, растратив свое состояние на комиссионерскую контору, испытывал нужду.

Языкова процесс примерно разыгрался:

Он без копейки был, без денежки остался...

— шутили его приятели³².

Как сообщал 13 (25) мая 1855 года И. С. Тургенев в письме к А. К. Толстому: «Он <Языков> находится в обстоятельствах весьма тесных, боится лишиться небольшого казенного местечка, которым живет — и судьба его вообще принимает вид не очень веселый»³³. Под «небольшим казенным местечком», возможно, имеется в виду должность на Императорском стеклянном заводе. «...Языков жил на стеклянном казенном заводе, где получил место...», — вспоминала А. Я. Панаева³⁴. Ошибочная информация о том, что М. А. Языков являлся его директором, впервые появившаяся в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона³⁵, а затем перешедшая в другие справочники³⁶, сегодня воспринимается

Илл. 5. П. А. Языков³⁸

как достоверная³⁷. Однако это не так: директором Императорского стеклянного завода с 1832 по 1855 гг. был старший брат Михаила Александровича — Павел Александрович (1798–1862), уволенный со службы по болезни в 1855 году (см. о П. А. Языкове: [8, 402]; [7]).

В адрес-календаре за 1858–1859 гг. отмечено, что должность *смотрителя Мозаического заведения*, входившего в состав Императорского стеклянного завода, в эти годы занимал надворный советник «Мих. Андр. Языковъ»³⁹. С большой долей вероятности имеется в виду Михаил Александрович Языков: отчество «Андр.» в данном случае может быть ошибкой типографского набора (у другого должностного лица, отмеченного ровно на строку выше, такое же отчество — «Андр.», см. илл. 6).

Илл. 6. Фрагмент «Адресь-календаря... на 1858–1859 годъ»

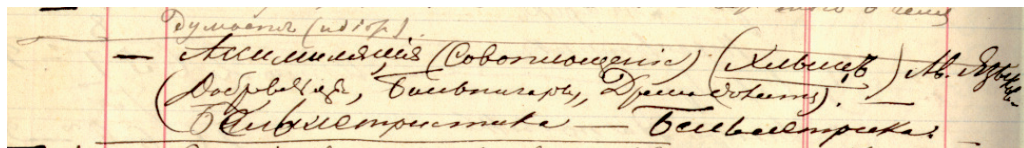
Достоевский и Языков в 1870-е — начале 1880-х гг.

После крушения комиссионерской конторы и возвращения Достоевского с каторги их отношения с Языковым не прекратились, а наоборот, судя по архивным документам 1870-х гг., перешли в тесные приятельские и продолжались до последних лет жизни писателя.

Упоминания о Языкове встречаются в двух записных тетрадах Достоевского. В **тетради за 1876–1877 гг.**⁴⁰ фамилия «Языков» встречается трижды. Впервые — на листе 249 среди записей «прихода» с продажи книг и «Дневника Писателя»:

Языковъ — 2 ∞ 40.

Второй раз в этой тетради фамилия «друга писателей» включена в блок записей, отчеркнутый у Достоевского сверху и снизу:

Илл. 7

— Ассимиляція (Совоплощеніє) (*Хлыщъ*) Ав. Языковъ
(Добровольцы, Больничары, Дрема долитъ). —
Бельлетристика — Бельлетрика. — <с. 265>

Этот текст вызвал у редакций «Литературного наследства» (ЛН)⁴¹ и 30-томного «Полного собрания сочинений» (ДЗО)⁴² ошибки в прочтении и затруднения в комментариях. Так, сокращенная запись «**Ав.**» расшифровывается (даже без знака вопроса и указания: «предположительно») в ЛН как «Ав<густ>», а в ДЗО — как «Ав<сеенко>».

Свой вариант первая группа исследователей аргументирует, ссылаясь на письмо А. Г. Достоевской, таким образом: «М. А. Языков <...> в это время жил в Новгороде, <...> по-видимому заходил к А. Г. Достоевской, спрашивал о Ф. М.». Однако данное письмо жены писателя написано не в августе, а 27 июля 1876 года. Она сообщала из Старой Руссы мужу, находящемуся в Эмсе: «...ко мнѣ явился какой<-то> господинъ съ письмомъ отъ Михаила Алекс<андровича> Языкова, который спрашиваетъ у меня въ письмѣ: <Вписано над строкой: онъ былъ у насъ, живетъ въ Новгородѣ.> вернулся ли ты, когда вернешься и куда: сюда или въ Петерб<ургъ>. Если въ Пет<ербургъ> то гдѣ твой петерб<ургскій> адресъ. Затѣмъ выйдетъ-ли Июльскій №. Я отвѣтила самымъ подробнымъ образомъ на всѣ эти вопросы. Зачѣмъ ему это — не знаю»⁴³. «Не понимаю, для чего я такъ понадобился Языкову, — вскользь отвечал на это Достоевский. — Пустяки какіе нибудь»⁴⁴. Вряд ли Достоевский внес запись об этих «пустяках» в свою записную тетрадь, сопроводив таким «словесным окружением».

В ДЗО никак не аргументируют свое текстологическое решение, но, по всей вероятности, оно вызвано тем, что в «Дневнике Писателя» за 1876 год идет речь о писателе В. Г. Авсеенко. Какую связь имеет запись «Ав<сеенко>» с окружающими ее записями, не показано. Обе расшифровки вызывают сомнение.

Загадочное слово «дремадолит» из данного блока записей (прочтение в ЛН и ДЗО) на самом деле является цитатой из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828): «**Дрема долитъ**» (в знач. — одолевает); выражение зафиксировано в толковом словаре Д. Н. Ушакова⁴⁵ и «Словаре языка Пушкина»⁴⁶. Так поэт описывает предсмертные часы Кочубея:

Зутра казнъ. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни;
О жизни не жалеет он.
Что смерть ему? желанный сон.
Готов он лечь во гроб кровавый.
Дрема долит (курсив мой. — И. А.)⁴⁷.

Известно также, что в «Дневнике Писателя» за 1873 год Достоевский для обозначения образованного русского дворянства использовал выражение из пушкинской «Полтавы» — «птенцы гнезда Петрова»: «Во всяком случае

наша несостоятельность как «птенцов гнезда Петрова» в настоящий момент несомненна» (ДЗ0, 21; 41, 297, 402).

Итак, почти все слова в рассмотренном тексте из записной тетради Достоевского («Ассимиляция ∞ Бельлетрика») прочитаны, но их связь остается загадкой, нужны новые исследования.

В третий раз Достоевский вспоминает о Языкове на листе 278 данной записной тетради, вписывая в правом верхнем углу:

Пятница 24 Мая 1874 г.

О М. А. Языковъ

въ С. П. Вѣдомостяхъ.

Здесь имеется в виду корреспонденция из Калуги, напечатанная в отделе «Внутренние известия» газеты «Санкт-Петербургские Ведомости». В статье сообщалось о прощальном обеде по случаю отъезда М. А. Языкова, возглавлявшего акцизное управление, в Новгород на ту же должность и перечислялись общества и учреждения, основанные в Калуге при содействии Языкова (см.: ДЗ0, 24, 479).

В **записной тетради за 1880–1881 гг.** Достоевский вспоминает Языкова однажды, в контексте: «Чума, Языковъ: Ахъ кабы всѣ умерли!»⁴⁸ Эту запись С. В. Белов убедительно объясняет откликом Достоевского на письмо к нему Языкова от 26 января 1879 года [4, 454–455], где последний сообщал: «Меня давно, то есть гораздо ранѣе появленія чумы, занималъ вопросъ о сожиганіи труповъ и пр. Не знаю какъ смотрите Вы на этотъ предметъ, но мнѣ кажется, что нельзя, въ виду приближенія моровой язвы, придумать болѣе счастливаго момента для популяризаціи въ народъ этой пропаганды» (см. Приложение).

Речь о Языкове ведут супруги Достоевские и в переписке. Кроме названных выше писем за июль 1876 года, в письме от 5 июня 1880 года Достоевский упоминает о встрече с Языковым во время Пушкинского праздника в Москве. Он сообщает жене, что торжество непременно выльется в идеологическое противостояние либерально-западнической и славянофильской групп: «Другіе партіи либеральныя, между ними Плещеевъ и даже хромой Языковъ, относятся сдержанно и какъ бы высокомерно: дескать ты ретроградъ, а мы то либералы»⁵¹. Эта встреча с Достоевским была важна для Языкова — в майском письме за 1880 год он, приехав в Москву из Новгорода, спрашивал писателя: «Мнѣ нужно и важно знать: останетесь-ли Вы до празднества Пушкину, что вѣроятно произойдетъ черезъ недѣлю. Я только что пріѣхалъ изъ Новгорода» (см. Приложение).

С 1875 года Языков уже жил в Новгороде, был управляющим акцизными сборами. Семья же Достоевского с 1872 года снимала дачу неподалеку — в Старой Руссе, а позже приобрела здесь дом. Новгородский край еще больше сблизил двух старых знакомых. Подтверждение тому — в их переписке этого периода.

Письмо Достоевского к Языкову о Н. А. Алфимове

Известно только одно письмо Достоевского к Языкову — от 14 июля 1878 года. В нем писатель рекомендовал последнему для трудоустройства Николая Александровича Алфимова, мужа подруги А. Г. Достоевской — Глафиры Михайловны Алфимовой (в девичестве — Андреевой)⁵², уповая на всем известную доброту приятеля-чиновника: «...простите что Васъ безпокою, я слишкомъ понимаю какъ тяжелы всѣ эти просьбы, но вѣдь это все просьбы бѣдныхъ людей, а ихъ такъ много, такъ много. Да Вамъ ли не знать какъ ихъ много дорогой и добрыйшій Вы человекъ!»⁵³. Достоевский не знал Алфимова лично, поэтому рекомендация получилась своеобразная: расписав достоинства Глафиры Михайловны («дѣвушка съ прекрасными качествами и которую я знаю лично...»⁵⁴), писатель затем прибавил и о ее муже: «Хоть не знаю лично Алфимова, но думаю что человекъ порядочный и честный, потому что иначе не вышла бы за него такая дѣвушка. <...> Вся рекомендація его въ моихъ глазахъ (и самая главная) есть то что онъ мужъ такой женщины какъ Глафира Михайловна»⁵⁵.

Непосредственной причиной для обращения Достоевского к Языкову стали полученные писателем письма от Г. М. и Н. А. Алфимовых. В июне 1878 года Глафира Михайловна спрашивала Достоевского, не может ли он похлопотать через М. А. Языкова о доставлении ее мужу места в Новгородской губернии (ее письмо не сохранилось). Затем, отвечая на письмо Достоевского вместо приболевшей жены, сам Н. А. Алфимов изложил писателю просьбу о содействии в трудоустройстве (см. публикацию письма в *Приложении*).

В ответном Достоевскому письме от 25 июля 1878 года Языков сообщал, что вакансий в его акцизном управлении нет, но приглашал Алфимова приехать в Новгород на личную встречу и обещал, если уверится в его деловых качествах, помочь. Языков, по признанию А. Ф. Кони, не отказывал в помощи тем, кто к нему обращался; его доброта являлась «“любовью дѣятельной”, тревожной, приходившей на помощь, въ формахъ деликатной настойчивости, вездѣ гдѣ только было возможно... <...> вмѣстѣ съ нимъ приходила помощь, обученіе, заработокъ, служба...» [1, 195]. Однако в данном случае переход Алфимова на службу в Новгородскую губернию не состоялся вследствие печального события. На это указывает черновик прошения, составленный А. Г. Достоевской в начале 1880 года от лица жены Алфимова:

Жена страдающ<аго> душев<ной> бользнью Инженера 1го разр. Алфимова, оставшиись вслѣдств<віе> его бользни съ 2 груд<ными> дѣт<ьми> безъ средствъ къ сущ<ествованію> проситъ объ опредѣленіи> ея на какую либо казенную педагогич<ескую> или админист<ративную> службу. <Имеетъ>⁵⁶ атестатъ объ оконч<аніи> курса Мар<иинской> С<анктъ> Пет<ербургской> Гимназ<и>. Мужъ ея технологъ Алфимовъ служилъ съ 1872

въ Перми по Акцизному Управленію. Послѣ ужаснаго событія> 2го Апрѣля>⁵⁷ умопомѣш<ался> и врачи полож<или> его въ Лечеб<ницу> Д<окто>ра Штейна и въ клиникѣ Мед<ико>-Хир<ургической> Акад<еміи> признали болѣзнь безнадежной⁵⁸.

В связи с Алфимовыми упомянем письмо Вл. С. Соловьева к Достоевскому от 26 мая 1880 года с обращением к писателю: *«Имѣю къ Вамъ маленькое порученіе. Одна благотворительная редстокистка — г-жа Пейкеръ желаетъ имѣть свѣдѣнія объ одной Вашей знакомой — г-жѣ Алфимовой, которая обратилась за помощью къ Пашкову и К^о. Собственно требуется знать находится ли г-жа Алфимова дѣйствительно въ бѣдственномъ положеніи»*⁵⁹. Ответное письмо Достоевского неизвестно.

8 писем Языкова к Достоевскому. Атрибуция

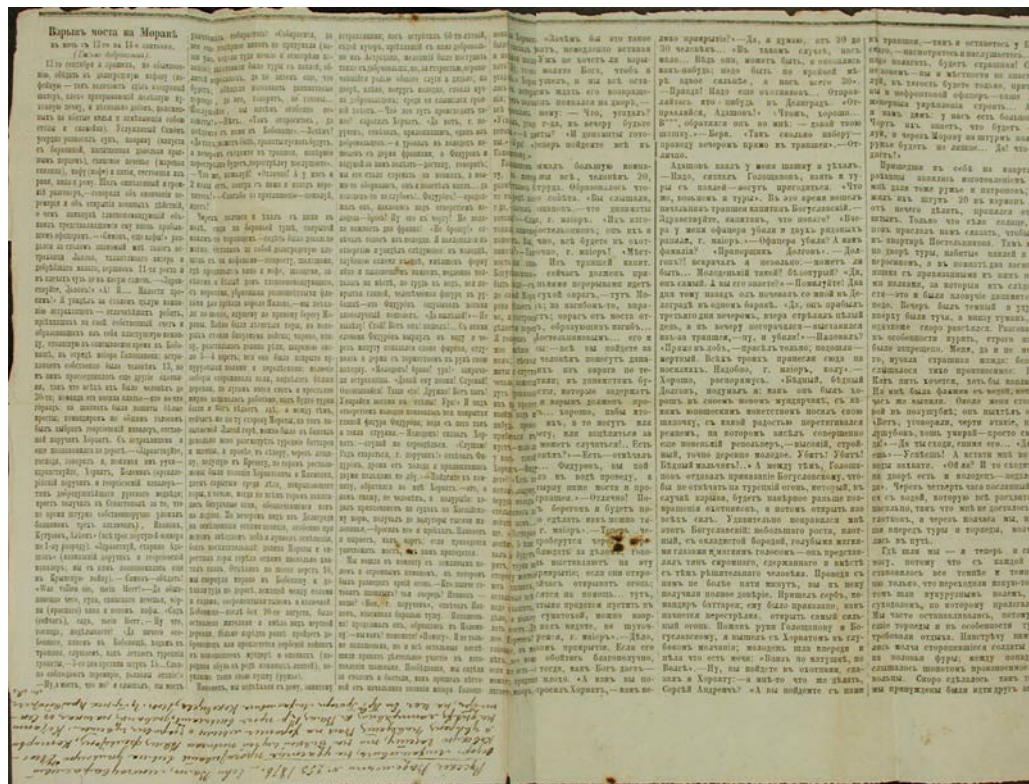
Из писем Языкова к Достоевскому на сегодняшний день известны семь — за период с 1876 по 1880 гг. Согласно их содержанию (см. Приложение), Языков проявлял большое внимание к Достоевскому. Так, он являлся активным и неравнодушным читателем «Дневника Писателя»: в письме от 3 октября 1876 года Языков восторженно откликнулся на его сентябрьский выпуск, особенно выделяя одну из подглавок: *«Что за прелесть Picola bestia, да и вся тетрадь чрезвычайно удачно составлена»*, а в письме от 26 января 1879 года советовал писателю поднять в ежемесячном издании тему чумы и уничтожения кладбищ. Языков занимался и продажей «Дневника Писателя», отправляя вырученные деньги Достоевскому (письмо от 22 октября 1880 года). Являясь новгородским чиновником, он любезно сообщал писателю об открытии старорусской железной дороги (письма от 10 и 17 мая 1878 года). Будучи хорошо знаком со многими литературными деятелями, заботливо собирал их автографы для коллекции А. Г. Достоевской (письмо от 26 января 1879 года). К примеру, М. А. Языков передал в коллекцию жены писателя не сохранившийся до наших дней автограф А. С. Пушкина⁶⁰ и письмо А. А. Буткевич, сестры Н. А. Некрасова, устраивавшей школу в память своего брата близ станции Чудово (см. Приложение)⁶¹.

В результате изучения корреспонденции Достоевского мы пришли к выводу, что одним письмом Достоевского и семью письмами Языкова не исчерпывается общее количество сохранившихся документов их переписки. В фонде писателя РО ИРЛИ есть еще одно письмо, написанное Языковым, однако его автор до сих пор не был установлен (см. в «Описании рукописей Достоевского» раздел «Письма с подписями-инициалами» [14, 519], в публикации Т. В. Гармашевой и Б. Н. Капелюш — «Письма неустановленных лиц» [5, 126]. Вот что указано в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» по поводу этого эпистолярного документа и его автора:

Октября 14 <1876>. Д. получает из г. Чудова (см. почтовый штемпель) от некоего М. Я. вырезку из газеты РВед (№ 253) с очерком М. В-на «Взрыв

моста на Мораве в ночь с 13 на 14 сентября (Письмо добровольца)». Очерк — корреспонденция с балканского фронта, рассказ об одной операции, совершенной против турок неподалеку от Делиграда. Вырезка из газеты сопровождается припиской М. Я., который просит выслать ему ДП, начиная с сентября, на имя новгородского губернского предводителя дворянства Гр. Мих. Коковцева [13, 134].

Итак, речь идет о небольшой записке с обращением «многоуважаемый Федоръ Михайловичъ», сделанной на листе газеты «Русские Ведомости». Она размещена в обратном направлении под фельетоном неизвестного автора «Взрыв на Мораве в ночь с 13-го на 14-е сентября (Письмо добровольца)» и состоит из отметки о выходных данных текста — «Русскія Вѣдомости № 253 1876», двух предложений и подписи-криптонима. Корреспондент писателя сообщает, что он отправляет этот фельетон с уверенностью, что его содержание «наведетъ» Достоевского «на хорошія мысли и здоровыя чувства», и просит выслать «Дневник Писателя» «на имя Его Пр^{ва} Григорія Михайловича Коковцева, Новг. Губернск. Предводителя» (см. весь текст письма в Приложении).

Илл. 8. Лист газеты «Русские Ведомости» и письмо М. А. Языкова, отправленные Ф. М. Достоевскому

Отметим, что фельетон «Взрыв на Мораве в ночь с 13-го на 14-е сентября (Письмо добровольца)» затрагивает тему, к которой Достоевский имел живой интерес (и автор письма это понимал). В апреле 1876-го, в первый же год выхода «Дневника Писателя», вспыхнуло восстание в Болгарии, а в июне Сербия и Черногория объявили Турции войну, в которую самоотверженно включились русские добровольцы во главе с генералом М. Г. Черняевым, возглавившим сербскую армию. Писатель являлся сторонником «великой славянской идеи», он был убежден, что защита и освобождение турецких христиан есть нравственный долг и назначение православной России. Его отношение к балканским событиям нашло отражение в первую очередь на страницах «Дневника Писателя».

Об одной из операций, совершенной против турок на сербской реке Мораве близ Делиграда, и рассказано в фельетоне, отправленном Достоевскому.

Повествование ведется от лица одного из добровольцев — инженерного офицера. Вот один из ключевых эпизодов в произведении:

Гдѣ шли мы — я теперь и сказать не могу, потому что съ каждой минутой становилось все темнѣе и темнѣе; помню только, что переходили какую-то воду, потомъ шли кукурузнымъ полемъ, а потомъ суходоломъ, по которому пролегла дорога. Мы часто останавливались, потому что несшіе торпеды и въ особенности туры часто требовали отдыха. Навстрѣчу намъ попадались молча сторонившіеся солдаты и изрѣдка воловьы фуры; между попадавшимися слышалось шопотомъ произносимое: *добровольцы* (курсив мой. — И. А.)⁶².

Записи Достоевского в тетради 1876–1877 гг.: «*Языковъ (Добровольцы, Больничары⁶³, Дрема долить)*» могут быть связаны с этим газетным фельетоном и являются косвенным аргументом для установления автора расположенного под ним письма. Возможно, что Языков и Достоевский обсуждали сербско-турецкий военный конфликт 1876 года, который в творческом воображении писателя ассоциировался с событиями Великой Северной войны, воспетыми в «Полтаве» А. С. Пушкина. В таком случае эти несколько слов в записной тетради могли быть вызваны впечатлением писателя от присланного ему текста из «Русских Ведомостей».

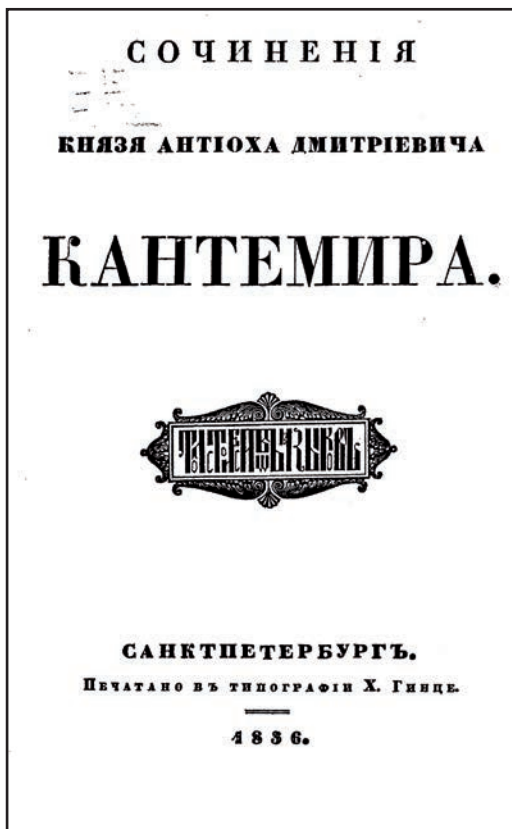
Приведем другие аргументы в пользу того, что заметку из «Русских Ведомостей» и прилагаемое к ней письмо отправил Михаил Языков. Самый очевидный, но не основной, — это совпадение подписи неизвестного корреспондента Достоевского — «М. Я.» — с инициалами главы Новгородского акцизного ведомства. Языков не однажды подписывался таким криптонимом. Так, он участвовал в подготовке «Первого собрания писем» И. С. Тургенева, выпущенного в 1884 году, выслав для публикации пять писем

Тургенева со своими примечаниями. Так «одно из этих примечаний <...> было помещено за подписью М. Я., т. е. Михаила Языкова» [6, 296].

Важным доказательством принадлежности исследуемого письма руке М. А. Языкова является штемпель на конверте. По нему можно установить: 1) дату отправления письма — 14 октября 1876 года; 2) место отправления — Чудово, поселок Новгородской области. В это время Языков, что уже отмечалось, как раз жил и служил в Новгороде в акцизном ведомстве, оттуда откликался на просьбы друзей-литераторов и их родственников (см. упомянутые письма Ф. М. Достоевского и А. А. Буткевич к М. А. Языкову в *Приложении*). Соответственно, он мог общаться с Новгородским предводителем дворянства Григорием Михайловичем Коковцевым (Коковцовым), на имя которого корреспондент Достоевского просит высылать «Дневник Писателя». (Отметим, что в записной тетради с подписчиками 1876 года, которую вела А. Г. Достоевская, зарегистрирован «*Коковцевъ, Григорій Михайловичъ, Губернскій Предводитель Дворянства, Новгородъ*»⁶⁴.)

Наконец, принадлежность письма с подписью М. Я. руке Языкова подтверждается в результате графологического (почерковедческого) анализа. Основные доминанты почерка Языкова были выявлены при текстологическом изучении его писем к Достоевскому. Сравнив почерки Языкова и неустановленного корреспондента писателя, мы определили, что это один и тот же, устойчивый почерк, имеющий характерные начертания строчных букв «ж», «р», «я», «з», «х», «д» и прописной «М».

Безусловно, друзья М. А. Языкова — выдающиеся литераторы, талантливые критики и публицисты — затмевали его самого. Тем не менее «он служил литературе как мог» [16], его заслуги перед русской словесностью и культурой не огромны, но существенны. Так, вместе с Д. Толстым и Г. Есиповым, он издал книгу «Сочинения князя Антиоха Кантемира» (СПб., 1836); с М. Н. Катковым и И. И. Панаевым принял участие в переводе романа Д. Ф. Купера «Следопыт, или Озеро-море» (в русском переводе напечатан

Илл. 11. Титульный лист «Сочинений князя А. Д. Кантемира» (1836)

в 1840 году, т. IV, № 8–9 в «Отечественных Записках» под названием «Путеводитель в пустыне, или Озеро-море»); совместно с Н. А. Некрасовым стал соиздателем и надежным кредитором «Петербургского Сборника» (1846) — одного из лучших литературных альманахов за всю историю отечественной словесности; в Калуге и Великом Новгороде основал первые городские публичные библиотеки.

Однако главный талант М. А. Языкова — это «талант доброты» [16], желание и возможность оказывать помощь русской литературе в лице ее выдающихся представителей. Как заметил А. Ф. Кони, автор некролога о Языкове, подписавшийся псевдонимом А. К.⁶⁵:

Вся исторія русской литературы, съ начала сороковыхъ годовъ, прошла въ живыхъ образахъ ея лучшихъ представителей предъ глазами М. А. Языкова; въ личной жизни многихъ изъ нихъ онъ игралъ разнообразную, но всегда симпатичную роль — и воспоминанія о великомъ русскомъ критикѣ <В. Г. Белинскомъ>, о молодой редакціи «Современника», о первыхъ литературныхъ опытахъ людей съ знаменитыми впослѣдствіи именами — сливаются съ памятью о немъ. <...> Дѣятельная жизнь, заботы о другихъ, служба — не дали ему, кажется, возможности написать свои воспоминанія — и это огромная потеря для исторіи литературы [1, 194].

М. А. Языков не оставил своих мемуаров, но его имя вошло в историю русской литературы, а память о нем хранят воспоминания и переписка талантливых писателей и поэтов XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов (1832–1867). Подготовка к публикации. Комментарии». № 17-34-01056a2.

¹ М. А. Языков родился, по одним сведениям, 1 сентября (Руммель В. В., Голубцовъ В. В. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. СПб.: Изданіе А. С. Суворина, 1887. Т. 2. С. 777), по другим — 2 сентября 1811 г. (Великій Князь Николай Михайловичъ. Петербургскій некрополь: в 4 т. Т. 4. С. 673) в Тульском уезде, селе Сергиевском. Он был пятым сыном богатого помещика Александра Ивановича Языкова и его вольноотпущенной крестьянки Евдокии Ивановны. Жена Михаила Александровича — Екатерина Александровна Белавина — родила ему шестерых детей [7]. Умер он 22 января 1885 г., похоронен на Волковом кладбище в Петербурге (Петербургскій некрополь. С. 673).

² См.: Адресъ-календарь, или Общій штатъ Россійской Имперіи на 1843 г. (с. 30), на 1844 г. (с. 29), на 1846 г. (с. 22).

³ См., напр.: Памятная книжка Тульской губерніи. Тула, 1864. С. 8, 16, 30. Из письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к П. В. Анненкову от 8 января 1865 г.: «Здесь разнеслись слухи, что общій наш знакомый М. А. Языков оставляет службу по акцизу в Туле» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 18. Кн. 1. С. 297).

- ⁴ См., напр.: Памятная книжка Калужской губернии на 1869 годъ. Калуга: Въ Губернской типографіи, 1869. С. 26 [Электронный ресурс]. URL: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003418319/viewer/
- ⁵ См., напр.: Памятная книжка Новгородской губернии на 1875 годъ. Новгород, 1875. С. 17 [Электронный ресурс]. URL: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_83515/viewer/?page=16
- ⁶ Панаевъ И. И. Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. СПб.: В. Ковалевскій, 1876. С. 135 [Электронный ресурс]. URL: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003606905/viewer/
- ⁷ Фетъ А. А. Мои воспоминанія. 1848–1889: [в 2 ч.]. М.: Типографія А. И. Мамонтова и К°, 1890. Часть 1. С. 33 [Электронный ресурс]. URL: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_005414547/viewer/
- ⁸ Альбомъ М. И. Семева, издателя-редактора историческаго журнала «Русская Старица». СПб., 1888. С. 100.
- ⁹ М. А. Языков изображен в мундире воспитанника Благороднаго пансиона при Императорскомъ Санкт-Петербургскомъ университете.
- ¹⁰ А. Р. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ // Русская Старица: ежемѣсячное историческое изданіе. 1901. Октябрь, ноябрь, декабрь. Т. 108. С. 148 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/c05/Russkaya%20starina%20108.pdf>
- ¹¹ Панаевъ И. И. Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. С. 35.
- ¹² В письме к А. А. и Т. А. Бакуниным, датированном приблизительно 1 марта 1840 г., критик писал о Языкове: «Прошу вас принять моего друга Михаила Александровича Языкова с достоуважаемым его человеческим достоинством вниманием. Вы и мне в нем не отказывали, а я недостоин разрешить ремня у сандалий его. Без шуток — это душа благодатная, глубокая, тихая и гармоническая, чуждая всяких неистовых порывов...» (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 11: Письма 1829–1840. С. 490*).
- ¹³ «У меня есть давнишний приятель, Михайло Александрович Языков, прекраснейший, честнейший и милейший человек, которого я люблю от души», — писал И. С. Тургенев А. К. Толстому (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 3: Письма, 1855–1858. 1987. С. 25*).
- ¹⁴ См.: Фетъ А. А. Мои воспоминанія... С. 133–134 [Электронный ресурс]. URL: http://нэб.рф/catalog/000199_000009_005414547/viewer/?page=147
- ¹⁵ В письме к Н. Х. Кетчеру от 1 марта 1844 г. А. И. Герцен передавал поздравления Языкову с рождением сына: «Языкова расцелуй и поздравь, дай Бог, чтоб маленький язычок был похож на отца сердцем и совершенно противоположен деятельностью» (*Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: АН СССР, 1961. Т. 22: Письма 1839–1847 гг. С. 177*).
- ¹⁶ «...возвращаясь к петербургским приятелям Огарева, вспоминаю Михаила Александровича Языкова, который обладал необыкновенным даром веселить, смешить свой интимный кружок, сохраняя при том очень серьезный вид, что придавало еще более пикантности его насмешкам и каламбурам. Находчивость его была поразительна — он никогда не пропускал случая сострить» (*Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. А. Путинцева. М.: ГИХЛ, 1959 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/tuchkovaogarewa_n_a/text_0020.shtml*). (20.05.2017).
- ¹⁷ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминанія / вступ. ст. К. И. Чуковского; прим. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. М.: Правда, 1986. С. 205–206.

- ¹⁸ Фетъ А. А. Мои воспоминанія... С. 133–134.
- ¹⁹ Некрасов Н. А. Письмо А. А. и А. Г. Буткевичам. От 19 октября 1845 г. // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб.: Наука, 1998. Т. 14: Письма, 1840–1855. С. 53–54.
- ²⁰ Языковъ М. Письмо въ редакцію (27 февраля 1881 г.) // Новое Время. 1881. 2 (14) марта. № 1799. С. 2.
- ²¹ Имеется в виду: Письмо въ редакцію (см. прим. 19 и републикацию в *Приложении*). Этим «Письмом в редакцію» **Языков** вступил в острую полемику, которая развернулась сразу после смерти писателя на страницах «Нового Времени» (*НВр.*) среди людей, хорошо знавших Достоевского. Повод для нее дал **А. С. Суворин**, написавший в статье «О покойномъ», что Достоевский «падучей болѣзнью» «страдалъ съ дѣтскихъ лѣтъ» (*НВр.* № 1771. 1 (13) февр. С. 2). Эта информация вызвала появление в печати «Письма къ издателю» **А. М. Достоевского**, в котором младший брат писателя доказывал, что «падучую болѣзнь братъ Ѳедоръ приобрѣлъ не въ отцовскомъ домѣ, не въ дѣтствѣ, а... въ Сибири» (*НВр.* № 1778. 8 (20) февр. С. 2). Возражая на это утверждение А. М. Достоевского, доктор **С. Д. Яновский** написал заметку «Болѣзнь Ѳ. М. Достоевскаго», в которой сообщал: «Покойный Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій страдалъ падучею болѣзнью еще въ Петербургѣ и притомъ за три, а можетъ быть и болѣе лѣтъ до арестованія его по дѣлу Петрашевскаго, а слѣдовательно и до ссылки въ Сибирь. Дѣло все въ томъ, что тяжелый этотъ недугъ, называемый Epilepsia — падучая болѣзнь, у Ѳед. Мих. въ 1846, 47 и въ 48 годахъ обнаруживался въ легкой степени; между тѣмъ хотя посторонніе этого не замѣчали, но самъ больной, правда смутно, болѣзнь свою сознавалъ и называлъ ее обыкновенно кондрашкой съ вѣтеркомъ» (*НВр.* № 1793. 24 февр. (8 марта). С. 2). В связи с «Письмом к издателю» доктор **А. Е. Ризенкамф** прислал А. М. Достоевскому письмо из Пятигорска от 16 февраля 1881 г., в котором сообщал: «...въ 1845 году я уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ служилъ попеременно въ Иркутскѣ, Нерчинскѣ и, наконецъ, въ омскомъ военномъ госпиталѣ, въ которомъ Ѳедоръ Михайловичъ помѣщался вмѣстѣ съ Дуровымъ <...> Ѳедоръ Михайловичъ, при его нервномъ темпераментѣ, при его самолюбіи, въ 1851 году въ первый разъ пораженъ былъ припадкомъ эпилепсіи, повторившимся послѣ того ежемѣсячно» (*НВр.* № 1798. 1 (13) марта. С. 3–4). По мнению **Ермакова**, лекаря при Сибирском батальоне, чье «свидетельство» Достоевский приложил к своему прошению к Александру II от начала марта 1858 г., первый «припадок падучей болезни» случился с писателем в 1850 г., во время пребывания в Сибири (ЦГВИА. Ф. 395. Оп. 291. № 45; опубли.: *ДЗ*, 28₁. С. 517–518). По словам же дочери, **Л. Ф. Достоевской**, «семейное предание гласит, что при известии о смерти отца у Достоевского случился первый припадок эпилепсии» (*Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 39).
- Сам **Достоевский**, рассказывая брату о каторжной жизни, писал из Омска: «Отъ разстройства нервовъ у меня случилась падучая, но впрочемъ бываетъ рѣдко» (Достоевский Ф. М. Письмо к Достоевскому М. М. От 30 янв. – 22 февр. 1854 г. // НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.13. Л. 18). В письме к Александру II (начало марта 1858 г. из Семипалатинска) он отмечал: «...страдаю нервною болью лица, вследствие органическаго страданія головного мозга...» (ЦГВИА. Ф. 395. Оп. 291. № 45; опубли.: *ДЗ*, 28₁. С. 517–518).
- ²² Достоевский Ф. М. Письмо к Достоевскому М. М. От 5 сентября 1846 г. // НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.12. Л. 19 об. [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters.htm>
- ²³ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминанія. С. 217.
- ²⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: АН СССР, 1961. Т. 22: Письма 1839–1847 годов. С. 259.

- 25 Тургенев И. С. Письмо к Виардо П. От 24 июня 1850 г. // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1986. Т. 2: 1850–1854. С. 341.
- 26 А. Р. Былое. Изъ воспоминаний... С. 148.
- 27 См.: «Объявление о подписке на “Современник” через контору Языкова», заметки «<От редакции>», «О перемещении петербургской конторы “Современника”», «Два слова о конторе комиссионерства и агентства Языкова и комп.» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб., 1997. Т. 13. Кн. 1: Материалы редакционно-издательской деятельности. С. 49, 50–51, 79–80, 99–101).
- 28 Плетнев П. А. Письмо к Гроту Я. К. От 13 ноября 1848 г. // Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1–3 / изд. под ред. [с предисл.] К. Я. Грота. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ., 1896. Т. 3. С. 355 [Электронный ресурс]. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003942812?page=371>
- 29 Достоевский Ф. М. Письма к Достоевскому М. М. От 7 октября и 20-х чисел октября 1846 г. // НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.12. Л. 24 об., 28 об.
- 30 А. Р. Былое. Изъ воспоминаний... С. 149.
- 31 См.: Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 216–221; А. Р. Былое. Изъ воспоминаний... С. 148–149.
- 32 Некрасов Н., Тургенев И., Дружинин А. Послание к Лонгинову (1854 г.) // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1986. Т. 12. С. 317.
- 33 Тургенев И. С. Письмо к Толстому А. К. От 13 (25) мая 1855 г. // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1987. Т. 3: Письма, 1855–1858. 1987. С. 25.
- 34 Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 205.
- 35 Энциклопедический словарь: [в 86 т.] / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, 1904. Т. XLI. С. 515 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book10212/#page/525/mode/1up>
- 36 См., напр.: Русский биографический словарь. СПб.: Имп. Рус. Ист. О-во, 1913. Т. 25. С. 40–41 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/f89/25.pdf>. Та же ошибка перешла в энциклопедический словарь С. В. Белова «Ф. М. Достоевский и его окружение» [4].
- 37 Языков, Михаил Александрович // Википедия, свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=83855945> (20.05.2017).
- 38 Портрет П. А. Языкова из книги: [7].
- 39 Адресъ-календарь. Общая роспись всѣхъ чиновныхъ особъ въ государствѣ, на 1858–1859 годъ. Часть I. СПб.: В Тип. Имп. Академіи Наукъ. С. 26 [Электронный ресурс]. URL: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000200_000018_pb00003373/viewer/?page=51
- 40 РГАЛИ. Ф. 212.1.16.
- 41 Литературное наследство. М.: Наука, 1971. Т. 83: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. С. 618, 665.
- 42 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. СПб., 1982. Т. 24. С. 387.
- 43 Достоевская А. Г. Письмо к Достоевскому Ф. М. // РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 170. Л. 18 об.
- 44 Достоевский Ф. М. Письмо к Достоевской А. Г. От 2/14 августа 1876 г. // РГАЛИ. Ф. 212.1.29. Л. 22 об.
- 45 См., напр.: Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1: А — Кюрины / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (20.05.2017).
- 46 Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Азбуковник, 2000. С. 695, 729.
- 47 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: АН СССР, 1950. Т. 4. С. 276.

- ⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 212.1.17. С. 28.
- ⁴⁹ Глаша Андреева впервые упомянута в стенографическом дневнике А. Г. Достоевской: «Сегодня я видела сон, что Маша Андреева выходит замуж за Рязанцева, который хотел жениться на Глаше», «В это время пришел Платон Романовский, в которого, как носился слух, были влюблены все девицы Андреевы, начиная от Маши, Глаши, кончая даже [маленькой?] Людочкой» (Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993. С. 85, 317).
- ⁵⁰ Достоевский Ф. М. Письмо к Языкову М. А. От 14 июля 1878 г. // РО ИРЛИ. Ф. 54. № 8942. Л. 2 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 1 об.
- ⁵² Там же. Л. 1 об.–2 об.
- ⁵³ Слово записано стенографически.
- ⁵⁴ 2 апреля 1879 г. произошло третье (неудачное) покушение на императора Александра II, которое совершил революционер-народник Александр Соловьев.
- ⁵⁵ Достоевская А. Г. Записная книга. Начало 1880 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30707. Л. 79 об.
- ⁵⁶ Соловьев В. С. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 26 мая <1880 г.> // НИОР РГБ. Ф. 93. II.8.1206. Л. 9–10.
- ⁵⁷ Отметка об этом сделана А. Г. Достоевской при описании коллекции автографов (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30740. Л. 121 об. [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petrus.ru/agdost/doc/doc.html>).
- ⁵⁸ Буткевич А. А. Письмо к Языкову М. А. От 15 декабря 1881 г. // НИОР РГБ. Ф. 93. II.1.130. 2 лл.
- ⁵⁹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29945.
- ⁶⁰ Болничар (bólničar) — фельдшер (сербохорват.).
- ⁶¹ Достоевская А. Г. Записная книга с деловыми записями (1876–1884) // НИОР РГБ. Ф. 93. III.2.2. Л. 31.
- ⁶² Впоследствии текст некролога под названием «Михаиль Александровичъ Языковъ» был включен в книгу А. Ф. Кони «Очерки и воспоминания» 1906 года [9].

I.

Н. А. Алфимов — Ф. М. Достоевскому

Многоуважаемый
Федоръ Михайловичъ.

Извините, что я не зная Васъ лично осмѣливаюсь обращат^{сь} къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбою. Жена моя не такъ здорова и поручила мнѣ самому обратит^{сь} къ Вамъ. — Въ письмѣ Вашемъ къ моей женѣ Вы были такъ добры, что обѣщались принять, возможное участіе въ моемъ переводѣ и желали узнать, какъ родъ моей службы, такъ и положеніе Михайла Александровича Языкова. На то и другое я Вамъ отвѣчу слѣдующее. По воспитанію я Технологъ 1го Разряда, а въ настоящее время служу Помощникомъ Акцизнаго Надзирателя 1го Округа

1^ю Участка Пермской губерніи. Его-же Превосходительство <л. 1>¹ Михаилъ Александровичъ Языковъ служитъ Управляющимъ Акцизными Сборами Новгородской губерніи, т. е. лицомъ, которое, если пожелаетъ, все можетъ сдѣлать, такъ какъ Управляющіи Акцизными Сборами вполнѣ самостоятельны, какъ въ увольненіи, такъ и пріемъ на службу чиновниковъ вверенныхъ имъ губерніяхъ. Просьба моя, къ Вамъ Ѳеодоръ Михайловичъ, состоитъ въ томъ, что по домашнимъ обстоятельствамъ, мнѣ необходимо служить близъ Петербурга, и я бы покорнѣйше просилъ Васъ похлопотать у Его Превосходительства Михаила Александровича Языкова, принять меня на службу, вверенную ему Новгородскую губернію, <л. 1 об.> на должность Помощника Акцизнаго Надзирателя. Если Его Превосходительство пожелаетъ принять меня, то я бы очень былъ доволенъ, если бы онъ справился о настоящей моей службѣ у Его Превосходительства Господина Управляющаго Пермскими Акцизными Сборами Александра Матвѣевича Благовидова, который я надѣюсь отрекомендуетъ меня съ хорошей стороны. Жена моя кланяется, какъ Вамъ, такъ и Вашей супругѣ и благодаритъ Васъ за вниманіе къ ея просьбѣ —

Остаюсь глубоко-уважающій Васъ. Николай Александровичъ —

Алфимовъ

2 Июля

1878 г.

С<.> Петербургъ.

Р. С. Если у Его Превосходительства Михаила Александровича теперь <л. 2> нѣтъ ваканціи, то я бы просилъ, чтобы онъ до открытія ея, зачислилъ меня кандидатомъ къ себѣ на службу; тогда я думаю оди́нъ ѣхать обратно на службу въ Пермь, а жену оставить здѣсь у сестеръ, такъ какъ она по своей болезни не можетъ ѣхать со мною, и въ Перми буду ожидать открытія мѣста. <л. 2 об.>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29636. Л. 1–2.

Публикуется полностью впервые. Выдержки из письма были опубликованы: Комментарии // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 281, 404.

На конверте:

Его Высокоблагородію
Ѳеодору Михайловичу
Достоевскому.

¹ Здесь и далее при публикации писем используется редакторская нумерация листов, соответствующая авторскому порядку расположения текста. Архивная пагинация отражена в текстологической справке.

Въ Новгородскую губернію въ городъ Старую Руссу, въ собственный домъ.

II.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, М. А. ЯЗЫКОВ
ПЕРЕПИСКА (1876–1880)

1.

М. А. Языков — Ф. М. Достоевскому

*Что за прелесть *Picola bestia*, да и вся тетрадь чрезвычайно удачно составлена — помогай Вамъ Богъ и да избавитъ онъ насъ отъ червонныхъ валетовъ.*

Новгородъ

3^е Октябр<я>

1876. <л. 1>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.10.21. Л. 1.

Без обращения.

Впервые частично опубликовано: Туниманов В. А. Комментарии // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 312.

2.

М. А. Языков — Ф. М. Достоевскому

Русскія Вѣдомости № 253 1876. — Если Вамъ, многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ, не удастся прочитывать весьма дѣльную эту Московскую газету, то на всякой случай посылаю Вамъ фельетонъ, который я увѣренъ наведетъ Васъ на хорошія мысли и здоровыя чувства. Кстати на дняхъ я отправилъ въ Вамъ 1¹/₂ р. прося высылать «дневникъ» начиная съ Сентября, на имя Его Пр^{ва} Григорія Михайловича Коковцева, Новг. Губернск. Предводителя

М. Я.¹ <л. 1>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29945. Л. 1.

На конверте:

¹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29945. Полный текст этого письма был впервые опубликован в приложении к статье Л. В. Алексеевой в журнале «Неизвестный Достоевский» [2].

*Его Высокоблагородію
Федору Михайловичу
Достоевскому.
Въ С. Петербургъ.
Противъ Греческой церкви
въ домъ Струбинскаго.*

На штемпелях: 14 ОКТ. 1876 ЧУДОВО; 14 ОКТ. 1876 С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Письмо написано на листе газеты «Русские Ведомости» (1876, № 253) под фельетоном неизвестного автора М. В-на «Взрыв на Мораве в ночь с 13-го на 14-е сентября (Письмо добровольца)».

Впервые без установления авторства опубликовано в Приложении к статье Л. В. Алексеевой [2].

3.

М. А. Языков — Ф. М. Достоевскому

10 мая 1878 г.

Новгородъ

Вчера, одинъ изъ строителей Старорусской желѣзной дороги сообщилъ мнѣ, что на 20^е Мая назначена коммиссія для осмотра дороги. Если дорога окажется годною, то и назначатся тотчасъ послѣ этого постоянные поѣзды. Во всякомъ случаѣ не позже 25 Мая, такъ какъ 26го Мая уже¹ предполагается открытіе леченія водами, о чемъ и спѣшу, дорогой и сердечно уважаемый Федоръ Михайловичъ Васъ уведомить

Остаюсь искренно преданный Вамъ

М. Языковъ <л. 1>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.10.21. Л. 2.

Впервые опубликовано: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/fmdost/letters.htm>.

4.

М. А. Языков — Ф. М. Достоевскому

На дняхъ я поспѣшилъ уведомить Васъ, многоуважаемый Федоръ Михайловичъ о томъ, что старорусская желѣзная дорога откроется до 25 числа сего Мая мѣсяца; но вчера меня извѣстили, что это распоряженіе почему-то отложено, вслѣдствіе чего она откроется не ранѣе 25 и не позднѣе 1го Юня, о чемъ и нахожу нужнымъ сообщить Вамъ, прося принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и искренней преданности

¹ Далее зачеркнуто: *от*

М. Языковъ

Новгородъ

17 Мая 1878 г. <л. 1>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.10.21. Л. 4.

На конверте:

Его Высокородію
Федору Михайловичу
Достоевскому

Въ С. Петербургъ

Въ книжный магазинъ Г. Мамонто<ва>
на Невскомъ проспектъ.

На штемпелях: 17 МАЯ. 1878 НОВГОРОДЪ; 18 МАЙ 1878 С. ПЕТЕРБУРГЪ

Впервые опубликовано: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petrus.ru/fmdost/letters.htm>.

5.

Ф. М. Достоевский — М. А. Языкову

Старая Русса 14 Июля/78

Многоуважаемый и добрыйшій
Михаилъ Александровичъ,

Я имѣю до Васъ одну чрезвычайную просьбу, за которую заранее прошу у Васъ прощенья. Вотъ дѣло:

Нѣкто Алфимовъ, въ настоящее время служащій помощникомъ Акцизнаго Надзирателя 1го округа 1го участка Пермской губерніи, человекъ еще довольно молодой (по воспитанію Технологъ 1го разряда) имѣетъ крайнюю нужду переимѣнить (не службу, а) мѣсто своей службы¹ или переимѣщеніемъ въ Петербургъ или въ одну изъ ближайшихъ къ Петербургу губерній. Я его лично не знаю, но сущность дѣла въ томъ, что онъ, вначалѣ прошлой зимы, женился на одной Глафирѣ Михайловнѣ Андреевой. Эта Андреева — одна изъ дочерей умершаго уже нѣсколько лѣтъ тому въ Петербургѣ Начальника Отдѣленія въ «одномъ департаментѣ». Имѣлъ онъ многочисленное семейство, получалъ содержанія тысячъ 8, но когда умеръ все семейство осталось почти безъ средствъ и большею частью живетъ своимъ трудомъ. Глафира Михайловна и почти всѣ ея сестры были подругами <л. 1> дѣтства съ моей женой и потомъ соуче-

¹ Было: службу — исправлено: службы

ницами въ гимназіи, такъ что жена моя всегда принимала въ нихъ во вѣдѣнїе сердечное участіе и желала имъ добра. Наконецъ, прошлаго года, эта Глафира Михайловна, дѣвушка съ прекрасными качествами и которую я знаю лично, вышла за мужъ (уже будучи подтридцать лѣтъ) за этого Алфимова, акцизнаго чиновника въ Перми, который и увезъ ее въ Пермь. Хоть не знаю лично Алфимова, но думаю что человѣкъ порядочный и честный, потому что иначе не вышла бы за него такая дѣвушка. Теперь они, съ мѣсяцъ тому прїѣхали изъ Перми въ Петербургъ и ищутъ возможности переселиться¹ въ Петербургъ или по близости Петербурга. И вотъ я, здѣсь уже въ Русь, получаю отъ Алфимова письмо съ просьбой не могу-ли я достать мѣста. Нужно Вамъ замѣтить, многоуважаемый Михаилъ Александровичъ,² какъ характерную черту нашего теперешняго русскаго быта, что я, съ тѣхъ поръ какъ сталъ издавать Дневникъ, началъ получать со всей Россіи, множество писемъ отъ совѣстныхъ незнакомыхъ людей, съ просьбами³ заняться ихъ дѣлами, порученіями (удивительными по разнообразію ихъ), но главное прїискать мѣста занятій, службы и даже государственной службы: «Вы дескать правдивый, добрый, и искренній человѣкъ, это видно по всему тому что <л. 1 об.> Вы сочинили, а потому-де сдѣлайте и для насъ доброе дѣло, доставьте мѣсто и т. д. и т. д. Всего характернѣе что они считаютъ меня въ связяхъ со всѣми отъ кого зависитъ раздавать мѣста. На всѣ эти письма я долженъ писать отказы, потому что и десятой просьбы не могу выполнить, а все это принесло мнѣ много тоски. Не понимаю почему и Алфимовъ обратился ко мнѣ, т. е. почему и онъ считаетъ меня такимъ всемогущимъ. Чтобъ не отказывать доброй и симпатичной женѣ его, я рѣшился рискнуть написать къ Вамъ, (о чемъ ихъ и увѣдомилъ и они теперь ждутъ отвѣта). Онъ просится на должность помощника⁴ Акцизнаго Надзирателя⁵) и очень бы радъ былъ еслибъ у Васъ, въ Новгородской губерніи. Предлагаетъ справиться о его службѣ у Управляющаго Пермскими Акцизными⁶ сборами Александра Матвѣевича Благовидова и увѣренъ, что тотъ дастъ о немъ хорошую аттестацію. — Прибавлю отъ себя что Алфимовъ повидимому человѣкъ отчасти стараго пошиба: Говоря о Начальствѣ даже мнѣ, въ письмѣ своемъ пишетъ: «Его Превосходительство Г. Управляющій» и проч. Но изъ этихъ скромныхъ людей бываютъ, думаю

¹ Далее зачеркнуто: по

² Далее зачеркнуто: что я

³ Было: съ просьбою — исправлено: съ просьбами

⁴ помощника вписано.

⁵ *) Помощника Акцизнаго Надзирателя (примеч. М. А. Языкова).

⁶ Было: Пермскимъ Акцизнымъ — исправлено: Пермскими Акцизными

такъ, весьма часто хорошіе и добрые чиновники. Вся рекомендація его въ моихъ глазахъ (и самая главная) есть то что онъ мужъ такой женщины какъ <л. 2> Глафира Михайловна. Если можете что нибудь сдѣлать добрыйшій и многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, то сдѣлайте, чѣмъ очень, очень меня обяжете и жену мою, которая, кланяясь Вамъ, присоединяетъ и свои¹ просьбы къ моимъ. — Алфимовъ прибавляетъ въ своемъ письмѣ, что если теперь у Васъ (онъ пишетъ: «У Его Превосходительства Михаила Александровича») нѣтъ вакансіи, то онъ бы просилъ, чтобъ, до открытія вакансіи, Вы бы зачислили его кандидатомъ къ себѣ на службу, и тогда уже онъ поѣдетъ одинъ обратно на службу въ Пермь, а жену оставитъ здѣсь у ея сестеръ, «такъ какъ она по своему бользненному состоянію не можетъ ему сопутствовать въ Пермь», въ Перми же будетъ ожидать своей участи т. е. открытія мѣста.

Еще разъ: Если можете сдѣлайте что нибудь многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, если же нѣтъ, то конечно нечего дѣлать. Но повторяю² опять: простите что Васъ беспокою, я слишкомъ понимаю какъ тяжелы всѣ эти просьбы, но вѣдь это все просьбы бѣдныхъ людей, а ихъ такъ много, такъ много. Да Вамъ ли не знать какъ ихъ много дорогій и добрыйшій Вы человекъ!

Адресъ мой: Старая Русса Ѳедору М-чу Достоевскому.

Крѣпко жму Вамъ руку и глубоко кланяюсь,

Вашъ слуга

Ѳ<.> Достоевскій. <л. 2 об.>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 54. №8942. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 38–40.

6.

М. А. Языков — Ф. М. Достоевскому

25 Июля 1878. Новгородъ

Возвратясь изъ Череповца, Кирилова и Бѣлозерска, куда я ѣздилъ на ревизію, я нашолъ у себя на столѣ письмо отъ Васъ,³ дорогой Ѳедоръ Михайловичъ, на которое, хотя и неудовлетворительно, но спѣшу отвѣтить. Съ особенною грустію долженъ Вамъ сказать, что Г. Алфимовъ скоро мною не можетъ быть опредѣленъ, такъ какъ, если нынѣшней зимой,

¹ Было: мои — исправлено: свои

² Было: повторяю — исправлено: повторяю

³ Васъ, вписано.

хотя и предвидится одна вакансія, на мѣсто младшаго помощника надзирателя; но это мѣсто по справедливости предоставится мною одному изъ двухъ кандидатовъ, уже записанныхъ мною болѣе года. Впрочемъ встрѣчаются такія случайности, что чиновникъ¹, которому я обѣщалъ первую вакансію, найдетъ для себя мѣсто ранѣе въ другомъ вѣдомствѣ и болѣе для себя выгодное — тогда я Васъ увѣдомлю объ этомъ. Что же касается до Г. Алфимова, то данныя, которыя я извлекъ изъ Вашего письма — благопріятствуютъ тому, что бы Его Пр^{во} Михаилъ Александровичъ, обратилъ на него свое благоклонное вниманіе и имѣлъ-бы его въ виду.

Къ этому считаю не лишнимъ присовокупить, <л. 1> что я, избирая чиновника на службу въ свое управленіе, имѣю обыкновеніе, не смотря ни на чью рекомендацію, переговорить, съ желающимъ со мною служить, лично, и мнѣ 5 минутъ довольно, чтобы переговоривъ и передавъ свои взгляды, судить болѣе или менѣе о человѣкѣ.

Такъ какъ Г. Алфимовъ находится въ настоящее время въ Петербургѣ, то не посоветуете-ли ему изтратить на поѣздку 5 или 8 р. ^(х) ² въ Новгородъ, чтобы повидаться со мной и лично переговорить. Для этого я предлагаю слѣдующій маршрутъ:

Слѣдуетъ изъ П<етер>бурга выѣхать въ 9 часовъ утра, взявъ билетъ до Волховской станціи, откуда во второмъ часу дня отправляется паракходъ³ прямо въ Новгородъ, куда и прибываетъ къ семи часамъ вечера. Пусть Г. Алфимовъ⁴ прямо съ паракхода⁵ идетъ пѣшкомъ (потому что отъ меня близко и для экономіи) или на извозчикъ (20 копѣекъ) ко мнѣ. Между 7 и 8 часовъ послѣ обѣда я непременно дома, потому что въ этотъ часъ пью чай и Г. Алфимовъ не будетъ рисковать не застать меня дома. За чашкою чаю мы успѣемъ переговорить о многомъ, послѣ чего онъ успѣетъ даже погулять въ нашемъ городскомъ саду и осмотрѣть <л. 1 об.> древній Софійской Соборъ и тысячелѣтній памятникъ Россіи и спрехвала къ 10 часамъ того же вечера дойти до дебаркадера, стѣсть въ вагонъ и на другой день въ половинѣ 9го утра уже быть въ Петербургѣ. Если это предложеніе Г. Алфимовъ найдетъ для себя удобнымъ, то посоветуйте ему со мной не церемониться, а пріѣхать ко мнѣ прямо (не нужно останавливаться въ гостинницѣ) въ старомъ сертукѣ или пальто и не брать съ собой не только какой нибудь тяжелой ноши, но даже и дорожнаго мѣшка, чтобы,

¹ Было: чиновнику — исправлено: чиновникъ

² ^(х) 5 р.<.> въ 3мъ классѣ; 8 р. во второмъ туда и обратно. (Примеч. М. А. Языкова).

³ Так в подлиннике.

⁴ Г. Алфимовъ вписано.

⁵ Так в подлиннике.

при пѣшемъ хожденіи, не обременить себя, такъ какъ пребываніе въ Новгородѣ продолжится всего отъ 7 до 10 ½ часовъ; а на три съ половиною часа стоитъ-ли брать съ собою что нибудь. — Нужно еще замѣтить что я, по всей вѣроятности, десять дней буду сидѣть безвыѣздно въ Новгородѣ, откуда послѣ поѣду черезъ Старую Руссу (постараюсь на минутку забѣжать къ Вамъ) въ Демьянскій уѣздъ по дѣламъ службы. А потому, если Г. Алфимовъ пожелаетъ со мною видѣться, то чтобы не медлил. Жалѣю что я Вашего письма не получилъ нѣсколько ранѣе, такъ какъ я прожилъ <л. 2> всю прошлую недѣлю в<ъ> Петербургѣ, гдѣ, по указанному адресу, могъ бы охотно устроить свиданіе съ Г. Алфимовымъ и тѣмъ избавить его отъ напраснаго расхода хотя-бы и пяти рублей. — Живу я на Софійской сторонѣ, близъ лѣтняго сада, на Лучинской улицѣ, въ домѣ Карманова, о чемъ въ Новгородѣ знаютъ¹ всѣ извозчики, съ которыми я нахожусь въ хорошихъ отношеніяхъ.

Жму Вашу руку и прошу принять увѣреніе въ искренней преданности и глубококомъ къ Вамъ уваженіи

М. Языковъ <л. 2 об.>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.10.21. Л. 6–7 об.

На конверте:

Его Высочородію
 Ѳедору Михайловичу
 Достоевскому
Въ г. Старую-Руссу. Новгор. Губ.

На штемпеле: 25 ІЮЛ. 1878 ПОЧТОВЫЙ ВАГОНЪ

На обороте конверта штемпель: 26 ІЮЛ. 1878 СТАРАЯ-РУССА

Выдержка из письма была опубликована: Комментарии // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 281.

7.

М. А. Языков — Ф. М. Достоевскому

Вы вѣроятно помните, многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ, что какъ-то при свиданіи съ Вашей супругой, я обѣщалъ ей добыть нѣкоторые автографы нашихъ литературныхъ знаменитостей. Между прочимъ Бѣлинскаго и Грановскаго я оставляю до Москвы, куда вѣроятно съѣзжу лѣтомъ; а записочку въ три строки незначительнаго содержанія несомнѣнно писанную рукою Пушкина изъ с. Михайловскаго къ своей псковской

¹ знаютъ вписано.

состѣдкѣ (кажется Вульфѣ) мнѣ обѣщала подарить одна дама, живущая въ Новгородѣ. А такъ какъ эта дама старушка религіозная, то я ей и обѣщала, взявъ нѣ, поднести литографію или фотографію Лика Спасителя, Макса, ту именно фотографію, которая продается при входѣ въ Артистическій Клубъ (д. Кушелева, что нынѣ Шереметева), за три р. с.

Двѣ недѣли тому назадъ я былъ въ Петербургѣ и заѣзжалъ туда съ цѣлію приобрести упомянутую Литографію, но къ моему сожалѣнію изображенія¹ Лика Спасителя, продающагося по 3 рубля въ продажѣ не оказалось и тогда мнѣ было сказано, что на дняхъ ожидаютъ присылки подобныхъ картинъ изъ Праги, но мнѣ нельзя было въ П<етер>б<ургъ>² оставаться долѣе; а теперь ранѣе февраля едва-ли удастся мнѣ побывать въ Петербургѣ.

Между тѣмъ картины раскупаются на разхватъ и я, боясь, чтобы не раскупили вновь присланныя картины, осмѣливаюсь обратиться съ покорнѣйшею просьбой къ Вашей супругѣ, состоящей въ слѣдующемъ:

Открывъ мнѣ кредитъ въ три рубля до перваго нашего свиданія, послать кого нибудь въ домъ Кушелева, гдѣ и купить за 3 р. Ликъ Спасителя <л. 1> потомъ запаковать картину³ наверхтѣвъ на круглую скалку въ поларшина величиной и зашивъ въ холстъ или клеенку и оцѣнивъ посылку примѣрно въ одинъ рубль, переслать оную ко мнѣ по слѣдующему адресу:

цѣнная
Михаилу Александровичу
Языкову

Въ г. Новгородѣ.

Посылка на 1 р. с.

Отъ такого-то, живущаго тамъ-то.

Я осмѣлился побезпокоить моею просьбой Вашу добрѣйшую супругу во первыхъ потому, что она въ извѣстной степени заинтересована приобретѣніемъ рукописи Пушкина; а главное, я боюсь какъ-бы опять не раскупили Лика Спасителя.

Но если мое письмо можетъ причинить хотя нѣкоторое безпокойство, то я убѣдительно прошу не исполнять просьбы, а оставить дѣло до моего пріѣзда в<ъ> Петербургъ, который послѣдуетъ въ продолженіи

¹ Далее зачеркнуто: моего

² въ П<етер>б<ургъ> вписано.

³ картину вписано.

февраля и тогда быть может на мое счастье, желаемый трехрублевый экземпляр еще останется в<ъ> продажъ.

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи появленія первыхъ главъ Вашего новаго романа, остаюсь искренно преданный и глубоко уважающій Васъ

М. Языковъ

Новгородъ

26 Январ<я> 1879. <л. 1 об.>

Р. С. Меня давно, то есть гораздо ранѣе появленія чумы, занималъ вопросъ о сожиганіи труповъ и пр.

Не знаю какъ смотрите Вы на этотъ предметъ, но мнѣ кажется, что нельзя, въ виду приближенія моровой язвы, придумать болѣе счастливаго момента для популяризаціи въ народъ этой пропаганды.

Что если-бы, съ разрѣшенія нашего правительства городскія и земскія управы устроили, каждая въ своемъ городъ или уѣздъ, хотя по одной печи (наподобіе Миланской или Дрезденской) для сожиганія труповъ и сожгли бы всенародно на площади, въ присутствіи мѣстныхъ властей и съ подобающимъ церковнымъ обрядомъ, хотя бы по одному человѣку, умершему отъ какой-бы то ни было эпидемической болѣзни. Какая была-бы это полезная для человѣчества и колоссальная пропаганда. —

Повторяю, что не знаю Вашего взгляда на это дѣло, но если Вы сочувствуете уничтоженію кладбищъ и пр. то мнѣ кажется, что ничье перо в<ъ> Россіи, не высказало-бы съ бѣльшимъ убѣжденіемъ какъ Ваши огненные строки, — благо что вся наша печать заговорила объ этомъ¹.

Что если-бы какой добрый Геній внушилъ эту мысль Государю или Наслѣднику, тѣмъ болѣе что Россія такъ способна принимать съ благоволеніемъ великія мѣропріятія безъ потрясеній.² <л. 2>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.10.21. Л. 8–9.

Впервые частично опубликовано: Комментарии // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 344.

Впервые полностью опубликовано: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petrso.ru/fmdost/letters.htm>.

¹ Далее зачеркнуто: *пред*

² Внизу л. 9 рукой А. Г. Достоевской вписана дата: 26^ю Январь 1879 г.

8.

М. А. Языков — Ф. М. Достоевскому

Федоръ Михайловичъ,

*Мнѣ нужно и важно знать: останетесь-ли Вы до праздника Пушки-
ну, что вѣроятно произойдетъ черезъ недѣлю. Я только что пріѣхалъ
изъ Новгорода*

Языковъ <л. 1>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. №29913. Л. 1.

На обороте листа запись:

*Федору Михайловичу
Достоевскому*

На обороте листа хозяйственные записи рукой Ф. М. Достоевского:

3 платка

1 руб.

1 подштанники

1 носки

1 жилетъ

Публикуется впервые.

9.

М. А. Языков — Ф. М. Достоевскому

*Посылаю Вамъ, многоуважаемый Федоръ Михайловичъ три р. с. изъ
коихъ 2 р. 50 к. слѣдуетъ Вамъ за проданные мною десять экз. Дневника,
которые мнѣ въ Старой Руссѣ передала супруга Ваша. На остальные
50 коп. благоволите распорядиться о покупкѣ соч. Абазы подъ названіемъ:
чтеніе для солдатъ. Книжку эту будьте такъ добры прикажите отпра-
вить въ Кронштадтъ, по слѣдующему адресу:*

Высокая улица, домъ № 18^а квартиры № 4^а

Дмитрію Михайловичу

Языкову

Г. Мичману шестаго флотскаго экипажа.

*Доставленіемъ этой книги Вы меня очень одолжите, такъ какъ на
моего <л. 1> сына возложена обязанность обучать солдатъ грамматъ¹*

¹ Так в подлиннике.

и мнѣ говорили что эта книжка хорошо составлена. — Если израсходуете болѣе пятидесяти копѣекъ, то при свиданіи я, съ глубокою благодарностію, уплачу Вашей доброй супругѣ слѣдующее¹ и пользуясь этимъ случаемъ цѣлую ея ручку и прошу принять увѣреніе въ моемъ къ Вамъ искреннемъ уваженіи и дружеской преданности

М. Языковъ

22 Октябр<я> 1880 г.

Новгородъ <л. 1 об.>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29978. Л. 1–1 об.

Публикуется впервые.

III.

А. А. Буткевич — М. А. Языкову

Многоуважаемый

Михаиль Александровичъ,

Спѣшу поблагодарить васъ отъ всей души за телеграмму съ добрымъ извѣстіемъ, а я весь день волновалась, зная что сегодня именно рѣшается мое дѣло. Какой же вы добрый и чуткій человекъ — какъ вы меня успокоили. Какое счастье, что я дожила до осуществленія этого дѣла — теперь и умереть не страшно — и безъ меня сдѣлается.

Буду ждать официальнаго извѣщенія о согласіи Земства <л. 1> тогда опять посоветуюсь съ вами, что дальше дѣлать: слѣдуетъ ли мнѣ благодарить Земство или благодарить тѣхъ лицъ къ которымъ я обращалась за содѣйствіемъ, или ничего этого не нужно. Впрочемъ вѣроятно это еще не такъ скоро будетъ.

Еще разъ благодарю васъ, дорогой Михаилъ Александровичъ, дай вамъ Богъ добраго здоровья.¹

Душевно преданная

Вамъ

А.<.> Буткевичъ<ъ>

15 Декабря

1881 г. <л. 1 об.>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29978. Л. 1–1 об.

Публикуется впервые.

На л. 2 запись карандашомъ рукой А. Г. Достоевской:

Письмо А. Буткевичъ, сестры Н. А. Некрасова къ Михаилу Алекс<андровичу> Языкову по поводу школы имени Некрасова близъ Чудова.

¹ Было: при свиданіи — исправлено: слѣдующее

IV.

<М. Языков. Письмо в редакцию «Нового Времени»>

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Прочитавъ въ «Новомъ Времени» письмо къ А. Н. Майкову, по поводу болѣзни покойнаго Ѳ. М. Достоевскаго, обязываюсь и я сообщить о томъ же, въ подтвержденіе словъ такого правдиваго авторитета, какъ заявленіе почтеннаго доктора Яновскаго, съ которымъ я когда-то встрѣчался въ домѣ извѣстныхъ Майковыхъ.

Года за два-за три передъ ссылкой, какъ-то разъ, въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцахъ, въ прекрасный теплый лѣтній вечеръ, зашелъ ко мнѣ, что бывало не рѣдко, Ѳ. М. Достоевскій. Въ тотъ же вечеръ нѣкоторые изъ общихъ нашихъ пріятелей, почему-то на тотъ день не развѣхавшіеся по своимъ дачамъ и, оставаясь въ городѣ, собрались ко мнѣ пить чай: изъ покойныхъ: И. И. Панаевъ, инженеръ А. С. Комаровъ и кажется Некрасовъ; а изъ нынѣ здравству<ю>щихъ помнится: П. В. Анненковъ и И. С. Тургеневъ.

Оживленный разговоръ, какъ обыкновенно бывало, незамѣтно продолжился далеко за полночь. Часа въ два, когда въ комнатѣ стало совсѣмъ свѣтло, мы вдругъ замѣтили въ задумчивомъ и сосредоточенномъ лицѣ Достоевскаго какое-то безпокойство и въ глазахъ выраженіе испуга, а вслѣдъ затѣмъ, глухимъ и тревожнымъ голосомъ, вопросъ: «Михайло Александровичъ — гдѣ я? Не успѣлъ я сообразить что сдѣлать, какъ онъ вскочилъ уже съ дивана, побѣжавъ очень быстро, по огромной комнатѣ, гдѣ мы сидѣли, прямо къ открытому окну, чтобы, повидимому освѣжить себя воздухомъ. Жена моя въ то время была нездорова и находилась въ сосѣдней комнатѣ, а остальные мои гости въ то время удалялись. Провожая ихъ наскоро, я схватилъ стоявшій въ передней графинъ съ водой, съ цѣлію дать ее Достоевскому, чтобы освѣжиться, и мы остались съ нимъ одни. Когда же, съ графиномъ въ рукѣ, я подбѣжалъ къ окну, то увидѣлъ Достоевскаго съ искаженнымъ выраженіемъ лица, дрожащимъ всѣмъ тѣломъ и судорожно, въ сторону наклоненной головой. Не выдавъ никогда и не зная свойствъ падучей болѣзни и не подозрѣвая, что съ нимъ вѣроятно совершался легкій эпилептическій припадокъ, — я рѣшился облить ему голову холодною водой, послѣ чего тотчасъ же въ сильно возбужденномъ состояніи, онъ спрыгнулъ съ окна на полъ и опрометью побѣжалъ по комнатѣ, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ уже бѣжалъ по Фонтанкѣ, по направленію къ Аничкову мосту безъ шапки. Я рѣшился его догонять, но, выбѣжавъ за ворота Троицкаго подворья, гдѣ я тогда жилъ, занимая квартиру бывшаго московскаго митрополита Филарета, я вскочилъ на попавшіяся мнѣ извозчичьи дрожки, приказавъ извозчику скакать на Невскій проспектъ. Обогнавъ домъ Бѣлосельскаго, я увидѣлъ Достоевскаго бѣгущаго по направленію

къ Литейной улицѣ. Я за нимъ. Догнавъ наконецъ его на Литейной у воротъ Маріинской больницы и соскочивъ съ дрожекъ, я остановилъ его. Достоевскій нѣсколько уже успокоенный и пришедшій въ себя, началъ благодарить меня за вниманіе къ нему, прибавивъ, что онъ хотя и смутно, но сообразилъ, что до его квартиры бѣжать далеко, а лучше поспѣшить въ Маріинскую больницу гдѣ, вѣроятно, можно найти дежурнаго доктора. Я же, увѣренный, что съ нимъ припадокъ прекратился, усадилъ его на дрожки, а самъ сѣлъ съ нимъ рядомъ и такимъ образомъ, мы оба безъ шляпъ возвратились домой, а черезъ нѣсколько минутъ, онъ, посидѣвъ со мной, повидимому совершенно успокоившійся, уѣхалъ на тѣхъ же дрожкахъ въ свою квартиру.

М. Языковъ.

27 февраля 1881 г.
Новгородъ.

Впервые опубликовано: Письмо в редакцію // Новое время. 1881. № 1799. 2 (14) марта. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. К. [А. Ф. Кони]. М. А. Языковъ (Некрологъ) // Недѣля. — 1885. — № 5. — С. 194–195 [Электронный ресурс]. — URL : http://xn--90ax2c.xn--plai/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_NP_001450/viewer/?page=105 (05.05.2017).
2. Алексеева, Л. В. Анонимные письма в архиве Достоевского / Л. В. Алексеева // Неизвестный Достоевский : электронный научный журнал. — 2014. — № 1/2. — С. 51–65 [Электронный ресурс]. — URL : http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1437403293.pdf (28.02.2017).
3. Алексеева, О. Б. Комментарии / О. Б. Алексеева, М. М. Гин, Б. В. Мельгунов, Н. Н. Моствовская, М. Ю. Степина // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем : в 15 т. / Н. А. Некрасов. — Санкт-Петербург, 1997. — Т. 13. — Кн. 1 : Материалы редакционно-издательской деятельности. — С. 311–537.
4. Белов, С. В. Языков Михаил Александрович / С. В. Белов // Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь / С. В. Белов. — Санкт-Петербург : Алетей : Российская национальная библиотека, 2001. — Т. 2. — С. 454–455.
5. Гармашева, Т. В., Капелюш, Б. Н. Рукописи и переписка Ф. М. Достоевского / Т. В. Гармашева, Б. Н. Капелюш // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома (РАН). — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1957. — Вып. VII. — С. 5–130.
6. Громов, В. А. Тургенев, М. А. Языков и Н. Г. Бунин / В. А. Громов // Тургеневский сборник : Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. — Ленинград : Наука, 1968. — Вып. IV. — С. 293–298 [Электронный ресурс]. — URL : <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=1cYzdGrfz4%3d&tabid=10930> (05.05.2017).
7. Захваткин (Языков), Ю. А., Герцева, Е. Р. Языковы / Ю. А. Захваткин (Языков), Е. Р. Герцева // Генеалогическая база знаний : персоны, фамилии, хроника [Электронный ресурс]. — URL : <http://baza.vgdru.com/17/> (05.05.2017).

8. Императорскій фарфоровый заводъ. 1744–1904 : [Ист. очерк] / [Предисл. бар. Н. Б. фон-Вольф]. — Санктъ-Петербургъ : Упр. имп. з-дами, [1906]. VIII, 422, 64 с. [Электронный ресурс]. — URL : http://xn--90ax2c.xn--plai/catalog/005289_000028_75522241-A335-4C25-A8EE-D3BAE50CED19/viewer/ (05.05.2017).
9. Кони, А. Ø. Михаилъ Александровичъ Языковъ (6-го февраля 1885 г.) / А. Ф. Кони // Очерки и воспоминанія / А. Ф. Кони (Публичныя чтенія, рѣчи и замѣтки). — Санктъ-Петербургъ, 1906. — С. 809–812 [Электронный ресурс]. — URL : https://xn--90ax2c.xn--plai/catalog/000199_000009_003735615/viewer/?page=823 (05.05.2017).
10. Кони, А. Ø. Тургеневъ. — Достоевскій. — Некрасовъ. — Апухтинъ. — Писемскій / А. Ф. Кони // На жизненномъ пути : изъ воспоминаній : публичныя чтенія : въ верхней палатѣ / А. Ф. Кони. — Санктъ-Петербургъ, 1912. — Т. 2. — С. 77–137 [Электронный ресурс]. — URL : https://xn--90ax2c.xn--plai/catalog/000199_000009_004009189/viewer/?page=5 (05.05.2017).
11. Кузнецов, Д. И. Ученик Языков / Д. И. Кузнецов // Бетанкур / Д. И. Кузнецов. — Москва : Вече, 2013. — 479 с. [Электронный ресурс]. — URL : <https://biography.wikireading.ru/219209> (05.05.2017).
12. Лемке, М. Николаевскіе жандармы и литературы 1826–1855 гг. По подлиннымъ дѣламъ Третьяго отдѣленія собств. Е. И. Величества канцеляріи / М. Лемке. — Санктъ-Петербургъ : Изд. С. В. Бунина, 1909. XVI, 614 с., 7 л. портр.
13. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского : в 3 т. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. — Т. 3 : 1875–1881. — 614 с.
14. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. — Москва : Изд-во АН СССР, 1957. — 588 с.
15. Паншев, Н. В. О прижизненных изданиях Ф. М. Достоевского : Из записок библиофила / Н. В. Паншев // Волга. — 1996. — № 8–9. — С. 95–112.
16. Чуковский, К. И. Литературный дебют Достоевского / К. И. Чуковский // Критические рассказы. Часть I / К. И. Чуковский [Электронный ресурс]. — URL : <http://modernproblems.org.ru/memo/202-chukovsky1.html?showall=1> (05.05.2017).

Irina S. Andrianova

Ph.D. in Philology

Head of Web-laboratory of the Faculty of Philology,

Petrozavodsk State University

(Petrozavodsk, Russian Federation)

yarysheva@yandex.ru

“A FRIEND OF WRITERS” MIKHAIL YAZYKOV AND FEDOR DOSTOEVSKY: HISTORY OF RELATIONSHIP IN LETTERS, ATTRIBUTION, COMMENTARY

Abstract. Mikhail Aleksandrovich Yazykov was not a writer, but he deserved well of Russian literature. This man was a friend and an assistant of talented writers that differed in characters and outlook, such as Ivan Panaev, Vissarion Belinsky, Ivan Turgenev, Mikhail Saltykov-Shchedrin, Alexander Herzen, Nikolay Ogarev, etc. Meanwhile, the scarce biographical data on his personality, available today, contain some mistakes (he is believed to have occupied an office of his brother Pavel Yazykov, director of the Imperial Glass Factory, etc.). The acquaintance of Fedor Dostoevsky with Mikhail Yazykov took place in the 1840s. The first mention of which appears in letters of the writer to his brother Mikhail in 1846. The recollection of one of their meetings on 1846–1847 Yazykov conveyed in his letter to the editors of the “*Novoe Vremya*” (1881. No. 1799), where he testified that the writer suffered from a mild form of epilepsy even before the period of hard labor in exile. Since the 1870s relations between Dostoevsky and Yazykov changed into friendship that lasted until the end of the writer’s life, as evidenced by their correspondence. So far, we have got acquainted with one letter of Dostoevsky to Yazykov and with seven letters of Yazykov to the writer. This article reveals new facts of the biography of Mikhail Yazykov, and what is more, represents the attribution of a letter to Dostoevsky dated back to October 14th, 1876, whose author was not identified before. This is the eighth letter of Mikhail Yazykov to the author of “*A Writer’s Diary*”. The appendix to the article contains the published correspondence between Dostoevsky and Yazykov and the letters of Nikolay Alfimov to Dostoevsky and of Anna Butkevich to Mikhail Yazykov, and the letter to the editors of the “*Novoe Vremya*” is reissued here.

Keywords: Fedor Dostoevsky, Mikhail Yazykov, Pavel Yazykov, “*Otechestvennye Zapiski*”, “*Sovremennik*”, “*Circle of Belinsky*”, commission office, correspondence, attribution, graphological analysis

REFERENCES

1. A. K. [A. F. Koni]. M. A. Yazykov (Obituary). In: *Nedelya*, 1885, no. 5, pp. 194–195. Available at: http://xn--90ax2c.xn--plai/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_NP_001450/viewer/?page=105 (accessed 5 May 2017). (In Russ.)
2. Alekseeva L. V. Anonymous Letters in the Dostoevsky Archive. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy: elektronnyy nauchnyy zhurnal [The Unknown Dostoevsky: Online Research Journal]*, 2014, no. 1/2, pp. 51–65. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1437403293.pdf (accessed 28 February 2017). (In Russ.)
3. Alekseeva O. B. Comments. In: *Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 15 tomakh [Nekrasov N. A. Complete Works and Letters: in 15 Vols]*. St. Petersburg, 1997, vol. 13, book 1: Materials of Editorial and Publishing Activities, pp. 311–537. (In Russ.)
4. Belov S. V. Yazykov Mikhail Alexandrovich. In: *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie. Entsiklopedicheskiy slovar’ [F. M. Dostoevsky and His Circle. Encyclopedic Dictionary]*. St. Petersburg, Aleteyya, The Russian National Library Publ., 2001, vol. 1–2, pp. 454–455. (In Russ.)

5. Garmasheva T. V., Kapelyush B. N. Manuscripts and Letters of F. M. Dostoevsky. In: *Byulleteni rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma (Rossiyskoy Akademii Nauk)* [Bulletins of Manuscript Division of the Pushkin House (Russian Academy of Sciences)]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957, issue 7, pp. 5–130. (In Russ.)
6. Gromov V. A. Turgenev, M. A. Yazykov and N. G. Bunin. In: *Turgenevskiy sbornik: Materialy k Polnomu sobraniyu sochineniy i pisem I. S. Turgeneva* [Turgenev Collection: Materials for the Complete Collection of Works and Letters of I. S. Turgenev]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, issue 4, pp. 293–298. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=-1cYzdGrfjz4%3d&tabid=10930> (accessed 5 May 2017). (In Russ.)
7. Zakhvatkin (Yazykov) Yu. A., Gertseva E. R. Yazykovs. In: *Genealogicheskaya baza znaniy: persony, familii, khronika* [Genealogical Data Base: Persons, Surnames, Chronicle]. Available at: <http://baza.vgdru.com/17/> (accessed 5 May 2017). (In Russ.)
8. *Imperatorskiy farforovyy zavod. 1744–1904: (Istoricheskiy ocherk)* [The Imperial Porcelain Factory. 1744–1904: (Historical Essay)]. St. Petersburg, Management of Imperial Factories Publ., 1906. 8, 422, 64 p. Available at: http://xn--90ax2c.xn--plai/catalog/005289_000028_75522241-A335-4C25-A8EE-D3BAE50CED19/viewer/ (accessed 5 May 2017). (In Russ.)
9. Koni A. F. Mikhail Alexandrovich Yazykov (February 6th, 1885). In: *Koni A. F. Ocherki i vospominaniya. (Publichnye chteniya, rechi i zametki)* [Koni A. F. Essays and Memories. (Public Readings, Speeches and Notes)]. St. Petersburg, 1906, pp. 809–812. Available at: https://xn--90ax2c.xn--plai/catalog/000199_000009_003735615/viewer/?page=823 (accessed 5 May 2017). (In Russ.)
10. Koni A. F. Turgenev. — Dostoevsky. — Nekrasov. — Apukhtin. — Pisemsky. In: *Koni A. F. Na zhiznennom puti: iz vospominaniy: publichnye chteniya: v verkhney palate* [Koni A. F. Life Journey: From Memories: Public Readings: in the Upper Chamber]. St. Petersburg, 1912, vol. 2, pp. 77–137. Available at: https://xn--90ax2c.xn--plai/catalog/000199_000009_004009189/viewer/?page=5 (accessed 5 May 2017). (In Russ.)
11. Kuznetsov D. I. An Apprentice Yazykov. In: *Kuznetsov D. I. Betankur*. Moscow, Veche Publ., 2013. 479 p. Available at: <https://biography.wikireading.ru/219209> (accessed 5 May 2017). (In Russ.)
12. Lemke M. *Nikolaevskie zhandarmy i literatury 1826–1855 godov. Po podlinnym delam Tre'tego otdeleniya sobstvennoy E. I. Velichestva kantselyarii* [The Gendarmes of the Period of Emperor Nikolai and Literature in 1826–1855. Based on the Original Cases of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. St. Petersburg, S. V. Bunin's Publishing House, 1909. 16, 614 p. (In Russ.)
13. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 3: 1875–1881. 614 p. (In Russ.)
14. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 588 p. (In Russ.)
15. Panshev N. V. On the Intravital Editions of F. M. Dostoevsky: From the Notes of the Bibliophile. In: *Volga*, 1996, no. 8–9, pp. 95–112. (In Russ.)
16. Chukovskiy K. I. Dostoevsky's Literary Debut. In: *Chukovskiy K. I. Kriticheskie rasskazy. Chast' I* [Chukovsky K. I. Critical Stories. Part I]. Available at: <http://modernproblems.org.ru/memo/202-chukovsky1.html?showall=1> (accessed 5 May 2017). (In Russ.)

Александр Владимирович Отливанчик

(Минск, Республика Беларусь)

AlexOt@yandex.ru

**КНЯЖНА Н. П. ШАЛИКОВА — КОРРЕСПОНДЕНТ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО***

Аннотация. В рамках изучения редакционного архива еженедельника «Гражданин» (1872–1879) предпринимается комментированная публикация писем к Ф. М. Достоевскому Н. П. Шаликовой (1815–1878) — писательницы, публициста, непостоянного автора «Гражданина». Исследуется вопрос о датировке письма Н. П. Шаликовой Ф. М. Достоевскому, имеющего авторскую дату «12 апреля 1877». Авторская датировка данного письма дважды оспаривалась: сначала А. Г. Достоевской, отнесшей письмо к 1872 г., затем в архивной справке и справочном издании «Описание рукописей Ф. М. Достоевского» (М., 1957), где письмо датировано 12 апреля 1874 г. Изучение содержания письма Н. П. Шаликовой, его сопоставление с другими архивными материалами показало, что авторская дата «12 апреля 1877» не является ошибочной и не нуждается в исправлении.

Ключевые слова: Н. П. Шаликова, А. Г. Достоевская, «Гражданин», эпистолярный, хронологическая атрибуция

В личном архиве Достоевского сохранилось три письма княжны Натальи Петровны Шаликовой (1815–1878) — писательницы, публициста и переводчицы. Все письма относятся к 1870-м годам и так или иначе связаны с сотрудничеством Ф. М. Достоевского и Н. П. Шаликовой в газете-журнале «Гражданин».

Писательница происходила из обрусевшей ветви грузинского княжеского рода Шаликашвили. Отец Натальи Петровны князь Петр Иванович Шаликов (около 1774?–1852)¹ известен как писатель-сентименталист, издатель журналов «Московский Зритель» (1806), «Аглая» (1808–1812), «Дамский Журнал» (1823–1833) и многолетний редактор «Московских Ведомостей». Младшая сестра Н. П. Шаликовой Софья была замужем за М. Н. Катковым. Начав литературную деятельность в 1840-е гг. переводами с французского языка, Н. П. Шаликова в середине 1850-х гг. дебютирует как беллетрист на страницах некрасовского «Современника» (повести «Первое знакомство со светом», «Всё к лучшему», рассказ «Елена»). Первые оригинальные произведения писательницы вызвали положительные отзывы И. С. Тургенева, В. П. Боткина², Н. А. Добролюбова³. С момента основания М. Н. Катковым «Русского Вестника» (1856) Н. П. Шаликова сосредоточивается на сотрудничестве в этом журнале, лишь изредка публикуясь в других изданиях, как правило, консервативного направления: «Современной Летописи», «Русском Мире», «Гражданине». Сочувствие Шаликовой «консервативному лагерю» прессы отразилось в отзыве писательницы о «Гражданине» в письме Достоевскому от 6 (18) мая 1873 г.: «Я послала ее (пьесу «На волнах». — А. О.)

въ Гражданинъ единственно по сочувствію моему къ программѣ этого изданія, въ которомъ я видѣла исключеніе изъ Петерб<ургскихъ> журналовъ, которые мнѣ уже слишкомъ пошли кажутся».

Достоевский познакомился с Н. П. Шаликовой в Висбадене в августе или сентябре 1865 г. [4, 41]. По предположению Л. Д. Опульской, именно Н. П. Шаликова, скорее всего, посоветовала писателю предложить роман «Преступление и Наказание» в «Русский Вестник» М. Н. Каткова [7, 309]. Появление «Преступления и Наказания» на страницах журнала (1866) положило начало долгому сотрудничеству Достоевского с изданием М. Н. Каткова, продолжавшемуся вплоть до смерти романиста.

Настоящая комментированная публикация писем Н. П. Шаликовой Ф. М. Достоевскому предпринимается в рамках систематического изучения редакционного архива газеты-журнала «Гражданин». Письма Шаликовой ранее не публиковались и почти не изучались литературоведами. Лишь сравнительно недавно — в 2007 г. — знакомство с содержанием письма Н. П. Шаликовой к Достоевскому от 30 мая 1873 г. позволило нам выявить сведения о несохранившемся письме Достоевского к Шаликовой, написанном в период между 6 и 30 мая 1873 г. (в Списке несохранившихся и ненайденных писем Ф. М. Достоевского в Полном собрании сочинений писателя в 30 т., а также в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» письмо не учтено) [6, 401, 410]. Отметим, что корреспонденция Шаликовой на имя писателя также дошла до нас не полностью. Так, письмо, посланное Шаликовой Достоевскому из Рейхенгалля (Бавария) незадолго до 16 (28) июля 1874 г. и полученное писателем в Эмсе (см.: ДЗ0, т. 29₁, с. 356), отсутствует в материалах фамильного архива Достоевских.

При подготовке писем Н. П. Шаликовой к публикации нами уточнена датировка одного из них, отправленного из редакции «Московских Ведомостей» и имеющего авторскую дату *12 апреля 1877 г.* Авторская датировка данного письма дважды исправлялась: сначала А. Г. Достоевской, отнесшей письмо к 1872 г., впоследствии в архивном описании, в котором документ датирован 12-м апреля 1874 г. Атрибуция принята в «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» [5, 508]. Составители трехтомной «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (С.-Петербург, 1993–1995), очевидно, затруднившись с датировкой этого письма, не учли его вообще.

В оригинале письма от 12 апреля обозначение года *1877* исправлено рукой А. Г. Достоевской на *1872 г.* О мотивах такой передатировки можно только догадываться. В самом тексте письма Шаликовой на 1872 год может указывать лишь упоминание о повести «Из-за куска хлеба», пересылавшейся автором Достоевскому при письме. Первая публикация повести «Из-за куска хлеба» состоялась, действительно, в 1872 г. в летнем приложении к «Гражданину» — альманахе «Гражданин. Сборник 1872 г. Часть первая».

В 1876 г. названная повесть Шаликовой вышла отдельным изданием. Таким образом, А. Г. Достоевская могла отнести письмо к 1872 году по упоминанию повести «Из-за куска хлеба», не зная о позднейшем отдельном издании этого произведения⁴.

Несогласие с датировкой А. Г. Достоевской оправданно: слишком многое в содержании письма показывает, что оно написано *после* 1872 года. Майские (1873 г.) письма Н. П. Шаликовой романисту из Гейдельберга и Вены (№№ 1 и 2 в настоящей публикации) свидетельствуют о том, что с момента первой встречи с Достоевским в Висбадене (1865 г.) Шаликова ни разу не виделась с писателем и до мая 1873 г. не состояла с ним в переписке. Даже о женитьбе Достоевского на Анне Григорьевне Сниткиной (15 февраля 1867 г.) Шаликова впервые узнала из майского (1873 г.) письма романиста: «*Благодарю васъ отъ всей души за ваше милое письмо, многуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ. <...> Радуюсь душевно, что вы женились*» (30 мая 1873 г.). Между тем письмо княжны Достоевскому от 12 апреля содержит вопрос о семье: «*Что ваша жена, здоровы-ли милые дѣти?*». Не согласуется с датировкой 12 апреля 1872 г. и отметка на полях последней страницы письма, свидетельствующая о знакомстве Достоевского с начинающей писательницей П. Е. Гусевой: «*Пелагея Егоровна Гусева <...> пишетъ мнѣ чтобъ я вамъ кланялась отъ нея*». С П. Е. Гусевой Достоевский познакомился только в июне 1874 г. [4, 499]. Наконец, ремарка о проповеднике лорде Редстоке, впервые приехавшем в Россию в феврале 1874 г. («*Что скажете о Редстокѣ? Шутъ гороховый по моему*»), в письме 1872 г. также выглядит анахронизмом. Последнее обстоятельство было отмечено в архивном описании, где предложена новая датировка письма: 12 апреля 1874 г. Между тем известно, что миссионерская деятельность Редстока в России продолжалась более четырех лет (до осени 1878 г.); его проповеди звучали в петербургских салонах во время Великого поста в 1874, 1875, 1876 и 1877 гг. [3, 410].

Содержание письма Н. П. Шаликовой, датируемого отправителем 12-м апреля 1877 г., — как само по себе, так и при сопоставлении его с другими документальными источниками — показывает, что писательница *не сделала ошибки* в указании года. Приведем соответствующие аргументы.

1. Как следует из вышеизложенного, П. Е. Гусева, просившая Н. П. Шаликову «кланяться» Достоевскому в письме, в апреле 1874 г. еще не была знакома с писателем. Значит, письмо Шаликовой относится к более позднему времени.

2. Повесть Шаликовой «Из-за куска хлеба», отправленная Достоевскому вместе с письмом, вышла отдельным изданием в 1876 г. Фраза писательницы «*Посылаю вамъ мою маленькую повѣсть Изъ за куска хлѣба*» вряд ли подразумевала публикацию повести в составе объемного (589 страниц)

сборника — приложения к «Гражданину» 1872 г.: такое обстоятельство, скорее всего, было бы оговорено корреспонденткой.

3. В письме от 12 апреля Шаликова упоминает о своей недавней тяжелой болезни: *«Я все это время была страшно больна, выдержала костюду на ногу и только чудомъ была спасена»*. Упоминание о болезни находит четкое соответствие в апрельских (1877 г.) письмах Шаликовой драматургу Д. В. Аверкиеву⁵. Краткое описание княжной Д. В. Аверкиеву симптомов болезни указывает именно на «костоеду на ноге» (остеомиелит нижней конечности); болезнь приковала Н. П. Шаликову к постели и, возможно, действительно угрожала ее жизни: *«Я, какъ вы знаете можетъ быть, больна, сижу на диванѣ (три дня впрочемъ какъ начинаю ходить какъ 2^хлѣтнее дитя)»; «Пишу слабой рукой послѣ жестокой болѣзни»; «Сдѣлайте это для меня — едва возвратившейся къ жизни»* (НИОР РГБ. Ф. 93.П.9.131. Л. 1, 4, 5 об.).

Авторскую датировку последнего письма Н. П. Шаликовой Ф. М. Достоевскому — 12 апреля 1877 г. — следует оставить без исправлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук), проект «Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.)» (№ 17–04–00619).

- ¹ Точный год рождения П. И. Шаликова неизвестен. По данным «Русского биографического словаря» под редакцией А. А. Половцова (см.: т. [22], с. 492), П. И. Шаликов родился в 1767 или 1768 г. 1768 год рождения указан и в статье о П. И. Шаликове в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (т. 77, с. 109). В сохранившемся «Отчете о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1835/6 академический и 1836 гражданский годы» отмечается, что на момент 1836 г. редактору «Московских Ведомостей» П. И. Шаликову было 62 года (<http://dlib.rsl.ru/viewer/01003402825#?page=52>). Если сведения «Отчета...» достоверны, П. И. Шаликов родился около 1774 г.
- ² См.: Тургенев, И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 40, 435.
- ³ См.: Добролюбов, Н. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1963. С. 432.
- ⁴ Уточним: на момент 12 апреля 1872 г. повесть «Из-за куска хлеба» еще не была опубликована даже в летнем приложении к «Гражданину». 12 апреля 1872 г. писательница могла направить Достоевскому повесть разве в рукописи.
- ⁵ Год в письмах не указан. Устанавливается по содержанию — упоминанию о гастролях в Москве итальянского актера-трагика Эрнесто Росси (впервые состоялись в марте — апреле 1877 г.) и статьях Д. В. Аверкиева об Э. Росси в «Московских Ведомостях» (напечатаны 6 и 12 апреля 1877 г. в авторской рубрике Д. В. Аверкиева «Московская драматургия»).

Письма Н. П. Шаликовой Ф. М. Достоевскому публикуются по подлинникам. Публикация каждого письма сопровождается реальным комментарием.

1.

6 (18) мая <1873>. Из Гейдельберга. <В С.-Петербург>

Hôtel du Nord. Heidelberg. Duché de Bade¹

Гейдельбергъ 18/6 Мая²

Милостивый Государь
Федоръ Михайловичъ.

Можетъ быть вы не забыли о нашей встрѣчѣ³ въ Висбаденѣ у О. Янышева и не откажетесь оказать мнѣ важную услугу, извѣстивъ меня о судьбѣ моей драмы: На волнахъ подписанной псевдонимомъ: Н. Горка.

Сдѣлайте одолженіе не потягивайтесь успокоить меня, сказавъ что она не потеряна.

В<.> А. Ровинскій болѣе двухъ <л. 1> мѣсяцевъ, по моей просьбѣ, хлопоталъ по этому дѣлу, но безуспѣшно. Согласитесь сами, какъ литераторъ, что для меня весьма непріятна подобная неизвѣстность. Каждый трудъ — тѣмъ болѣе литературный — имѣетъ право на нѣкоторое вниманіе и я надѣюсь, что вы, какъ человѣкъ деликатный, хорошо поймете мое тяжелое чувство и удовлетворите меня какъ можно скорѣе. Я считаю себя сотрудницей Гражданина, помѣстивъ <л. 1 об.> въ его Сборникъ мою повѣсть: Изъ-за куска хлѣба. И какъ къ собрату, обращаюсь къ вамъ. Моя рукопись была послана^{(#)4} на имя Князя В. П. Меицера-скаго, черезъ моего знакомаго Г^{на} Цурикова, который ѣхалъ въ Россію изъ Парижа, гдѣ я провела нынѣшнюю зиму.

Я не спрашиваю — нравится-ли⁵ вамъ моя драма: На волнахъ или нѣтъ, и намѣрены-ли вы ее печатать, но только умоляю васъ⁶ извѣстить меня существуетъ она у васъ въ Редакціи — или нѣтъ ее тамъ. Если она вамъ не нравится, <л. 2> то ее возметъ⁷ мой зять М. Н. Катковъ. Я послала ее въ Гражданинъ единственно по сочувствію моему къ программѣ этого изданія, въ которомъ я видѣла⁸ исключеніе изъ Петерб<ургскихъ>

¹ Герцогство Баден (франц.).

² Строкой ниже — отметка рукой А. Г. Достоевской: /1873.

³ В подлиннике описка: *встрѣчи*

⁴ ^(#) въ декабрь мѣс<яца>. (Примеч. Н. П. Шаликовой).

⁵ ли вписано.

⁶ Было: *вамъ* (исправлено автором).

⁷ Так в подлиннике.

⁸ Далее было начато: *ед*

журналовъ, которые мнѣ уже слишкомъ пошлы кажутся. Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта. Мой адрессъ:

*Heidelberg, poste restante*¹.

Примите мое привѣтствіе и желаніе вамъ всего лучшаго<.>

Княжна Наталья Шаликова <л. 2 об.>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.9.130. Л. 1–2 об.

Ответное письмо Ф. М. Достоевского (между 6 и 30 мая 1873 г.) неизвестно [6, 401, 410].

Комментарии:

...у О. Янышева... — Янышев Иоанн Леонтьевич (1826–1910) — священник, богослов; был клириком русской церкви в Висбадене в 1851–1856 и 1859–1866 гг. С 1883 г. — духовник русской императорской фамилии, с 1905 г. — член Святейшего синода Русской православной церкви. Ф. М. Достоевский познакомился с И. Л. Янышевым в Висбадене в августе 1865 г. Сохранились два письма Достоевского И. Л. Янышеву: от 22 ноября 1865 г. (№ 269 в Д30) и от 29 апреля 1866 г. (№ 276 в Д30), и письмо И. Л. Янышева Достоевскому от 6 мая 1866 г. (НИОР РГБ. Ф. 93.П.10.27).

В<.> А. Ровинскій... — Разыскать сведения о В. А. Ровинском не удалось. Возможно, это один из братьев известного юриста и искусствоведа Дмитрия Александровича Ровинского (1824–1895) или родственник этнографа-слависта Павла Аполлоновича Ровинского (1831–1916).

...помѣстивъ въ его Сборникъ мою повѣсть: *Изъ-за куска хлѣба*. — Повесть Н. П. Шаликовой «Из-за куска хлеба» впервые увидела свет в 1872 г. в альманахе «Гражданин. Журнал политический и литературный. Сборник 1872 г. Часть первая» (летнее приложение к еженедельнику «Гражданин»); публикация подписана криптонимом Е. В 1876 г. в Москве вышло (под подлинной фамилией писательницы) отдельное издание повести; в нем название произведения дополнено подзаголовком «Повѣсть изъ духов<наго> быта».

...моего знакомаго ^{Г^{на}} Цурикова... — Цуриковы — старинный дворянский род, записанный в родословные книги Орловской, Курской и Воронежской губерний. Знакомый Н. П. Шаликовой принадлежал, по-видимому, к орловской ветви рода Цуриковых. Так, не получив от Цурикова ответа на запрос о судьбе пьесы «На волнах», Н. П. Шаликова намеревалась подать жалобу на своего знакомого «въ Орелъ <...> Предводителю Дворянства» (см. следующее письмо).

Если она вамъ не нравится, то ее возьметъ мой зять М. Н. Катковъ. — М. Н. Катков был мужем младшей сестры Н. П. Шаликовой Софьи Петровны (1832–1913). Драма «На волнах» не была опубликована ни в «Гражданине» В. П. Мещерского, ни в «Русском Вестнике» М. Н. Каткова. В перечне художественных и журналистских произведений Н. П. Шаликовой, составленном В. Л. Модзалевским на основании изучения первичных источников (подшивки газет, комплекты журналов 1840–1870-х гг.) и анализа исследовательской, справочно-библиографической,

¹ до востребования (франц.).

мемуарной литературы, драма «На волнах» не значится [1]. Вполне вероятно, что рукопись произведения была утеряна безвозвратно.

2.

30 мая (11 июня) <1873>. Из Вены. <В С.-Петербург>

Spenglergasse №20. Wien.¹

*Въна 30 Мая
с<тараго> ст<иля>*

Благодарю васъ отъ всей души за ваше милое письмо, многоуважаемый Федоръ Михайловичъ. Оно мнѣ доставило большое удовольствіе. Радуюсь душевно, что вы женились. Такому доброму человѣку съ душою переполненною чувствомъ можно-ли существовать безъ любви? Мнѣніе это обвѣ васъ я вынесла изъ непродолжительной, но полной искренности бесѣды нашей² съ вами въ аллеяхъ Висбадена. Мнѣ всегда казалось, что я васъ хорошо узнала.

Дай Богъ вамъ всякаго счастья! <л. 3>

Но «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Позвольте мнѣ снова побесѣдовать съ вами о моей злополучной драмѣ: На волнахъ. Оказывается, что ея нѣтъ въ вашей Редакціи, какъ мнѣ сообщаетъ сегодня Г. Ровинскій<.> Но гдѣ же она? Пишу сей часъ въ Орелъ къ Предводителю Дворянства, такъ какъ Г. Цуриковъ, которому я поручила привезти изъ Парижа мою тетрадь, оставилъ письмо мое безъ отвѣта.

Еще будьте такъ добры вспомните не давали-ли вы, или Князь Мещерскій читатъ ее³ кому-нибудь <л. 3 об.> изъ сотрудниковъ, Б. М. Маркевичу напр. Не у него-ли она? Мнѣ помнится, что онъ знакомъ съ Княземъ, а въ Редакціи, я знаю, нерѣдко просятъ просмотрѣть рукопись того⁴ кто знакомъ съ литературнымъ дѣломъ. Я не имѣю черновой. Судьба этой драмы довольно драматична. Между нами сказано: одинъ изъ литераторовъ, случайно прочитавъ ее, взялъ изъ нея безъ малѣйшей церемоніи, нѣсколько типовъ и построилъ на нихъ⁵ повѣсть. <л. 4> Известная эпиграмма:

Жалѣю я о ворѣ...

никакъ не приложима ко мнѣ, такъ какъ повѣсть принесла ему немалую сумму денегъ. Бѣдныя мы женщины! Съ нами все можно дѣлать?..

¹ Правее — отметка рукой А. Г. Достоевской: 1873 г.

² нашей вписано.

³ ее вписано.

⁴ Было: кого нибудь (исправлено автором).

⁵ Далее было: свою

Гдѣ же искать мнѣ защитника? Я видѣлась послѣ того съ вышеозначеннымъ литераторомъ и — промолчала! Увы! теперь пропадаетъ и сама драма. Судьба замѣчательная, но тѣмъ не менѣе горестная. Московскіе актеры брали ее съ удовольствіемъ¹ на сцену²...³ Просили на бенефисъ, но роковое Судилище, возстающее въ Петерб^{ургъ}, не одобрило ее <л. 4 об.> къ представленію, почему? Не извѣстно. Что въ³ ней соблюдаены всѣ извѣстные законы сценническіе⁴, это еще и тѣмъ подтверждается, что во всей пятиактной драмѣ нѣтъ ни одного монолога. Я ихъ избѣгаю...

Если удастся вамъ напасть<,> какимъ нибудь случаемъ, на слѣдѣ этой бѣглянки, то прошу васъ адрессовать мнѣ письмо въ Вѣну: Spenglergasse № 20.

Позвольте мнѣ пожелать вамъ отъ души всего лучшаго и пожавъ вашу руку, прибавить: до свиданья!

Кн<яжна> Наталья Шаликова
Р. S. <л. 5>

PS.

Надѣюсь, что если Е. Нарская придетъ въ вашу Редакцію какой нибудь раз<с>казъ, вы не обракуете его изъ-за того только, что она придѣтся съ родни М. Н. Каткову, какъ то дѣлали другіе Редакторы, и тѣмъ заставляли меня мѣнять псевдонимы. Оттуда произошелъ и Н. Горка.

Опять воскликну:

О времена! О люди!

Желала бы я еще знать былъ-ли напечатанъ въ Гражд<анинъ> Отвѣтъ Женскаго Пера Рус<скому> Міру? <л. 5 об.> Не имѣла случая читать въ Парижѣ Гражданина, и очень жалѣла объ этомъ. Дай Богъ вамъ успѣха по дѣламъ Редакціи. Когда буду въ Петерб^{ургъ} заѣду къ вамъ. <л. 6>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.9.130. Л. 3–6.

Ответ на несохранившееся письмо Ф. М. Достоевского (между 6 и 30 мая 1873 г.).

Комментарии:

...Б. М. Маркевичу напр. — Маркевич Болеслав Михайлович (1822–1884) — писатель, консервативный публицист. В 1860–1870-е гг. сотрудничал в «Русском Вестнике», «Московских Ведомостях», «Русском Мире». Упомянут в «Моих воспоминаниях» В. П. Мещерского как один из «восприемников» новосозданного журнала «Гражданин» (Мещерскій, В. П. Мои воспоминанія. Ч. II: 1865–1881 гг. С.-Петербургъ, 1898. С. 164).

¹ на сцену вписано.

² Далее было: въ

³ Было: она (исправлено автором).

⁴ Так в подлиннике.

...одинъ изъ литераторовъ ~ взялъ изъ нея безъ малѣйшей церемоніи, нѣсколько типовъ и построилъ на нихъ повѣсть. — Установить личность «литературного вора» в отсутствие текста драмы «На волнах» не представляется возможным.

Жалѣю я о ворѣ... — Н. П. Шаликова цитирует эпиграмму П.-Д. Экушар-Лебрена в переводе И. И. Дмитриева:

«Я разорился от воров!»
— «Жалею о твоём я горе».
— «Украли пук моих стихов!»
— «Жалею я об воре» [2, 344].

Третий стих эпиграммы цитировался в 1861 г. Ф. М. Достоевским в статье ««Свисток» и «Русский Вестник»» (ДЗ0, т. 19, с. 111).

...роковое Судилище, возстающее въ Петерб<ургъ> не одобрило ее къ представленію... — После создания при Министерстве внутренних дел России Главного управления по делам печати (1865 г.) вопрос о разрешении театральных пьес к постановке на сцене рассматривался Советом Главного управления по делам печати по докладу цензора драматических сочинений. Решение Совета утверждалось министром внутренних дел.

...Е. Нарская... — Е. Нарская — основной литературный псевдоним Н. П. Шаликовой.

...былъ-ли напечатанъ въ Гражд<анинъ> Отвѣтъ Женскаго Пера Рус<скому> Миру? — «Русский Мир» — консервативная ежедневная газета, основанная В. В. Комаровым и выходившая в С.-Петербурге в 1871–1880 гг. Статья «Ответ Женского Пера «Русскому Миру»» не была напечатана в «Гражданине» в 1872–1873 гг.

3.

12 апреля 1877. Из Москвы. <В С.-Петербург>

Москва

Редакція Мос<ковскихъ> Вѣд<омостей>

12 Апрелья.
1877¹

Давно я не имѣю извѣстій отъ васъ, многоуважаемый Оедоръ Михайловичъ, и не знаю ничего о состояніи вашего здоровья. Знаю только, что вы пишете² и радуюсь. Чтѣ ваша жена, здоровы-ли милые дѣти?³ <д. 7> Не-знаю скоро ли⁴ мнѣ придется побывать въ Петербургѣ. Я все это время была страшно больна, выдержала костьду на ногѣ и только чудомъ была спасена. Господь меня не⁵ оставилъ, послалъ мнѣ д^{ва} Шмидта кот<орый>

¹ Рукой А. Г. Достоевской 1877 исправлено на 1872 г.

² Так в подлиннике.

³ На полях справа — запись: *Что скажете о Редстокъ? Шутъ гороховый по моему.*

⁴ ли вписано.

⁵ не вписано.

меня совершенно возстановилъ. Онъ <л. 7 об.> положительно дѣлаетъ чудеса. Ну, за то ему и приходится плохо отъ докторовъ.

У меня къ вамъ маленькая просьба есть, добрыйшій Ѳедоръ Михайловичъ<.> Вы въ хорошихъ отношеніяхъ съ Кн<яземъ> В. Мецкерскимъ, узнайте въ случаѣ¹ если онъ намѣренъ издать Сборникъ, то не возьметъ-ли² <л. 8> мою повѣсть листа въ четыре. Очень меня обяжете, дорогій мой! Отвѣчайте хоть двумя словами, пот<ому> что тогда³ я повѣсть перепишу и приготовлю. Если же Князь не возьметъ, то я займусь другою вещью. Посылаю вамъ мою маленькую повѣсть Изъ за куска хлѣба. Если имѣете время — пробѣгите<.>

Душевно преданная ва<мъ>
Кн<язня> Нат<алья> Шаликова⁴ <л. 8 об.>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.9.130. Л. 7–8 об.

Комментарии:

Что скажете о Редстокъ? (с. 67, сноска 3). — Редсток (Radstock) Гренвил-Огастес-Уильям Уолдигрейв, лорд (1833–1913) — английский проповедник-сектант. Вел миссионерскую деятельность в России с 1874 г. по 1878 г. (с небольшими перерывами); имел значительный успех в среде петербургской аристократии. Осенью 1878 г. был выслан из страны. Ф. М. Достоевский выступал с критикой лорда Редстока и приверженцев его учения в «Гражданине» («<Ответ анониму>», 1874. № 9) и в «Дневнике Писателя» (1876. Март, гл. II, § II; 1877. Январь, гл. I, § II).

...выдержала костюду на ногъ... — Костоеда (уст.; совр.: остеомиелит) — воспаление кости, костного мозга и надкостницы, вызванное инфекцией. В запущенном состоянии болезнь приводит к разрушению кости.

...д^{ра} Шмидта... — Возможно, имеется в виду Яков Яковлевич Шмидт (1809–1891) — доктор медицины, тайный советник (с 1869 г.).

...если онъ намѣренъ издать Сборникъ, то не возьметъ-ли мою повѣсть листа въ четыре. — В 1877 г. при «Гражданине» выходило бесплатное приложение «Русский Сборник» (два тома в год). Первый том «Русского Сборника» 1877 г. был выпущен 7 февраля, т. е. до комментируемого письма Н. П. Шаликовой (см.: Гражданинъ. 1877. № 5. С. 133). Вторым том альманаха был разослан подписчикам 30 декабря 1877 г. (см.: Гражданинъ. 1877. № 45–48. С. 909); повесть Шаликовой в нем отсутствует. Выпуск двух томов «Русского Сборника» был запланирован редакцией и на 1878 г. (см., напр.: Гражданинъ. 1878. № 2. С. 52), но осуществить издание не удалось. В № 38–40 «Гражданина» от 31 декабря 1878 г. была помещена редакционная заметка, извещавшая читателей: «...пріостановка на три мѣсяца нашего изданія

¹ въ случаѣ вписано.

² Так в подлиннике.

³ тогда вписано.

⁴ На полях слева — запись: Пелагея Егоровна /Гусева/ въ деревнѣ у своей сестры, но пишетъ мнѣ чтобъ я вамъ кланялась отъ нея.

последовавшая по распоряженію г. мин<истра> внутр<еннихъ> дѣлъ и отчасти иныя неблагопріятныя въ этомъ году для насъ обстоятельства — лишили насъ возможности выдать и разослать подписчикамъ всѣ тѣ приложенія, которыя мы желали имъ предложить бесплатно» (Гражданинъ. 1878. № 38–40. С. 669).

Пелагея Егоровна /Гусева/... (с. 68, сноска 4). — Гусева Пелагея Егоровна (около 1841 — не ранее 1912) — писательница, переводчица с чешского языка, приятельница Н. П. Шаликовой. Познакомилась с Достоевским в июне 1874 г. в Эмсе [4, 499]. В 1880 г. вступила с Достоевским в переписку, прося содействия в публикации ее романа «Мачеха». Сохранились четыре письма П. Е. Гусевой к Достоевскому (НИОР РГБ. Ф. 93.П.2.140; РО ИРЛИ. № 29 688; опубликованы: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс] // Электронные научные издания: сайт кафедры русской литературы и журналистики ПетрГУ. — URL: <http://philolog.petrstu.ru/fmdost/letters.htm>) и два письма Достоевского к П. Е. Гусевой (№№ 898 и 905 в Д30).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарскій, В. [Модзалевскій, В. Л.] Шаликова, княжна Наталья Петровна / В. Гарскій [В. Л. Модзалевскій] // Русскій біографическій словарь. — Т. [22]: Чаадаевъ — Швитковъ. — С.-Петербургъ, 1905. — С. 491.
2. Дмитриев, И. И. Полное собрание стихотворений / И. И. Дмитриев. — Ленинград: Советский писатель, 1967. — 502 с.
3. Ипатова, С. А. Достоевский, Лесков и Ю. Д. Засецкая: Спор о редстокизме (Письма Ю. Д. Засецкой к Достоевскому) / С. А. Ипатова // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 16. — Санкт-Петербург: Наука, 2001. — С. 409–436.
4. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в III т. — Т. II. — Санкт-Петербург: Академический проект, 1995. — 587 с.
5. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. д-ра филол. наук В. С. Нечаевой. — Москва, 1957. — 588 с.
6. Отливанчик, А. В. Достоевский в период редактирования «Гражданина»: Даты и документы (К уточнению вопроса) / А. В. Отливанчик // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 18. — Санкт-Петербург: Наука, 2007. — С. 394–421.
7. Преступление и наказание <комментарий> / Л. Д. Опульская [и др.] // Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 7. — Ленинград: Наука, 1973. — С. 299–412.

Alexander V. Otlivanchik*(Minsk, the Republic of Belarus)*

AlexOt@yandex.ru

THE PRINCESS NATALIA SHALIKOVA IS F. M. DOSTOYEVSKY'S PEN FRIEND

Abstract: In the framework of the study of the editorial archive of the daily “Grazhdanin” (1872–1879) there has been made an attempt of the commented publication of the letters of Natalia Shalikova, writer, publicist, free-lance author of the journal “Grazhdanin”, to Fedor Dostoevsky (1815–1878). The article studies the question of the verification of the date put down on Shalikova’s letter to Dostoevsky – the 12th of April of 1877. The author’s date of the letter has been questioned twice, first by Anna Dostoevskaya who dated it of 1872, and then, by researchers of the Manuscripts Department in the National Library of Russia and by the authors of the reference book “The Description of Dostoevsky’s Manuscripts” (Moscow, 1957), who dated the letter of April 12th, 1874. The analysis of the content of Shalikova’s letter and its comparison with other archival materials shows that the author’s date of the April 12th, 1877 is correct and does not need to be specified.

Keywords: Natalia Shalikova, Anna Dostoevskaya, “Grazhdanin”, the collection of letters, chronological attribution

REFERENCES

1. Garskiy V. [Modzalevskiy V. L.] Shalikova, princess Natalya Petrovna. In: *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographic Dictionary]. Saint-Petersburg, 1905, vol. 22, p. 421. (In Russ.)
2. Dmitriev I. I. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1967. 502 p. (In Russ.)
3. Ipatova S. A. Dostoevsky, Leskov and Yu. D. Zasetskaya: A dispute on Redstokizm (Yu. D. Zasetskaya's Letters to Dostoevsky). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, vol. 16, pp. 409–436. (In Russ.)
4. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of F. M. Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995, vol. 2. 587 p. (In Russ.)
5. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [The Description of Fyodor Dostoevsky's Manuscripts]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 588 p. (In Russ.)
6. Otlivanchik A. V. Dostoevsky during his editorship in “Grazhdanin”: Dates and Documents (To Specification of a Question). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, vol. 18, pp. 394–421. (In Russ.)
7. Opol'skaya L. D. Crime and Punishment. Comment. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevskiy F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, vol. 7, pp. 299–412. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 31.05.2017

Владимир Александрович Викторovich

доктор филологических наук,
профессор Государственного
социально-гуманитарного университета
(Коломна, Российская Федерация)

VA_Viktorovich@mail.ru

ИСПЫТАНИЕ «ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ», ИЛИ ДВА УЧИТЕЛЯ ЕЛЕНА ШТАКЕНШНЕЙДЕР*

Аннотация. На материале дневников, мемуаров и переписки Е. А. Штакеншнейдер выявлен своеобразный идейный роман, сюжет которого — духовная эволюция Е. А. Штакеншнейдер от революционного радикализма П. Л. Лаврова к христианскому консерватизму Ф. М. Достоевского. Ставится проблема «учительства», духовных авторитетов для молодых поколений шестидесятых — семидесятых годов XIX века. Два «властителя дум», которые оценили нравственную красоту «умной горбуни», стали для нее учителями жизни. Она приняла оппозиционность Лаврова, увлекалась его бесцензурной поэзией, научилась «практической философии», критически размышляла о его удивительной широкости, совмещающей веру и неверие, однако духовник полковника-публициста считал «его искренним христианином». Об эстетической проницательности молодой читательницы свидетельствовал ее отзыв 1861 года о своеобразии стиля Достоевского: «естественность неестественности». Опыт «калеки» научил ее глубоко сострадать чужому горю и сорадоваться чужой радости. Испробовавшая «правду» атеизма, она с энтузиазмом восприняла «Дневник Писателя», когда наступило «время Достоевского», провозгласившего начала христианской антропологии. В статье также высказывается предположение, что Елена Андреевна Штакеншнейдер могла стать прототипом Лизы Хохлаковой в романе «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: Е. А. Штакеншнейдер, П. Л. Лавров, Ф. М. Достоевский, христианство, нигилизм, гедонизм, консерватизм, эго-документ

Елена Андреевна Штакеншнейдер (1836–1897) принадлежала к тому поколению русских людей, чья юность пришлось на эпоху Крымской войны и последовавших за нею реформ. Ее жизнь интересна нам по двум основным причинам: во-первых, она зафиксирована в собственноручном дневнике и записках¹ с исключительной честностью и литературным достоинством; во-вторых, судьба подарила этой женщине, дочери знаменитого архитектора А. А. Штакеншнейдера, знакомство со многими выдающимися деятелями той эпохи, посещавшими литературно-художественный салон ее матери (хозяйкой которого со временем стала сама Елена Андреевна). Болезнь ног и позвоночника сделала ее на всю жизнь инвалидом, однако, как известно, если Бог в одном месте убавил, то Он прибавит в другом — физический недуг обострил природный ум, наблюдательность и душевную чуткость «девушки на костылях» (см.: [3]; [4]). В своих дневниках она дает проницательные характеристики литераторам, художникам, артистам, политикам, не менее значима и зафиксированная внутренняя жизнь автора, мучительная от недоступности простого женского счастья.

С горечью ощущая себя обиженной судьбою «птицей с подрезанными крыльями» (93), «браком в жизни» (288), Елена Андреевна нашла свой способ самоутверждения: быть полезной людям. Чрезвычайно внимательная собеседница, скорее слушательница, она была способна «схватывать мысль на лету» (366), а в некоторых случаях быть духовной сестрой милосердия. Впрочем, эти качества дались ей не сразу, но долгим опытом общения и беспокойных раздумий о себе и об окружающих людях. Стиль дневниковых записей с годами меняется: саморефлексия и бытовые описания уступают место «философическим» мотивам, открывая в авторе тонкого психолога и аналитика. Ко второй половине 50-х гг. Елена Андреевна в значительной мере отошла от переживания личной безнадежности к «болению за других», да и ситуация после поражения в Крымской войне вела к беспрецедентному обострению общественных интересов, беспокойству за судьбу страны и народа. Все это отразилось в дневнике и записках Е. А. Штакеншнейдер, ценнейших из эго-документов эпохи. В настоящее время нами готовится их полное издание.

Два «властителя дум», оценив нравственную красоту «умной горбуньи», стали для нее попеременно *учителями жизни*, путеводными светилами: *Петр Лаврович Лавров* и *Федор Михайлович Достоевский*. Движение от одного к другому образовало идейный роман, оставивший след в ее дневнике, мемуарах, переписке.

Е. А. Штакеншнейдер познакомилась с П. Л. Лавровым (1823–1900) в начале 1857 года. Это знакомство положило начало глубокой, местами прерывистой духовной связи, нить которой протянулась почти через четверть века, пройдя от общественного подъема шестидесятых до кризиса семидесятых, от эпохи недолгого единства к эпохе долгого размежевания отечественной интеллигенции.

7 января 1857 года, накануне встречи, Елена Андреевна записала, что она узнала о будущем знакомом:

Лавров — артиллерийский офицер, о котором много говорят. Он автор тех двух стихотворений, которые в 1854 году ходили по рукам. Особливо одно, к «Русскому царю»; другое, к «Русскому народу», было менее распространено, потому что слишком нецензурно (146).

Таким образом, она знала эти строки, выразившие скрытый до времени яростный накал критицизма в преуспевающем ученом-офицере (с 1858 года Лавров — профессор математики Михайловской артиллерийской академии, полковник):

Проснись, мой край родной, изъеденный ворами,
Подавленный ярмом,
Позорно скованный бездушными властями,
Шпионством, ханжеством!

От сна невежества, от бреда униженья,
От лени вековой
Восстань и посмотри: везде кипит движенье,
Черед уж за тобой!
Давно гнетут тебя наследники Батыя;
Нет права для тебя...
Проснись, проснись! Восстань, несчастная Россия!
Твой бог зовет тебя...
Не в звучном пении торжественного клира
Пред ликом золотым —
В живой душе ищи глагол владыки мира,
Внимай словам живым!
Встань: ты пред идолом колена преклоняешь.
Внимаешь духу лжи,
Свободный, вечный дух ты рабством оскверняешь.
Оковы развяжи!
Восстань, свободная, пред силой незаконной,
Пред хаосом властей!
От неурядицы спасенье, оборону
Ищи в душе своей!²

Настрой будущим отношениям задал хороший знакомый Штакеншнейдеров, поэт В. Г. Бенедиктов:

Он говорит, что это <Лавров> какой-то необыкновенный, плутарховский, человек, суровый к себе, но вообще идеалист и мечтатель... (146).

Хорошо зная свою собеседницу, Бенедиктов пророчит ей (предвещая коллизию еще не написанного тургеневского «Накануне»), что когда она познакомится поближе с «необыкновенным человеком», то забудет «всех остальных» (147). И действительно, через год Елена Андреевна признаётся в симпатии к своему новому знакомому, поддержанной либерально настроенными близкими:

Может быть, я смотрю на него глазами Бенедиктова, и Ивана Карловича <Гебгардта>, и тетеньки <А. А.> Ливотовой, которые тоже превозносят его до небес. Мне так нужно кому-нибудь верить, положиться на кого-нибудь. Он, в сущности, из тех, кого я так боюсь, кого избегаю, но дело-то в том, что от него я надеюсь получить ответы на мучающие меня вопросы (170).

Очевидно, ответы вскоре были получены. Беседы с «мечтателем» и апологом социальной справедливости явно отозвались в дневниковой записи 2 февраля 1858 года:

Я была за границей, видела цивилизацию, приобретенную посредством прогресса, т. е. посредством шествования вперед по тому пути, по которому с таким спехом хотят гнать и нас, но блага, отсутствия голодных, холодных и обиженных — не видала. <...>

Цивилизация, которую нам навязывают, дала за границей *комфорт* для немногих, а не *благо* для всех (173).

Нетрудно разглядеть в этих переживаниях основную идею жизни П. Л. Лаврова.

Знакомство с публицистикой старшего друга отразилось частично в дневнике Е. А. Штакеншнейдер. Так, 27 апреля 1858 года она записывает: «Читала статью Лаврова о *воспитании*, жаль, что не все теории исполнимы» (205). Очевидно, Елена Андреевна имела в виду статью «Несколько мыслей о системе общего умственного поколения молодых людей» («Библиотека для чтения», 1858. № 2), где предложено было основывать воспитание «независимо от существующей организации школ» на трех принципах: «умозрительном, наблюдательном и историческом». Отметим все же критический взгляд читателя-единомышленника.

Запись, сделанная днем раньше, 26 апреля 1858 года, также отражает начавшийся идейный диалог с Лавровым: «...кончила “Жирондистов” и не влюбилась в революцию» (204). Дело в том, что «Историю жирондистов» Ламартина Штакеншнейдер читала по настоятельной рекомендации «плутарховского человека», как свидетельствует запись от 10 апреля того же года:

Лавров говорит, что когда его сыну минет четырнадцать лет, то он даст ему читать этих «Жирондистов» Ламартина, для того, чтобы он влюбился в революцию (199).

Вместе с тем наблюдательный и независимый ум замечает, что «революционность» Лаврова³ в корне отлична от характерной озлобленности либеральных «крикунов» типа Н. С. Курочкина, И. К. Гебгардта:

Их озлобление называется протестом, и ему вторят, и его поощряют. Я не знаю, оттого ли они озлоблены, что несчастны, или оттого несчастны, что озлоблены (207).

Оппозиционность Лаврова держится не на эмоциях, она вытекает из строго логических, последовательных умозаключений:

...формы жизни человечества, политические, общественные, семейные, уж устарели и не годятся, в настоящее время уже и обречены погибнуть, <...> он это утверждает не с иронией, не со злобой, не глумясь и кощунствуя, а совершенно спокойно, как нечто непреложное и неизбежное, как смерть, например (199).

Эта спокойная уверенность радикала сильно действует на мятущийся ум:

...чувствую, что наступит скоро время, когда забуду анализировать и смотреть под ноги и, очертя голову, пойду за ним, куда он поведет (180),

заставляет предпочесть его даже на фоне самых знаменитых либералов:

Мне как-то чувствуется, что у Лаврова есть идеал, может быть, грозный и беспощадный, но есть; у других же, в том числе и у <И. С.> Тургенева, — никакого (199).

Елена Андреевна увлекалась и бесцензурной поэзией Лаврова. 15 мая 1858 года она сообщила, что выучила наизусть стихотворение «Новому царю», посвященное дню коронации Александра II 26 августа 1856 года, и особо выписывает из него призыв к освобождению крестьян (209). Это то самое стихотворение, о котором впоследствии (8 января 1867 года) военный министр сообщит министру внутренних дел: «...в дерзких выражениях осуждается торжество коронации и возбуждается неуважение к священной особе его императорского величества» [13, 308].

Уже в стихотворении 1854 года «Русскому народу», частично процитированном выше, резко обозначился антиклерикальный настрой поэта-публициста. В позднейшей автобиографии (1885) Лавров следующим образом, в третьем лице, свидетельствует об этой стороне своего мировоззрения:

Он признает зародышную или патологическую область религиозного мышления, не отрицая его важной роли в истории как всякого зародышного фазиса в эволюции зрелых форм. <...> цивилизация нового времени есть по своей существенной характеристике цивилизация светская, стремящаяся выделить из себя всякий религиозный элемент, который окончательно и должен из нее исчезнуть [8, 534–535].

Теперь представим, что на пути автора этих строк встретилось юное создание, еще недавно каждодневно с упоением читавшее Четьи-Минеи. Результат этой встречи (поддержанный скептическим духом эпохи) мы видим в записи Елены Андреевны от 2 февраля 1858 года:

...соборы строились не для удобства человеку, а во славу Бога. Не по другому ли пути мы идем теперь? Не на том ли, прежнем, который привел к соборам во славу Бога, — лежит наша Мекка? (173)

Сомнение осталось неразрешенным, а вскоре девушку посещает другое, гораздо дальше идущее сомнение. Она описывает впечатление от картины И. К. Айвазовского «Гибель корабля “Лефорт”»:

Сверху идет в море луч света, и в этом луче стоит Спаситель и принимает души утопленников, которые поднимаются и несутся к нему. Страшно смотреть на эту картину. Но не она собственно страшна, а то, что ее породило.

Айвазовский всею мощью своего таланта не передаст ужаса действительности. Глядя на его картину, только подумаешь: а если Спаситель не приходил? И вот тогда-то предстанет не картина, а действительность во всем ужасе; без светлого луча, без Божества... (182–183).

Так и кажется, что Елена Андреевна цитирует одного из героев Достоевского, впрочем, еще не явившегося на свет. Айвазовский ее уже не удовлетворяет, она как будто в ожидании художника, который смог бы «всею мощью таланта» выразить ужас действительности «без Божества». А что мог Петр Лаврович?

15 апреля того же 1858 года, собираясь к Лавровым, Е. А. Штакеншнейдер «хотела отвезти <...> отрывки из “Таинственной Капли”», мистической поэмы Ф. Н. Глинки, которою сама еще недавно была увлечена, но что-то ее остановило: «...перечитав их сейчас, думаю, что и хорошо, что не удалось этого сделать: Глинку там подняли бы на смех» (201). Сама Елена Андреевна объясняла произошедшую в ней перемену разницей между текстом, слушаемым во вдохновенном исполнении автора, и текстом, читаемом собственными глазами. Думается, однако, что причина была не только в этом. Интересно, что, резонно опасаясь иронической реакции просвещенной аудитории на религиозную поэзию, Елена Андреевна все же делала различия между Лавровым и его друзьями:

Нет, я эти отрывки покажу Лаврову, когда он будет у нас, но на съедение его Зотовым и Кеневичам, да и нашим Курочкиным их не дам (201).

Как видим, Елена Андреевна рассчитывает на понимание своей «остаточной» религиозности и, очевидно, не без основания.

В записи от 27 октября 1859 года девушка размышляет об удивительной широкости своего учителя: «...бывают минуты, когда он обратно противоположен» (240). Так, он «считается неверующим» и не опровергает этого мнения, однако священник, официальный духовник полковника-публициста, «считает его искренним христианином»:

Лавров исповедывался у него, и исповедывался долго и с умилением. Наконец, кончил, и священник взялся уже за епитрахиль, <...> как этот кающийся вдруг поднял голову, встал с колен и снова начал каяться, он вспомнил еще какой-то грех свой (241).

Возможность рисовки или обмана со стороны Лаврова Штакеншнейдер категорически отвергает: «Вот так-то глубока и таинственна и неуловима душа человеческая» (241). «Теперь принято не верить в Бога и его промысл», — предвещает автор дневника свой рассказ, но по поводу Лаврова, ставшего «революционером и жестоким отрицателем всего» «для пользы человечества»

путем теоретических выкладок, делает замечательную оговорку: он «мог прийти к такому выводу и убеждению вопреки своим склонностям» (240).

Очевидно, ум с сердцем не в ладу и у самой ученицы, и долго еще ей придется подчинять второе первому. Через десять лет, встретив друга юности Н. О. Осипова, она любопытствует в характерном духе:

Еще хочется мне узнать, как относится он к вопросам о религии. Хочется знать, верит ли он еще, *повинуясь влечению и потребностям своего сердца*, или *честный ум* его восторжествовал и тут, и он, во имя истины, отказался от этого утешения и этой опоры (курсив мой. — В. В.) (47–48).

В декабре 1870 года Лавров шлет Штакеншнейдер «из осажденного Парижа» стихотворение «Рождество Христово», явно рассчитывая на сочувствие своей корреспондентки:

Любви и правды от Мессии
Народы перестали ждать,
Бессильны полчища святые
Земное зло уврачевать.

<...>

Встань, человек, ты мертвый идол
Своей любовью оживил,
Ему свою ты силу придал,
Себя в Христе ты воплотил.

<...>

Сам для себя будь божеством!⁴

Стихи, надо сказать, опоздали: их читательница к тому времени уже не разделяла пафос автора. Однако об этом чуть позже.

«Практическая философия», которую тщательно выстраивал Лавров, с оглядкой на европейские авторитеты позитивистской и социалистической мысли, была *новой этикой*. Ее целью было освободить личность «от каких бы то ни было метафизических теорий» [10, 353]. Лавровский «Очерк теории личности», напечатанный в 1859 году в «Отечественных записках» (№ 11, 12) и в 1860 году вышедший отдельным изданием под заглавием «Очерки вопросов практической философии. 1. Личность», давал систематическое изложение основ безрелигиозной морали. Хотя Лавров, для отвода глаз духовной цензуры, заявлял: «Религия как источник нравственности вне плана нашего сочинения» [10, 394] — но было понятно, что религия — вне плана самого образа мыслей автора. Его вопрос, заданный по поводу кантовской этики, ныне, в исторической перспективе, мог бы быть обращен к фундаментальным основаниям нравственной философии автора «Братьев Карамазовых»:

Неужели справедливо, что начало нравственности человека и общества обусловливается метафизическими убеждениями и скептик в метафизике не может иметь твердых убеждений относительно прав и обязанностей? [10, 373]

Лавров давал категорический и как бы сам собою разумеющийся ответ: не обусловливается и — да, может... Вопрос, по его мнению, лишь в уровне развития личности, достигнув который, она сможет, наконец, «правильно судить» о своих истинных потребностях. Из этих последних Лавров выделял четыре основополагающие: «достоинство, развитие, критические убеждения и справедливость». «Для развитого человека, — уверял философ-публицист, — они так же определены и обязательны, как понятия геометрии...» [8, 538]. В известном романе Достоевского, и тоже от «развитого человека», слышим: «...да ведь тут арифметика!»⁵ За полтора года до «Преступления и Наказания» Е. А. Штакеншнейдер делает запись в дневнике, подтверждающую, что решительный для теории Раскольникова эпизод (где и была произнесена процитированная фраза) выявил «самые обыкновенные и самые частые <...> молодые разговоры и мысли». Вот как это выглядит в опережающей записи Елены Андреевны от 17 августа 1864 года:

Вчера <...> опять спорили, на этот раз о неизбежности преступления. Мы, т. е. Аля, Бертельс и я, утверждали, и будем, вероятно, всегда утверждать, что знание — единственное спасение (335).

Никакой Божественной санкции не требовалось для этики нового рационализма, она легко и просто заменялась отсылкой к гедонистически истолкованной *природе* человека:

Прирождено человеку лишь стремление к наслаждению, и, в числе наслаждений, развитый человек вырабатывает наслаждение нравственной жизнью и ставит это на высшую ступень в иерархии наслаждений [8, 537].

Все дело оказывалось «лишь» в этой самой иерархии, положенной затем в основание и так называемой теории разумного эгоизма Н. Г. Чернышевского. Последний одобрительно-покровительственно откликнулся на «практическую философию» Лаврова, подчистив в ней некоторые идейные и стилистические погрешности и указав на первоисточник новых воззрений в «немецкой философии», подразумевая, конечно, Л. Фейербаха [18]. И Лаврова, и Чернышевского объединяет победительный для молодых умов пафос простых решений, причем последний, безусловно, идет дальше. Е. А. Штакеншнейдер в своих записях отдает предпочтение Лаврову, обнаруживая у Чернышевского раздражающий ее «недостаток познаний», прикрытый юмором нахальным и тяжелым (282). Разница во взглядах у Лаврова и Чернышевского, по существу, скорее тактического свойства (потому и пренебрегаемая самим Лавровым), однако для Елены Андреевны стиль

не был делом второстепенным. Так, на пике собственного «нигилизма», 8 апреля 1862 года она не преминула заметить, что революционные прокламации «написаны плохо»⁶. По этой причине ей даже трудно сдерживать раздражение: «Не досадно ли, что ничего не удастся, точно заколдованы мы...» (308). Впоследствии, по прочтении «Что делать?» («Я этим романом наэлектризована»), Елена Андреевна переменит отношение к автору, признав за ним «высоконравственное направление» (322).

Раздражение Штакеншнейдер на малокультурность и «короткомыслие» обретенных соратников еще не раз вырвется наружу. 15 октября 1862 года она критически оценит либеральный багаж «тетеньки Ливотовой»:

Цивилизация для нее идеал. Прогресс, гуманность, свобода, равенство, братство — связанные слова. Сама она добра, сердечна и великодушна, оттого и верит в них, — а я читаю ужасно много, и смею думать, что многое понимаю, с помощью разговоров, к которым прислушиваюсь, но, впрочем, — Лавров и компания сами виноваты. Они все проповедывают скептицизм, и вот — я скептически отношусь ко многому, даже к ним самим (342).

В записи от 4 декабря 1864 года подвергается нелицеприятной критике торопливая эмансипаторша Л. П. Шелгунова:

...я или не поняла или не добилась толку, во имя чего она разрушала; что всякое разрушение законно, благородно, это никогда так не чувствовалось, как в то время, и оттого, может быть, так мало спрашивалось: за что? Всякое разрушение, отрицание в то время доставляло такое же наслаждение, какое доставляет томимому жаждой *первый* глоток воды. Связанное общество до того истомилось, лежа без языка и движения, что готово было все поломать, лишь бы хватило смелости; готово было признать своего в каждом разрушителе, лишь бы только явился таковой.

Меня потому берет раздумье насчет Шелгуновой, что михайловская прокламация неглубока, слишком неглубока. В ней как-то больше желания *руку правую потешить*, чем высказать истину (344).

Елена Андреевна таким образом оценила известную прокламацию «К молодому поколению», за распространение которой М. Л. Михайлов, вероятный соавтор Н. В. Шелгунова⁷, был отправлен на каторгу.

В записи от 3 ноября 1869 года в жгучей смеси сочувствия и раздражения уже явно перевешивает второе:

Моя молитва не услышана. Я молилась о том, чтобы не истребилось племя нигилистов, — оно истребляется, вернее сказать, вырождается.

Вчера я их видела.

У Надежды Васильевны Стасовой было собрание <...> по устройству женских курсов. Несостоятельность, односторонность взгляда, непонимание, даже <...> нечестность!

И все это, как мне кажется, из одного источника — из невежества.

Покровский определяет нигилиста по особому, ему только, т. е. нигилисту, принадлежащему методу мышления. Он говорит, что нигилист никогда не исчерпывает предмета, берет его, как он ему видится, — в крайней прозе: есть ли что за ним, нигилисту нет дела; существование всего, что заходит за его горизонт, он отрицает, а горизонт его невелик, чуткости у нигилиста никакой (405–406).

Упоминание М. П. Покровского здесь особо значимо: недавний вожак протестующего студенчества с конца шестидесятых, вернувшись из ссылки, становится горячим почитателем Достоевского и в этом своем качестве он сыграет для Елены Андреевны роль проводника на пути от Лаврова к Достоевскому, откроет ей те самые широкие «горизонты», которых ей так не хватало:

Не Покровский ли и меня научил поклоняться Достоевскому, так сказать, открыл мне его, и в его произведениях открывал такие горизонты, которые без него были бы для меня совершенно недоступными? (461)

Не лишним будет отметить, что и в эпоху своей «левизны» Покровский все же не был оголтелым радикалом. Так, осенью 1861 года он остановил намечавшуюся студенческую сходку у Казанского собора и тем самым предотвратил «неминуемое кровавое столкновение»⁸, а затем наотрез отказался поддержать проект террористического захвата наследника престола в качестве заложника. Возвращаясь к 1869 году, отметим, что в дневниковой записи от 19 ноября Елена Андреевна сокрушается о перерождении убеждений М. П. Покровского и нынешнего сотрудника «Московских ведомостей» Л. Н. Антропова, но и собственную веру она уже подвергает первому сомнению:

Они оба катковисты.

Как немногие остались верными преданьям юности. Но, может быть, вступив в жизнь, окунувшись, так сказать в нее, и нельзя им оставаться вполне, абсолютно верным, а это только могут такие, как я, стоящие вне жизни (408).

Елена Андреевна оказалась неправа: ее собственное перерождение убеждений было не за горами. Впоследствии, набрасывая мемуарный очерк «П. Л. Лавров», она попыталась осмыслить годы, прошедшие под воздействием Лаврова, и пришла к выводу, что секрет его влияния во многом заключался в обаянии личности:

...богатство познаний, катоновская честность воззрений, примененная к общественным и политическим обстоятельствам того времени, и <...> бесстрашие (363).

Рассказывая о популярности его публичных лекций («Три беседы о современном значении философии» в зале петербургского Пассажа в ноябре 1860 года), Елена Андреевна заметила:

Он был поистине героем дня в то время, а для меня каким-то апостолом новой веры, веры — разрушения. <...> Он говорил: «разрушайте; весь строй существующей жизни должен быть разрушен; и государство, и церковь, и семья — все это должно пасть и исчезнуть; и каждый честный человек обязан всеми силами способствовать их падению. Мы все, ныне живущие люди, разрушители, не созидатели, помните это. Созидать не наше дело, а будущих поколений. И что они построят, — мы не знаем; это также не наше дело. Мы должны им только расчищать место» (364).

На протяжении шестидесятих годов такая позиция удовлетворяла Елену Андреевну, новое же десятилетие принесло новые запросы, вербальная «чистка» через отрицание «всего строя» потеряла былую привлекательность, а коммунарные эксперименты в духе «Что делать?» Чернышевского сошли на нет. Хотелось чего-то большего. И тогда новым, ярким, хотя недолгим светом в последний раз вспыхнула звезда «практического философа».

В 1868–1869 гг. ссыльный Лавров под прозрачным псевдонимом «П. Миртов» печатает в газете «Неделя» публицистический цикл «Исторические письма» (отдельное издание — СПб., 1870). Воздействие книги на радикально настроенную молодежь было потрясающим: «...падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватившего нас безмерной жадой жить для благородных идей и умереть за них»⁹. Окончательно оформлялась этическая максима русской интеллигенции — долг перед народом. Одна из четырех фундаментальных «потребностей развитого человека» — *социальная справедливость* — выходила на первый план. Лавров не оставлял «цивилизованному меньшинству» ни малейшей возможности и дальше ждать улучшений «сложения руки» «в виду постоянно страждущего большинства»: «...а вы сами, зрячие среди слепых, здоровые среди больных, что вы сделали, чтобы содействовать прогрессу?» [9, 93–94, 111]. Своим этическим зарядом поставленный так вопрос со всей очевидностью подводил к дилемме того же Раскольникова из романа двухлетней давности:

Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь, или <...> послушно принять судьбу, как она есть...¹⁰.

Читал ли Лавров «Преступление и Наказание» и мог ли знать о том, что повторял ход мысли и чувства идейного убийцы? Вряд ли. Чего не скажешь о Е. А. Штакеншнейдер: чтение Достоевского для нее становилось в эти же

годы величайшей потребностью. Разные читательские предпочтения обозначали и разные векторы развития.

Автор «Исторических писем» в своих практических выводах и рекомендациях опять же чем-то напоминает упомянутого героя Достоевского:

Когда критически мыслящее меньшинство повторяет свои требования реформ, оно встречает неодолимые препятствия. Все остается как есть, пока <...> недовольные не сознают, что путь мирных реформ для общества невозможен. Тогда отжившие формы разрушаются, но уже не путем мирных законодательных реформ, а путем насильственной революции, которая фактически в историческом процессе оказывается большею частью несравненно более обыкновенным орудием общественного прогресса, чем радикальная реформа в законодательстве мирным путем. <...> Бедствия революций известны всем. Огромное количество страданий, ими вызываемых <...> делает их всегда весьма печальным средством исторического прогресса. Но так как он большею частью невозможен иным путем при серьезных общественных неудобствах и так как иногда даже прямой расчет доказывает, что хронические страдания масс при сохранении прежнего строя иногда далеко превосходят все вероятные страдания в случае революции, то приходится самым мирным, но искренним реформаторам обращаться в революционеров [9, 92].

Судя по всему, в последнем предложении Лавров имел в виду и самого себя. Когда-то, в 1857 году, в направленном А. И. Герцену «Письме к издателю» он заявил о своей вере «в возможность преобразования и совершенствования России, не страшным переворотом, <...> но примирением прошедшего с будущим» [11, 111]. Впоследствии Лавров признал это своей «крупной ошибкой» [8, 548], однако именно тогдашняя «мягкотелость» привлекала к нему симпатии Е. А. Штакеншнейдер. В дневниковой записи 26 января 1860 года она следующим образом оспаривает более брутальный радикализм Чернышевского:

...надо уничтожить все старые порядки, <...> и на пустом месте построить новый храм, храм всеобщего блага. Но ведь в этот новый храм войдут люди и внесут с собой все свои присущие им страсти: и зависть, и жадность, и честолюбие, и самолюбие и прочее, и прочее. Что же станет тогда с благом? Чем созидать новый храм и ради него все уничтожать, не лучше ли и не проще ли прежде приготовить себя для будущего блага этого? Вглядеться каждому в себя и, чем разрушать все окружающее, — разрушать свои страсти, себя совершенствовать, тогда благо водворится и само собой, и храма не будет нужно. Но к этому все глухи. Дух разрушения обуял, и носители его считаются пророками и апостолами, и им разрешается лгать во имя этого духа.

И Лавров такой апостол, но он поэт, не бурсак и, говорят, истеричный человек, у него это выходит не так жестко (283–284).

Петр Лаврович тем не менее старался идти в ногу со временем и культивировал в себе «человека железной воли»¹¹ (таким его увидел Г. А. Лопатин, но, на взгляд И. С. Тургенева, он был «голубь, который всячески старается выдать себя за ястреба»¹²).

Елена Андреевна знала, разумеется, что ее старший друг все более и более склоняется к идее «народного восстания»¹³, сама же она, как очевидно, не захотела идти за ним в эту сторону. Их переписка 1870–1873 гг. однозначно свидетельствует о необратимо углубляющемся идейном отчуждении. Дошло немалое количество писем П. Л. Лаврова-эмигранта и не найдены пока письма Е. А. Штакеншнейдер, однако ее реплики можно реконструировать по ответным посланиям.

Сделав несколько попыток перетянуть адресата на свою сторону, научить «всматриваться глубже в ход истории и не пугаться некоторого количества крови и гноя, которые текут под ее ланцетом из ран человечества»¹⁴, Лавров расписывается в своем бессилии перед окрепшим скептицизмом бывшей ученицы:

Можно укрепить знание, но веру укрепить нельзя; поэтому, если вы потеряли веру в самую возможность лучшего строя общества, достигнутого путем бесчисленных жертв и кровавых потрясений, то я не в состоянии укрепить этой веры¹⁵.

Тем не менее революционер-математик приводит знакомый нам уже «арифметический» аргумент:

Много жертв! Знаете ли, дорогой мой друг, что этот ужас перед мертвыми, перед падающими при театральной обстановке битв, убийств, резни и казней, есть в значительной мере иллюзия. Возьмите статистические данные за десять лет, среди которых в продолжение небольшого кусочка времени совершились самые кровавые революции и сравните с таблицами смертности за десять лет, когда революций совсем не было. Вы увидите, что среднее число выбывших одно и то же¹⁶.

Математик Лавров оказал здесь услугу Лаврову-революционеру, однако в глазах Елены Андреевны он все более представлялся сугубо «теоретической головой» (381).

Переписка Лаврова и Штакеншнейдер 1870–1873 гг. однозначно свидетельствует о необратимо углубляющемся идейном отчуждении. В 1871 году, сев за воспоминания о Лаврове, Елена Андреевна подвела своеобразный итог прошедшему:

...я сделалась восторженной поклонницей Лаврова. Стала смотреть на вещи его глазами, повторять его слова, любить, что он любил, ненавидеть, что он ненавидел, одним словом, стала превращаться в нигилистку, хотя этого слова еще и не существовало в то время... Только теперь, в 1871 году, я начинаю

несколько одумываться и приходить в себя или выходить из себя, я уже и сама не знаю, но какая-то внутренняя работа началась... (362).

Интересно, что в том же 1871 году близкий друг Елены Андреевны поэт Я. П. Полонский пишет стихотворение «Что с ней?». Нарисованный здесь портрет молодой искательницы истины довольно типичен для эпохи, но местами так и кажется, что списан с Е. А. Штакеншнейдер:

Когда из пелен порывалась она,
Молилась и жарко мечтала,
Растленная жизнь, зла и грязи полна,
Ей раны свои обнажала.

<...>

И дух отрицанья ее посетил,
Он понял, какая в ней сила;
Он юную душу настолько пленил,
Насколько душа та — изныла;
Науку, семью, государство, права,
Религию, гений, искусство, —
Всё, всё превратил он в пустые слова,
Насилюя разум и чувство¹⁷.

Есть в стихотворении, как нам представляется, и прямой намек на П. Л. Лаврова, в то время уже политэмигранта, обременявшего Елену Андреевну бесчисленными просьбами о помощи:

И тот, кто взял дань с ее сердца, и тот
Пошел уж другою дорогой,
Ей бросивши на руки много забот
И грудь познакомив с тревогой...

Выход, предлагаемый автором — в смене авторитетов:

Ожесточенная — вряд ли поймет,
Что в бездне людских заблуждений
Лишь только поэт искры сердца найдет,
А искры ума — только гений¹⁸.

Слова оказались пророческими: именно «поэт» (Полонский) и «гений» (Достоевский) выводили нашу героиню из «бездны заблуждений».

Очевидно, на стадии новой «внутренней работы» и произошло сближение Е. А. Штакеншнейдер с Ф. М. Достоевским. Знакомство их берет начало еще с 1860 года, когда вернувшийся с каторги и ссылки писатель стал посещать салон Штакеншнейдеров [6]; [7]; [16, 73–83]. На протяжении всего последующего десятилетия, так сказать, «лавровского», Елена Андреевна

осторожно приглядывалась к автору «Записок из Мертвого дома». Его каторжное прошлое вызывает немалое сочувствие, и до удивления поражает своей необычностью Достоевский-художник, что отразилось в письме к Я. П. Полонскому от 2 июля 1861 года:

Вышел конец четвертой части «Униженных и оскорбленных». Ну уж, Яков Петрович, оно увлекательно-то увлекательно, да так только странно, в особенности встреча Наташи с Катей. Ну что это за Наташа, что это за Катя, такие прелести. Но скажите по совести, Вы, гуляя по свету и заглядывая во все углы, встречали ли что-нибудь подобное? Верно, нет? Еще Наташа может быть, а Катя уж нет да нет, да и Алеша нет. Ведь в Достоевском что дорого — это естественность неестественности, это обыденность разговора, слога. Он создал сам себе, не по образу Божию, а по своему собственному образу, человечков и видит, и мы все видим, что они в самом деле человечки, хоть и не похожи на нас (цит. по: [14, 255]).

Эстетическая чуткость молодой читательницы («естественность неестественности»!) превысила все критические разборки романа, отсюда понятно, почему Полонский счел нужным сообщить Достоевскому суждение своей корреспондентки (и, возможно, уже тогда писатель отметил ее в своей памяти). Укажем попутно на интерес Елены Андреевны именно к «мученице» Наташе, а не к счастливым героям романа.

В то же время «почвенная» публицистика Достоевского не произвела никакого впечатления на «лавристку»: журнал братьев Достоевских «Время» в дневниковой записи 30 мая 1863 года она аттестует как «бледный, не высказанный журнал, добродушный и туповатый» (332). Последовавшие затем романы Достоевского «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы» печатаются в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник», и этим обстоятельством, очевидно, было предопределено ее настороженное отношение к автору, как, впрочем, и у других представителей «прогрессивного» молодого поколения. Так, в 1869 году она дважды, в дневнике и в записках, определяет свое отношение к знакомым исходя из универсальной мерки: не «катковисты» ли они, упаси Бог (47, 408). Любопытно, что уже через два года Лавров ей самой вменяет в вину то же обстоятельство: «Мне грустно думать, что Вы там жмете руку сотруднику, наемнику и хвалителю Каткова, певца реакции...»¹⁹.

Как уже было сказано, интерес к Достоевскому пробудил у Елены Андреевны М. П. Покровский, недавний «нигилист», а в начале семидесятых «большой поклонник» писателя (455). Столь резкий поворот многих молодых читателей (Елена Андреевна описывала, сколь одиноким изначально выглядел Достоевский в компании молодежи, посещавшей Штакеншнейдеров в шестидесятые годы — 434) приводил в недоумение и саму мемуаристку:

Не могу себе этого разъяснить. Может быть, общество, выйдя на путь цивилизации и прогресса, еще было сыто тогда и имело еще при себе большой

запас духовного хлеба. А пройдя двадцатилетний путь и в 70-х годах очутившись в пустыне и без хлеба, взалкало (454).

«Хлеба» она уже не ожидает от Лаврова, его потеснил иной учитель. Новое впечатление от общения с Ф. М. Достоевским Елена Андреевна отказывается определять светским словом «очарование», предлагая более точное: «Он как-то скорее околдовал, лишил покоя» (457). В подтверждение мемуаристка припоминает характерный эпизод:

Говорили, вероятно, о какой-нибудь злобе дня, но он в предмет углубился, обобщил его и нарисовал такую поразительную и так мастерски картину настоящего и истекающего из него будущего, — дело было в начале 70-х годов, — и так зловеще осветил ее, что все были потрясены, и, как потом оказалось, ни я, ни Покровский, ни бывший при этом Загуляев всю ночь не сомкнули глаз (457–458).

Точно уловлен тревожно-будирующий эффект публицистики Достоевского (устной или письменной, не имеет значения), ведущей слушателя (читателя) от видимой «злобы дня» к незримому «будущему». Таковы, несомненно, его выступления в «Гражданине» 1873–1874 гг., особенно под рубриками «Дневник Писателя», «Иностранные события». В частности, как будто начитавшись Лаврова, Достоевский определял сущность надвигающейся революции как «мечту о справедливости, основанной единственно на законах разума» и на «полнейшей независимости от религии»²⁰. События в Европе последнего времени наводят Достоевского на пророчества о несомненной грядущей победе таковой революции. «Новый дух придет, новое общество *несомненно* восторжествует — как *единственное* несущее новую, положительную идею...»²¹. Вспомним, что и Лавров пророчил тогда же неизбежную победу революции в целях справедливости, однако Достоевский не мог не поразить Елену Андреевну профетизмом иного толка, эсхатологией грядущих перемен: «Мир спасется уже после посещения его злым духом... А злой дух близко: наши дети, может быть, узрят его...»²². Было от чего «не сомкнуть глаз» Е. А. Штакеншнейдер и ее друзьям!

В дневнике Елены Андреевны появляются удивительно тонкие и емкие оценки творчества писателя, продолжающие тему «естественной неестественности». В числе немногих современников она глубоко проникает и в нюансы его сложной личности, женским пытливым зрением видя за преходящей раздражительностью безмерную сердечную доброту. От нее не скрыт парадокс божественного огня в оболочке обывателя: «И вот этот мещанин — глубочайший мыслитель и гениальный писатель» (438). Замечательно, что теперь, в резком отличии от предыдущих лет, Елена Андреевна в большей степени ценит значение Достоевского как публициста, учителя жизни, нежели как художника. Теперь уже не Лавров, а Достоевский, как полагает недавняя «нигилистка», может «указать путь к правде». Формулируя кратко

произошедшую в ней перемену, можно сказать, что энергия протеста, возбужденная Лавровым, переродилась в энергию смирения перед жизнью как созданием Божиим. О «силе смирения» говорит Достоевский в главе «Влас» «Дневника Писателя» 1873 года. И вполне закономерно опровергает главный «пунктик» «практической философии» Лаврова и его единомышленников — аксиому о гедонизме человеческой природы. Начала иной, по существу христианской, антропологии открыто и, учитывая контекст эпохи, мужественно были провозглашены Достоевским в одной фразе, вызвавшей буквально шквал насмешек либеральной журналистики: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания...»²³.

Очевидно, не такой простой была эта смена вех от идеи наслаждения к идее страдания. Елена Штакеншнейдер прошла путь Иова, как и ее второй учитель, и не только в общественной ипостаси: опыт «калеки» научил ее глубоко сострадать чужому горю и сорадоваться чужой радости. «Практическая философия» Лаврова как будто бы учила тому же, однако гедонистическая простота позитивной антропологии оставляла в душе пустоту, которую нечем было заполнить. Это был тупик, в который зашел герой «Приговора» («Дневник Писателя» 1876 г., октябрь):

Для чего устраиваться и употреблять столько стараний устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно-праведно? <...> Всё, что мне могли бы ответить, это «чтоб получить наслаждение». Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. <...> не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля²⁴.

Впрочем, подобное же ощущение временами посещало и Лаврова. Одной только Елене Андреевне мог он признаться в минутах «слабости», как, например, в письме от 18/30 октября 1872 года:

Если бы я не очень уж выработал в себе скептицизм и умственную критику, я совершенно уверен, что стал бы теперь спиритистом и был бы гораздо более счастлив и доволен, чем теперь. Но и для этого нельзя уступать единственного достоинства человека — трезвой мысли. А признаюсь, иногда хотелось бы. Я совершенно понимаю теперь то состояние духа, в котором люди весьма недюжинные могут свернуть с этого пути. Когда я разбираю то, что я чувствовал, думал или делал эти 1½ месяца, то сознаю, что поступал в значительной доле так, как надо бы поступать, если бы я верил в бессмертных духов или душ, видящих нас, слушающих нас и могущих быть довольными или недовольными тем, что мы делаем, могущих страдать или радоваться. А я очень хорошо знаю, что некому быть довольным или недовольным, опасаться или радоваться; знаю, что это я сам с собою наедине балуюсь. Но поступаю, будто бы знал иное или верил в иное. И понимаю, что для многих может быть совершенно неизбежна эта вера. Понимаю, что

многие могут видеть, слышать, сообщаться с фантастическими образами и наслаждаться этим. Было бы много наслаждения в полной иллюзии, но она недостойна человека... Впрочем, перестаю. Вы не можете себе представить, как меня волнуют, раздражают эти немногие строки, которые я пишу Вам одной, пишу намеками, и которые так хочется писать. Но к чему? надо отвыкать... Долго еще меня будут посещать призраки, но они побледнеют, я знаю; таков закон природы...²⁵.

В обратном (что «призраки» не отстанут) убеждена была испробовавшая на себе «правду» атеизма корреспондентка этого исповедального послания русского революционера. Именно теперь, в растерянные семидесятые, а не в энтузиастические шестидесятые годы наступило время *Достоевского*. По мнению Е. А. Штакеншнейдер, решающую роль здесь сыграл «Дневник Писателя» 1876–1877 гг.:

«Дневник Писателя» сделал его имя известным всей России, сделал его учителем и кумиром молодежи, да и не одной молодежи, а всех мучимых вопросами, которые Гейне назвал проклятыми. <...>

И ведь началась его слава <...>, когда стал он издавать «Дневник Писателя». Каторга же и его прочие произведения только усиливают ее, но не они ее причиной (434).

Наблюдение Елены Андреевны можно подтвердить суждениями других современников и в особенности современниц Достоевского. Так, Х. Д. Алчевская признавалась: «...когда появился в свет его “Дневник Писателя”, он вдруг сделался как-то особенно близок и дорог мне. Кроме даровитого автора художественных произведений, передо мною вырос человек с чутким сердцем, с отзывчивой душой...» [17, 325].

Далеко не все были согласны с такой оценкой. Как писала Е. А. Штакеншнейдер: «Утешающий одних и раздражающий других» (456). Среди последних был, например, популярный публицист Е. Л. Марков, «любимец либерального Петербурга, его пророк и глашатай его истин» [14, 264], как его называет Штакеншнейдер в письме к Достоевскому от 23 мая 1879 года. Рассуждения Маркова о пессимизме Достоевского в статье «Романист-психиатр» [12] вызывает ироническую реплику Елены Андреевны: «...разве он не мнит, что постиг Вас? И как бойко он все решил, распределил и подвел итоги. А редактор объявил, что у Вас мрачное настроение. И оба не сомневаются, что это правда, что настроение мрачное» [14, 264]. Сама Елена Андреевна читает Достоевского иначе: сравнивая его с другими «певцами униженных и оскорбленных» Диккенсом и Сю, она замечает по поводу Лизаветы Смердящей: «...как ни искажен в ней лик человеческий, все же он в ней есть...» (464).

«Раздраженные» Достоевским прочитывали в его христианской проповеди пропаганду политического конформизма или, в лучшем случае, наивное

прожектерство. Так, и газетно-журнальная реакция на «Пушкинскую речь» не удивила ее автора: «...и трус то я, и Манилов»²⁶. В ответ одному из оппонентов, А. Д. Градовскому, поучавшему, что «общественное совершенствование» «не может быть произведено только работой “над собою” и “смирением себя”»²⁷, Достоевский пишет третью главу «Дневника Писателя» за 1880 год. «Личное самосовершенствование, — еще более заостряет он свою мысль, — объемлет, зиждет и сохраняет организм национальности, и только оно одно»²⁸. В письме к Е. А. Штакеншнейдер от 17 июля 1880 года он сообщает: «...решил отвечать Градовскому, то есть не столько Градовскому, сколько написать весь *наш* profession de foi на всю Россию»²⁹. Замечательно здесь курсивное *наш* (в этом же письме: «Я Вас люблю, и Вы это знаете»³⁰). Достоевский имел на это полное право: «Пушкинская речь» вызвала у его корреспондентки воодушевление «политическое» и при этом глубоко личное. В письме Достоевскому от 19 июня 1880 года она так оценивает это событие: «И не великому поэту одному указали Вы его высокое место, Вы указали его и для России, подняли наш угнетенный дух <...> Ваши слова о России придали мне снова охоту жить» [14, 266–267].

Задушевное («моя дорогая»)³¹ общение переходило в привычку, и прерывание его порождало чуть не требования: «...не забывайте, пишите», «напишите мне, пожалуйста, еще»³². Когда-то Аполлинария Суслова обвинила его в том, что он любит «питаться чужими страданиями»³³. Достоевского это обвинение, естественно, обидело своей несправедливостью в нравственном смысле, но стоило бы посмотреть с другой точки зрения — писательского, художнического дара («божественная губка»!). Думается, что и столь острая необходимость общения с Еленой Андреевной в период работы над романом «Братья Карамазовы» помимо прочего диктовалась также впитыванием необходимых впечатлений. Вот это соединение открытой веселости и скрываемого мучительства человека в инвалидной коляске, что не могло не поражать Достоевского в Елене Андреевне (и что теперь прочитывается в ее дневниках)³⁴, мы находим в образе Лизы Хохлаковой. Тема обиженных природой не оставляла Достоевского и получала теперь новое воплощение.

Приведем диалог Алексея Карамазова и Лизы, в котором проглядывают существенные стороны личности Е. А. Штакеншнейдер, столь ценимые Достоевским:

— <...> Я смешная и маленькая, но вы, вы... Слушайте, Алексей Федорович, нет ли тут во всем этом рассуждении нашем, то есть вашем... нет, уж лучше нашем... нет ли тут презрения к нему, к этому несчастному... в том, что мы так его душу теперь разбираем, свысока точно, а? В том, что так наверно решили теперь, что он деньги примет, а?

— Нет, Lise, нет презрения, — твердо ответил Алеша, как будто уже приготовленный к этому вопросу, — я уж об этом сам думал, идя сюда. Рассудите, какое уж тут презрение, когда мы сами такие же, как он, когда все такие

же, как он. <...> *вы смеетесь как маленькая девочка, а про себя думаете как мученица...*

— Как мученица? Как это?

— Да, Lise, вот давеча ваш вопрос: *нет ли в нас презрения* к тому несчастному, что мы так душу его анатомируем, — этот вопрос мученический... видите, я никак не умею это выразить, но у кого такие вопросы являются, тот сам способен страдать. *Сидя в креслах, вы уж и теперь должны были много передумать...* (курсив мой. — В. В.)³⁵.

«Мученичество» Лизы позволяет понять и близко к сердцу принять муку другого человека. Такова была в жизни Елена Андреевна Штакеншнейдер. Поэтому в Достоевском она более всего ценит полное отсутствие высокомерия к людям (и тем более «мастерства высокомерия», которое она наблюдает в И. С. Тургеневе — 456). Тонкая, болезненная чувствительность Лизы Хохлаковой к малейшей тени «презрения» в нашем формальном гуманизме опять же заставляет вспомнить Е. А. Штакеншнейдер. Именно она смогла заметить в Достоевском эту высшую и столь редко встречаемую степень уважения к человеку как таковому:

Его называют психологом. Да, он был психолог. Но, чтобы быть таким психологом, не надо быть великим писателем, а надо уметь подходить к душе ближнего, надо самому иметь душу добрую, простую, глубокую и *не умеющую презирать*.

Надо иметь не гордую душу, а мягкую, склоняющуюся, которая может нагнуться, умалиться и пройти в душу ближнего; а там уже видно, чем больна эта душа и чего ей нужно, можно понять ее (курсив мой. — В. В.) (459–460).

Особый человеческий талант Достоевского увиден Еленой Андреевной так хорошо потому, что был свойствен и ей самой.

Оказавшись в эмиграции и не выдержав испытания судьбы, П. Л. Лавров растерял то обаяние духовной силы, которое так привлекало к нему молодых правдоискателей. В конечном итоге он встал на путь оправдания терроризма. Е. А. Штакеншнейдер не пошла за ним до конца, но она пережила в себе соблазн антихристианства. И в этом она также видится прототипом Лизы Хохлаковой, павшей перед обаянием вседозволенности Ивана Карамазова; можно предположить, что героине романа предстояло то выздоровление от «болезни века», которое спасло Елену Андреевну. Ее можно понять, когда она слагает новую молитву (ср. с молитвой 1869 года «чтобы не истребилось племя нигилистов» — 405), на сей раз о Достоевском:

Продли, Господи, его жизни! Много может он сделать добра, установить пошатнувшееся, расчистить и указать путь к правде. Главное, к нему сами идут, хотят его слушать, жаждут его слова, жаждут его, измученные, потерянные (434).

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Научное издание мемуаров, дневников и переписки Е. А. Штакеншнейдер». № 15-04-00477а.
- ¹ И то и другое было частично опубликовано: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886) / ред., вступ. ст. и коммент. И. Н. Розанова. М.; Л.: Academia, 1934. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
 - ² Лавров П. Л. Стихотворения // Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л.: Советский писатель, 1968 (серия «Библиотека поэта») [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/lawrow_p_l/text_0020.shtml
 - ³ О революционности П. Л. Лаврова см.: [1]; [4]; [5].
 - ⁴ Письма П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер из Парижа в 1870–1873 гг. // Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 141–142.
 - ⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 55.
 - ⁶ РГАЛИ. Ф. 923. Оп. 2. Ед. хр. 3 (цитата приводится по рукописи, т. к. в советском издании читаем эту фразу в отцензурованном варианте: «напечатаны плохо» (308)).
 - ⁷ Шелгунов Н. В. К молодому поколению // Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 83–98 [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/33440>
 - ⁸ Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. М., 1934. С. 590–591.
 - ⁹ Русанов Н. С. П. Л. Лавров. Очерк его жизни и деятельности // Былое. 1907. № 2. С. 261.
 - ¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 39.
 - ¹¹ Русская мысль. 1916. № 4. С. 202.
 - ¹² Тургенев И. С. Письмо к П. В. Анненкову // Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л., 1966. Письма. Т. XII. Кн. 1. С. 411.
 - ¹³ “Народное восстание” провозглашено как главная цель в программной статье Лаврова, открывавшей созданный им в эмиграции журнал (Вперед! 1873. Т. 1. С. III).
 - ¹⁴ Письма П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер из Парижа в 1870–1873 гг. // Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 134–135. (Письмо от 10/22 октября 1871 г.)
 - ¹⁵ Голос минувшего. 1916. № 9. С. 125. (Письмо 31 июня/12 июля 1872 г.)
 - ¹⁶ Там же. С. 126.
 - ¹⁷ Полонский Я. П. Полн. собр. стихотворений: в 5 т. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1896. Т. 2. С. 166–168 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Что_с_ней%3F_
 - ¹⁸ Там же. С. 169–170.
 - ¹⁹ Голос минувшего. 1916. № 9. С. 120. (Письмо 25 февраля /9 марта 1871 г.)
 - ²⁰ Достоевский Ф. М. Иностранные события // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 234.
 - ²¹ Там же. С. 204.
 - ²² Там же.
 - ²³ Достоевский Ф. М. Влас // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 36.
 - ²⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1981. Т. 23. С. 147.
 - ²⁵ Голос минувшего. 1916. № 9. С. 132.
 - ²⁶ Достоевский Ф. М. Дневник Писателя. 1880 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 149.
 - ²⁷ Там же. С. 162.
 - ²⁸ Там же. С. 166.
 - ²⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 198.
 - ³⁰ Там же.

- ³¹ Там же. С. 73.
- ³² Там же. С. 73, 199.
- ³³ Достоевский Ф. М. Письмо к Сусловой Н. П. от 19 апреля 1865 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 121.
- ³⁴ Стоит отметить, что «мучительские» мотивы сильно сокращены в указанном выше издании дневников и записок Е. А. Штакеншнейдер 1934 года [15, 7–27].
- ³⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 197–199.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. — Москва, 1992. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 194–196.
2. Индзинская, А. В. «Вся ваша и с костылями Е. Штакеншнейдер»: переписка Е. А. Штакеншнейдер и А. Г. Достоевской / А. В. Индзинская // Неизвестный Достоевский: электронный научный журнал. — 2015. — № 4. — С. 34–39 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1455191625.pdf (21.04.2017).
3. Индзинская, А. В. Переписка Е. А. Штакеншнейдер и А. Г. Достоевской (1878–1887) / А. В. Индзинская; подгот. текста и примеч. А. В. Индзинской, В. А. Викторовича // Неизвестный Достоевский: электронный научный журнал. — 2015. — № 4. — С. 40–52 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453712629.pdf (21.04.2017).
4. Итенберг, Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении / Б. С. Итенберг. — Москва, 1988. — 300 с.
5. Кареев, Н. И. Теория личности П. Л. Лаврова / Н. И. Кареев. — Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. — 64 с.
6. Коган, Г. «Какой мучительный иногда человек Достоевский...». Неизвестные страницы из Дневника Е. А. Штакеншнейдер / Г. Коган // Литературная газета. — 1996. — 2 октября. — № 40. — С. 6.
7. Коган, Г. Вступительная статья к публикации А. Эйсснера «Из воспоминаний о Достоевском» / Г. Коган // Знамя. — 1991. — № 11. — С. 159–164.
8. Лавров, П. Л. Биография-исповедь / П. Л. Лавров // Избранные труды / П. Л. Лавров. — Москва: РОССПЭН, 2010. — С. 519–551.
9. Лавров, П. Л. Исторические письма / П. Л. Лавров // Избранные труды / П. Л. Лавров. — Москва: РОССПЭН, 2010. — С. 41–296.
10. Лавров, П. Л. Очерки вопросов практической философии / П. Л. Лавров // Философия и социология: Избранные произведения: в 2 т. / П. Л. Лавров. — Москва: Мысль, 1965. — Т. 1. — С. 339–462.
11. Лавров, П. Л. Письмо к издателю / П. Л. Лавров // Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. / П. Л. Лавров. — Москва: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. — Т. 1: 1857–1871. — С. 108–117.
12. Марков, Е. Л. Романист-психиатр / Е. Л. Марков // Русская речь. — 1879. — № 5. — С. 243–276; № 6. — С. 171–381.
13. Михайлов, Б. Г. Несколько документов о пребывании в вологодской ссылке П. Л. Лаврова / Б. Г. Михайлов // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. — Вып. 1. — С. 306–315 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.booksite.ru/fulltext/mater_1/2_3.pdf

14. Неизданные письма к Достоевскому / подгот. текста А. И. Батюто, А. М. Березкина, Т. И. Орнатской, Г. В. Степановой, И. Д. Якубович // Достоевский : Материалы и исследования. — Ленинград, 1983. — [Т.] 5. — С. 246–270.
15. Розанов, И. Н. Е. А. Штакеншнейдер и ее дневник / И. Н. Розанов // Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854–1886). — Москва, Ленинград : Academia, 1934. — С. 7–27.
16. Тихомиров, Б. Н. Достоевский на Кузнечном : Даты. События. Люди / Б. Н. Тихомиров. — Санкт-Петербург, 2012. — 221 с.
17. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. — Москва : Худож. лит., 1990. — Т. 2. — 623 с.
18. Чернышевский, Н. Г. Антропологический принцип в философии [Рец. на кн.: «Очерки вопросов практической философии». Сочинение П. Л. Лаврова, I. Личность. СПб. 1860] / Н. Г. Чернышевский // Собр. соч. : в 5 т. / Н. Г. Чернышевский. — Москва : Правда. Том 4 : Статьи по философии и эстетике 1974 (Библиотека «Огонек») [Электронный ресурс]. — URL : http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0430.shtml (21.04.2017).

Vladimir A. Viktorovich

*Doctor of Philology
Professor of State University of
Social Studies and Humanities
(Kolomna, Russian Federation)*

VA_Viktorovich@mail.ru

AN ORDEAL BY “PRACTICAL PHILISOPHY” OR TWO TEACHERS OF ELENA STAKENSCHNEIDER

Abstract. Based on the diaries, memoirs and letters of E. A. Stakenschneider we have revealed a kind of an ideologic novel with the plot concerning spiritual evolution of E. A. Stakenschneider from the revolutionary radicalism of P. L. Lavrov to the Christian conservatism of F. M. Dostoevsky. The problem of “teaching”, spiritual leaders for the young generations of the 1860s and 1870s is evoked. Two “Thought Leaders”, who appreciated the spiritual beauty of a “smart hunchback”, became her life teachers. She shared Lavrov’s opposition attitude, she was carried away by his uncensored poetry and learned the “practical philosophy”, she critically thought about his amazing width of views, about the combination of faith and scepticism, but the spiritual father of Lavrov considered “him to be a devoted Christian”. An aesthetic insight of the young reader manifested itself in her comment made in 1861 about the originality of Dostoevsky’s style: “naturalness of unnaturalness”. The experience of a handicapped taught her to deeply empathize with the misfortunes of others and rejoice in happiness of others. Having experienced the “truth” of atheism, she met “A Writer’s Diary” with enthusiasm, when the time of Dostoevsky came, who proclaimed the beginning of Christian anthropology. The article also puts forward a proposal that Elena Andreevna Stakenschneider could have become an archetype of Lisa Khokhlakova in the novel “The Brothers Karamazov”.

Keywords: E. A. Stakenschneider, P. L. Lavrov, Fedor Dostoevsky, Christianity, nihilism, hedonism, conservatism, ego-document

REFERENCES

1. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, 1992, vol. 1, part 2, pp. 194–196. (In Russ.)
2. Indzinskaya A. V. "All Sincerely Yours and with on Crutches, E. Shtakenshneyder": E. A. Shtakenshneyder's Correspondence with A. G. Dostoevskaya. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [The Unknown Dostoevsky: Online Research Journal], 2015, no. 4, pp. 34–39. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1455191625.pdf (accessed 21 April 2017). (In Russ.)
3. Indzinskaya A. V. Correspondence Between E. A. Shtakenshneyder and A. G. Dostoevskaya (1878–1887). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [The Unknown Dostoevsky: Online Research Journal], 2015, no. 4, pp. 40–52. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453712629.pdf (accessed 21 April 2017). (In Russ.)
4. Itenberg B. S. P. L. *Lavrov v russkom revolyutsionnom dvizhenii* [P. L. Lavrov in the Russian Revolutionary Movement]. Moscow, 1988. 300 p. (In Russ.)
5. Kareev N. I. *Teoriya lichnosti P. L. Lavrova* [Theory of the Personality of P. L. Lavrov]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1907. 64 p. (In Russ.)
6. Kogan G. "What an Anxious Person Can Dostoevsky Be Sometimes...". Unknown Pages From the Diary of E. A. Stakensneider. In: *Literaturnaya gazeta*, 1996, 2 October, no. 40. P. 6. (In Russ.)
7. Kogan G. An Introductory Article to the Publication of A. Eisner "The Memories About Dostoevsky". In: *Znamya*, 1991, no. 11, pp. 159–164. (In Russ.)
8. Lavrov P. L. Biography-Confession. In: *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 519–551. (In Russ.)
9. Lavrov P. L. Historical Letters. In: *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 41–296. (In Russ.)
10. Lavrov P. L. Essays on Issues of Practical Philosophy. In: *Filosofiya i sotsiologiya: Izbrannye proizvedeniya: v 2 tomakh* [Philosophy and Sociology: Selected Works: in 2 Vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1965, vol. 1, pp. 339–462. (In Russ.)
11. Lavrov P. L. A Letter to the Publisher. In: *Izbrannye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 8 tomakh* [Selected Works on Socio-Political Themes: in 8 Vols]. Moscow, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1934, vol. 1: 1857–1871, pp. 108–117. (In Russ.)
12. Markov E. L. The Novelist-Psychiatrist. In: *Russkaya rech'*, 1879, no. 5, pp. 243–276; no. 6, pp. 171–381. (In Russ.)
13. Mikhaylov B. G. Several Documents on P. L. Lavrov's Life in Exile in Vologda. In: *Materialy po istorii Evropeyskogo Severa SSSR* [Materials on the History of the European North of the USSR]. Vologda, 1970, issue. 1, pp. 306–315. Available at: http://www.booksite.ru/fulltext/mater_1/2_3.pdf (In Russ.)
14. Unpublished Letters to Dostoevsky. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Researches]. Leningrad, 1983, vol. 5, pp. 246–270. (In Russ.)
15. Rozanov I. N. E. A. Stakensneider and Her Diary. In: *E. A. Shtakenshneyder. Dnevnik i zapiski (1854–1886)* [E. A. Stakensneider. Diary and Notes (1854–1886)]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1934, pp. 7–27. (In Russ.)
16. Tikhomirov B. N. *Dostoevskiy na Kuznechnom: Daty. Sobytiya. Lyudi* [Dostoevsky in Kuznechny Lane: Dates. Events. People]. St. Petersburg, 2012, 221 p. (In Russ.)

17. *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky in the *Memories of His Contemporaries: in 2 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 2. 623 p. (In Russ.)
18. Chernyshevskiy H. G. An Anthropological Principle in Philosophy (A Review of the Book: "Essays on Issues of Practical Philosophy". The Tractate of P. L. Lavrov, I. Personality. St. Petersburg. 1860). In: Chernyshevskiy H. G. *Sobranie sochneniy: v 5 tomakh* [Chernyshevsky N. G. Complete Works: in 5 Vols]. Moscow, Pravda Publ., 1974, vol. 4: Articles on Philosophy and Aesthetics (Library "Ogonyok"). Available at: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0430.shtml (accessed 21 April 2017). (In Russ.)

Юлия Вячеславовна Юхнович

*старший научный сотрудник
Дома-музея Ф. М. Достоевского
(Старая Русса, Российская Федерация)*
yulyayu@list.ru

СТАРОРУССКИЕ СОСЕДИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. Проводя летние сезоны 1872–1880 гг. в Старой Руссе, Ф. М. Достоевский встречался, знакомился и пригласивал с разными людьми. К старорусскому окружению Достоевского, в первую очередь, нужно отнести священника Иоанна Румянцева; подполковника А. К. Гриббе и его племянницу А. Г. Елисееву; генерала Е. И. Леонтьева; актрису курортного театра А. П. Орлову; мещанку А. И. Меньшову (прототип Грушеньки из романа «Братья Карамазовы»); петербургского журналиста П. А. Гайдебурова; супругов Жаклар. Среди старорусских соседей Ф. М. Достоевского были люди, которые лишь вскользь упоминались в его переписке с женой и те, о которых он мог знать понаслышке. Связи с этими людьми требуют отдельного рассмотрения. Данная статья дает представление о том, насколько разнообразен был круг старорусских знакомых Достоевского. Общение с ними во многом могло повлиять на ход творческого процесса писателя.

Ключевые слова: Старая Русса, дом Достоевских, «Братья Карамазовы», архивы, воспоминания, память, отец Иоанн Румянцев, А. К. Гриббе, П. А. Гайдебуров, доктор А. А. Рохель

Старая Русса — маленький уездный город Новгородской губернии, где отдыхал Ф. М. Достоевский в летние сезоны с 1872 по 1880 гг. и приобрел, наконец, в 1876 году свой собственный дом. Здесь у писателя было много знакомых, с которыми он общался и любил проводить время. Старорусское окружение Достоевского составляли, главным образом, люди, различные по своим интересам, занятиям и происхождению. В основном, это старорусцы, с которыми свела судьба Федора Михайловича, и столичные жители, приезжающие в курортный городок отдохнуть и поправить здоровье. Сюда же отнесем тех, кто приходился случайными соседями писа-

телю, и тех, о ком Достоевский мог слышать от супруги и своих старорусских друзей. Все эти люди интересны нам потому, что, независимо от различия характеров, взглядов, уровня образованности, они являлись современниками Достоевского, носителями духа его эпохи. Попробуем определить круг старорусских соседей Достоевского.

Илл. 1. Священник
И. Румянцев с детьми

Иван Иванович Румянцев был человеком незаурядным. Вступив давно когда-то в управление егорьевским приходом, он не продвинулся ни на шаг по пути духовной карьеры, за всю свою жизнь не заслужил ни одного знака отличия <...>.

Ум у отца Ивана был светлый и острый, а язык и того острее. Немало соли сыпал этот язык на головы духовенства, доставалось и обывателям, не спускал он и начальству — всем сестрам по серьгам. Потому, должно быть, у «батюшек» — так мы звали всю семью отца Ивана в совокупности — трудно было встретить кого-либо из местных священников или купечества. Заглядывали только кое-кто из земцев да из приезжих дачников. <...>

Если же усаживался за карточный стол, чтобы отдохнуть от трудов праведных, случалось, что с хорошими людьми он просиживал круглые сутки, не вставая с места. Оно и понятно: старорусские

Из старорусских знакомых Федора Михайловича в первую очередь следует выделить священника **Иоанна Румянцева** (1835–1904), в чьем лице он приобрел «истинного друга», как отзывался о нем Достоевский в письме к К. П. Победоносцеву от 25 июля 1880 года¹. Лето 1872 года Достоевский вместе с супругой и детьми провел в доме Румянцевых на перекрестке Пятницкой и Георгиевской улиц. Федор Михайлович очень привязался к этой семье. В ту пору глава дома Румянцевых был настоятелем Георгиевского храма. Он отличался независимым характером и слыл интересным собеседником. Любопытная характеристика дана этому человеку **Павлом Павловичем Гайдебуровым** (1877–1960), одним из старорусских соседей Достоевского:

Илл. 2. Екатерина Петровна,
жена свящ. И. Румянцева

дожди — затяжные, тоскливые до одури, а в «винт» батюшка играл превосходно <...>. К нам, детям, то и дело доносились от карточного стола взрывы веселого смеха или яростные споры о каких-то высоких материях... [10, 255–256].

Достоевский искренне привязался к батюшке Румянцеву и стал его приятелем. С отцом Иоанном Достоевский иногда совершал совместные прогулки: «Вчера, в обед, зашел батюшка (Георгиевский) и просидел с часок, пока не пошли на почту» (29₁, 370); «Мы с Румянцевым ходили сегодня утром к протопопу (Ивану Смелкову) с визитом. <...> Протопоп казался очень довольным моим посещением, но, мне кажется, он в 10 раз хуже нашего Румянцева» (29₁, 239).

Иоанн Смелков был священником Воскресенского собора с 1862 года. В одном из писем к Анне Григорьевне Достоевский сообщал: «Вчера был у обедни в соборе. Протопоп уже два раза приходил ко мне. Я был у него один раз, пойду еще» (29₁, 246). Жил отец Иоанн Смелков на соборной стороне, относительно недалеко от дачи Достоевских. Это позволяет предположить, что писатель мог довольно часто бывать у него в гостях.

Уже после знакомства с семьей Румянцевых, приехав в Старую Руссу снова, летом 1873 года, Достоевские поселились в просторном, большом доме **Александра Карловича Гриббе** (1806–1876), бывшего военного, подполковника в отставке. В примечаниях к воспоминаниям А. К. Гриббе, опубликованным в журнале «Русская Старина», об этом человеке говорится: «Не смотря ни на суровую школу службы на глазах у самого Аракчеева, ни разныя жизненныя невзгоды, Гриббе до конца своей жизни сохранилъ доброту и честность, качества, привязывавшія къ нему всѣхъ, кто когда-либо встрѣчался съ нимъ» [4, 536].

А. К. Гриббе родился в Иркутске в 1806 году. В 16 лет он стал подпрапорщиком Гренадерского полка. Через 14 лет, в 1836 году, он перешел на службу в Первый округ дорожных солдат, где остался до ухода в отставку. Оставив службу, Александр Карлович поселился в Старой Руссе. Л. Ф. Достоевская так описывает старорусский дом Гриббе:

...маленький домик в немецком вкусе прибалтийских губерний, — домик, полный неожиданных сюрпризов, потайных стенных шкафов, подъемных дверей, ведущих к темным пыльным лестницам. <...> За домом находился сад с смешными маленькими клумбами, засаженными цветами. В этом саду, прорезанном маленькими каналами, росли всевозможные фрукты. Полковник Гриббе сам копал эти каналы, чтобы предохранить свою малину и смородину от весенних разливов, которыми грозила коварная Перерытица, на берегу которой была расположена дачка [6, 76].

У А. К. Гриббе была небольшая личная библиотека, которая состояла главным образом из книг философского и исторического характера на русском и французском языках, а также включала сочинения Н. М. Карамзина,

Р. Декарта, А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова. Журналист М. Н. Поляков в статье, посвященной Гриббе, писал: «По свидетельству современников, этими книгами иногда пользовался Ф. М. Достоевский, будучи дачником Гриббе» [8, 4]. В переписке супругов Достоевских старорусского периода часто упоминаются имена Александра Карловича и его племянницы **Анны Гавриловны Елисеевой**. Анна Григорьевна, рассказывая в одном из писем мужу о детях, замечала: «Любят тоже ягоды, и в этом отношении их очень балует Александр Карлович» [7, 129]. Сам Достоевский, отправляя письма жене в Старую Руссу, не забывал передавать приветы и поклоны своим добрым соседям, а иногда даже привозил для них подарки из Эмса:

В этот день были наконец открыты магазины, и я отправился покупать Анне Гавриловне шаль, которая стоила мне много хлопот. <...> Спросили 22 талера. <...> Так как Анна Гавриловна дала 14 руб. серебряных, то по курсу (даже) это было бы талеров 16, значит, я переплатил лишку не более 3 или много что 3½ руб. Эту переплату, голубчик Аня, уж мы лучше подарим Анне Гавриловне (они так любят тебя и детей), и ты, наверно, на меня за это не станешь сердиться (29, 326).

Унаследовав дом дяди, А. Г. Елисеева уже спустя несколько месяцев после его смерти передала через И. И. Румянцева Анне Григорьевне расписку на купчую: «...Я, нижеподписавшаяся дочь коллежского советника Анна Гавриловна Елисеева, сего 1876 года, марта 15 дня получила через священника отца И. Румянцева от А. Г. Достоевской двести рублей серебром в задаток за проданный ей Достоевской дом, который достался мне по духовному завещанию от дяди моего Александра Карловича Гриббе с ценною со всей указанной мебелью за 1150 рублей серебром...»².

Дом Гриббе плохо отапливался, а потому был не приспособлен для проживания в зимние сезоны. Решив провести одну из зим (1874–1875) в Старой Руссе, Достоевские сняли квартиру рядом с курортным парком, на оживленной Ильинской улице. Хозяином дома был **Евтихий Иванович Леонтьев**, генерал-майор в отставке, который посещал свою старорусскую дачу только летом. Зимой дом пустовал. Достоевские воспользовались этой возможностью и поселились на даче Леонтьевых. В это время Федор Михайлович работал над романом «Подросток», и поэтому уютная квартира на Ильинской оказалась как нельзя кстати.

Навещала Достоевских и жена Леонтьева — **Александра Ивановна**. В письме от 14 февраля 1875 года Анна Григорьевна сообщала мужу, находившемуся в Петербурге, о визитах своей соседки и ее неожиданной кончине: «У нас ночью случилось происшествие: умерла наша хозяйка Александра Ивановна от удара. Она еще два дня тому назад была у нас и просидела часа 3» [7, 161].

Весной 1875 года Достоевские переехали от Леонтьевых в Мининский переулок, на уже полюбившуюся им дачу Гриббе. Частой гостьей в их доме была актриса курортного театра **Александра Павловна Орлова**. В письмах Достоевского к жене имеется единственное упоминание об А. П. Орловой:

Сквернее всего то, что еще и не думал начинать работу: и тоска, и все эти хворости, и свинства всякую охоту из меня вышибают. А другие-то думают, что я за границу веселиться поехал. Анна Гавриловна и Александра Павловна, кажется, это думают (29₂, 36).

Известно также письмо к А. Н. Островскому от 2 марта 1875 года, в котором Достоевский просит знаменитого драматурга оказать содействие А. П. Орловой в получении места на должность старорусского «агента со стороны Общества драматических писателей» (29₂, 24).

Когда в Старой Руссе заговорили о деле **Петра Назарова**, старорусского мещанина, который убил своего отца, Достоевский, уезжая в Петербург, попросил Александру Павловну проследить за окончанием этого громкого процесса. Через некоторое время Орлова в письме Анне Григорьевне сообщала следующее: *«Это время, по случаю прибытия Суда Окружного застѣданія, я уходила изъ дома — просидѣла почти цѣлый день, когда судили Отцеубійцу <...>. Андрюшкѣвичъ взялся защищать — но Г^{ва} присяжные не вняли его возгласамъ — присудили да, виновенъ и этотъ злодѣй сосланъ на вѣчныя времена въ каторгу»*³. Исход дела Назарова, сообщенный А. П. Орловой Достоевским, мог повлиять на развитие замысла детективной сюжетной линии в романе «Братья Карамазовы», где, как известно, мотив отцеубийства является одним из ведущих.

Общались Достоевские и с врачами К. А. Шенком и А. А. Рохелем. Из всех докторов, чьими услугами пользовалась семья писателя в Старой Руссе, имя **Константина Александровича Шенка** (1829–1912) чаще других встречается в переписке Федора Михайловича с женой. Первые три летних сезона (1872–1874) Константин Александрович регулярно осматривал Федю, также он следил за здоровьем Анны Григорьевны. Она вспоминала:

Лечивший меня главный военный врач, приехавший на сезон, К. А. Шенк⁴, в один несчастный день нашел нужным предупредить Федора Михайловича, что если нарыв в течение суток не прорвется, то он за мою жизнь не отвечает, так как силы мои падают и сердце плохо работает. <...>

К общей нашей радости, кризис произошел в ту же ночь: нарыв в горле прорвался, и я начала поправляться [5, 288–289].

Другой врач, лечивший Достоевских в Старой Руссе, — **Антон Антонович Рохель**⁵. Он был директором старорусского курорта. Из писем Ф. М. Достоевского и других немногочисленных источников видно, что писатель и его семья неоднократно обращались за медицинской помощью к доктору

Рохелю. В письме от 7 июня 1875 года А. Г. Достоевская, рассказывая о посещении их дома доктором **Васильевым** (еще один старорусский сосед Достоевских), упоминала также и о Рохеле:

В среду был у нас доктор Васильев, осмотрел ребятишек и нашел, что они вовсе не золотушны, но имеют небольшое расположение к золотухе, а потому купанье может принести пользу. <...> Вообще человек, кажется, знающий. <...> на мой вопрос: нет ли между приезжими доктора или акушера, сказал, что Рохель акушер и великолепно знает свое дело... [7, 177].

Обращались Достоевские к Рохелю и по просьбе М. Н. Каткова, который хотел устроить своего ученика Александрова для лечения на старорусский курорт. С этой целью Достоевский писал своей жене:

Один ученик, Александров, страдает золотухой, болью в ноге и проч. <...> Доктора решили — выключить из Лицея. Катков же по доброте сердца и на свой счет, не выключая, посылает его в Старую Руссу (завтра). <...> А потому посылается формальная <...> казенная бумага от Лицея к Рохелю — в том смысле: что вот, дескать, воспитанник Александров, под ваше покровительство и т. д., поместите удобнее, лечите и пришлите счет содержания. <...> Катков прибавляет, что очень не худо, если б Рохель представил счет *по-скромнее* <...>. Приехав, примусь за М-м Рохель в этом смысле (30₁, 34–35).

С женой Рохеля **Екатериной Прокофьевной** А. Г. Достоевская регулярно встречалась на старорусских балах в курортном парке и на народных гуляньях:

Были мы в пятницу на народном гуляньи и очень остались довольны <...>. М-те Рохель продавала на празднике на аукционе и продавала папиросы из своих рук по 4 руб. Находились-таки любители. Жаклар очень жалел, что не взял с собой денег, чтоб купить что-либо из рук м-те Рохель [7, 287].

Екатерина Прокофьевна Рохель довольно часто упоминалась в переписке Достоевских. Анна Григорьевна в одном из писем Федору Михайловичу намекала на любовную интрижку между «Рохельшей» и г-ном Жакларом. В ответном послании Достоевский написал: «Ты как будто хотела что-то заметить о Жакларе: да неужели он приударил за Рохельшей? А тож, французский вкус, но чего же смотрит Анна Васильевна?» (30₁, 98).

Анна Васильевна Корвин-Круковская (1843–1887), давняя знакомая Ф. М. Достоевского, была женой г-на Жаклара. С ней Федор Михайлович познакомился незадолго до встречи с Анной Григорьевной. Достоевский предлагал Анне Васильевне выйти за него замуж, но получил отказ. Тем не менее, дружба между ними продолжалась до самой смерти писателя. Общались они и в Старой Руссе. Известно, что Анна Васильевна вместе с мужем приезжала на старорусский курорт. А. Г. Достоевская вспоминала:

Зато лето началось для нас очень приятно: в Руссу приехала на сезон А. В. Жаклар-Корвин с семьей, которую мы оба очень любили. Муж почти каждый день, возвращаясь с прогулки, заходил побеседовать с этой умной и доброй женщиной, имевшей значение в его жизни [5, 385].

Можно предположить, что семья Анны Васильевны проживала в районе курорта. По свидетельствам Анны Григорьевны, Жаклары бывали на курортных балах и в театре:

В воскресенье ходили на музыку, и Жаклары угостили нас с Анной Ив<ановой> мороженым. Вчера мы с Жакларами ходили на бал <...>. Видела Рохельшу, которая была донельзя любезна ко мне, а Жаклара чуть совсем не проглотила [7, 279].

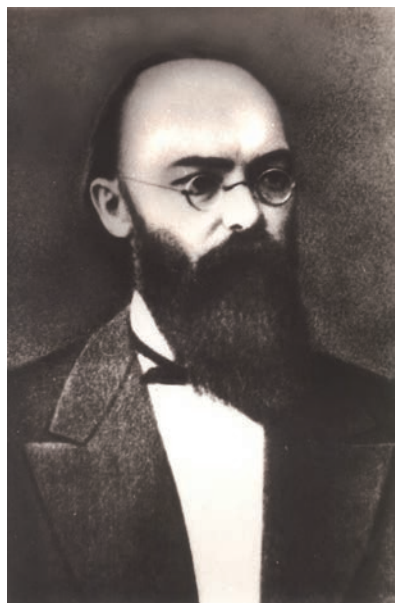
Анна Ивановна Майкова (1830–1911) (супруга известного поэта А. Н. Майкова, приятеля Достоевского), упоминаемая в письме Анны Григорьевны, тоже проводила летние сезоны в Старой Руссе и часто бывала в доме Достоевских. Супруга Федора Михайловича в одном из писем сообщала: «В субботу я была у батюшки и Анны Иван<овны>, а в воскресенье у меня собралось много гостей, Анна Васильевна с мужем, Анна Ивановна и батюшка с матушкой» [7, 287]; «Вечером была у меня Анна Ивановна, которой, как настоящей имениннице, я и поднесла мой букет» [7, 284].

Среди приезжих соседей Достоевского обязательно нужно отметить **Николая Петровича Вагнера** (1829–1907), известного ученого-зоолога и писателя. Большой популярностью пользовалась его книга очерков «Картины из жизни животных». В 70-е годы XIX века Н. П. Вагнер стал страстным пропагандистом спиритизма, что нашло отражение в записных книжках Ф. М. Достоевского, в его «Дневнике Писателя» и переписке с Н. П. Вагнером⁶. В литературном мире Николая Петровича знают, главным образом, как автора книги «Сказки Кота-Мурлыки».

В 1875 году Вагнер приехал на лето в Старую Руссу. Здесь, по рекомендации Я. П. Полонского, он познакомился с писателем:

Когда въ первый разъ мы встрѣтились съ Вами, въ Старой Руссѣ, я ска- залъ себѣ: вотъ человѣкъ! и какъ всегда со мной бываетъ: сердце раскрылось и потянулось на встрѣчу [11, 27] (см. также: [1, 191]).

Рядом с дачей Достоевских жил петербургский литератор, журналист **Павел Александрович Гайдебуров** (1841–1893). Гайдебуровы, так же как и Достоевские, купили дом в Старой Руссе и ежегодно приезжали на летние сезоны в этот город. Сын П. А. Гайдебурова, Павел Павлович, повзрослев и став знаменитым актером, описывал свои детские впечатления от знакомства с семьей Достоевских:

Илл. 3. П. А. Гайдебуров

Мои отец с матерью состояли в дружеских отношениях с Достоевскими. После смерти писателя его вдова, Анна Григорьевна, уговорила моего отца купить дачу в Старой Руссе, через переулок от их дома [10, 252].

Павел Павлович также упоминал о простых обывателях — старорусских соседях Достоевских: солдате, который вытащил из Перерытицы задумавшую топиться Любу Достоевскую [10, 254], горьком пьянице Сидоре, избивавшем свое многочисленное семейство [10, 257], бесменном дворнике Достоевских Алексее Клементьевиче [10, 257–258]. Вспоминал Павел Павлович и пьяного регента Георгиевской церкви, который приходил в моменты запоя к дому Достоевских:

...светло-голубые глаза регента казались водянистыми, как это бывает у неизлечимых пьяниц, на щеках проступали беледые пупырышки, характерные для алкоголиков, руки дрожали. Когда запой достигал высшего градуса, регент являлся под окна зеленого дома и разражался трагическими монологами. Они пугали мое детское воображение — столько в них слышалось жгучей боли, такая злая в них жила обида, столько ненависти было в проклятьях, которые он обрушивал на головы Достоевских за какие-то ему одному ведомые обиды... [10, 257].

Недалеко от дачи Федора Михайловича, на противоположном берегу Перерытицы, жила **Агрипина Ивановна Меньшова** (1849–1915) (прототип Грушеньки Светловой из романа «Братья Карамазовы»). В письме из Старой Руссы от 19 июля 1879 года А. Г. Достоевская сообщала мужу: «...вскоре пришла Грушенька Меньшова и провела у нас вечер» [7, 276]. В ответном письме Федор Михайлович замечал: «Посещение Грушеньки Меньшовой считаю предисловием к Ниловой пустыни» (30, 87). Очевидно, старорусская соседка уговаривала Анну Григорьевну поехать вместе с ней в Нилову пустынь.

По сведениям исследователя старорусского периода жизни и творчества Ф. М. Достоевского Л. М. Рейнуса, «жила она на Соборной стороне на середине аллеи, тянувшейся по берегу Перерытицы... Дом был записан на мать, Дарью Кузьминичну, богатую мещанку, суровую и скупую староверку...» [9, 49].

Судьба А. И. Меньшовой во многом трагична. В молодые годы она была влюблена в поручика Каспийского полка И. Коровайкина, который уехал из Старой Руссы и перестал поддерживать с ней отношения. А. Г. Достоевская узнала об этом из писем самой Грушеньки и ее подруги А. П. Орловой. Впоследствии Грушенька вышла замуж за офицера расквартированного в Старой Руссе Вильманstrandского полка и стала Агриппиной Шер. Ее муж умер через несколько лет. Достоевскому была знакома история Агриппины Ивановны. Очевидно, это повлияло на создание образа Грушеньки Светловой из «Братьев Карамазовых» [9, 51–52].

Был в соседях у Ф. М. Достоевского в Старой Руссе и подпоручик Вильманstrandского полка **Владимир Дмитриевич Дубровин** (1855–1879). В письме к К. П. Победоносцеву от 19 мая 1879 года Достоевский сообщал: «Здесь, когда я приехал, разговаривали об офицере Дубровине (повешенном) здешнего Вильманstrandского полка» (30, 67). Дубровин, молодой, двадцатитрехлетний человек, был арестован как распространитель листовок революционного содержания. В тюрьме он пытался покончить с собой, а на суде вел себя буйно. Однако его сумасшествие не было доказано. О Дубровине Достоевский слышал от своих старорусских знакомых. Вполне вероятно, что этот психологический тип не ускользнул от наблюдательного взора писателя.

И. Л. Волгин в своей книге «Последний год Достоевского» писал:

Подпоручик В. Д. Дубровин жил в Старой Руссе сравнительно недалеко от Достоевского: в доме вдовы священника Л. Г. Бедринской по Лебедеву переулку. Не исключено, что писатель встречал его во время своих прогулок [2, 18].

Лебедев переулок находился недалеко от курортного парка. Направляясь по Дмитриевскому переулку или проходя по Дмитриевской улице, Достоевский мог попасть в уединенный Лебедев переулок, где жил В. Д. Дубровин.

Недалеко от Дубровина, на улице Ерзовской, жил помощник городского исправника (с 1865 по 1879 гг.) Э. М. Готского-Даниловича, а затем, с 1880 по 1881 гг., исправник — **Петр Иванович Новиков**. В настоящее время в Государственном архиве Новгородской области хранятся дневники Новикова (ф. 719). Это 11 больших томов, состоящих из записей Петра Ивановича о служебной и общественной деятельности за 1858–1889 гг., сделанных аккуратным, убористым почерком. В основном они представляют собой фиксацию бытовых сторон жизни этого человека и характеризуют его как неординарную личность, отличающуюся оригинальным взглядом на события текущего времени. В дневниках П. И. Новикова мы находим множество городских реалий, которые мог наблюдать и на которые откликался Ф. М. Достоевский, пребывая в Старой Руссе.

Во время первого приезда писателя в город П. И. Новиков уже состоял в должности помощника старорусского исправника. Вполне естественно, что он должен был знать Достоевского. Однако ни в письмах Федора Михайловича, ни в дневниках Петра Ивановича мы не находим никаких доказательств этому. Новикову, конечно же, было известно о том, что за писателем в Старой Руссе был учинен тайный полицейский надзор. Поэтому Петр Иванович по долгу службы мог сам участвовать в следственных мероприятиях по делу Достоевского.

Говоря о старорусском окружении Достоевского, обязательно нужно иметь в виду, что среди соседей писателя были люди, которые лишь вскользь упоминались в его переписке с женой, и те, о которых он мог знать понаслышке. К таким лицам, например, отнесем многодетного купца **Сытова**, проживавшего некоторое время в доме Румянцева; **Плотникова**, лавку которого любили посещать Достоевские; купца **Александра Ивановича Сомрова** (его имя было в то время известно в городе); сторожа генерала **Леонтьева**; **Верховцевых**, которых мог встретить писатель у Румянцевых (впоследствии эту старорусскую фамилию Достоевский подарит своей героине — Катерине Ивановне из романа «Братья Карамазовы»). Также в своей переписке Федор Михайлович упоминал ямщиков Колгушкина, **Андрея** и **Тимофея**. К их услугам часто прибегал писатель. Прибавим к этому внушительному списку и фамилию исправника **Готского-Даниловича Эдуарда Михайловича** (?–1895), к которому обращалась Анна Григорьевна с просьбой помочь в получении заграничного паспорта для Федора Михайловича (29₂, 181) (этот же исправник, кстати, вел тайный надзор за писателем в Старой Руссе). Связи Достоевского с этими людьми еще не прослежены до конца.

Илл. 4. Дом Достоевских в Старой Руссе. 1881 г.

Итак, мы видим, насколько разнообразен был круг старорусских соседей Достоевского. Среди них — люди, известные в Петербурге, приехавшие на курорт, и коренные старорусцы, проживавшие рядом с писателем. Перед нами открывается пестрая картина старорусской действительности — мира, в котором жил и работал Достоевский. Этот мир населяли священники, купцы, врачи, военные, дворники, бунтари, убийцы, пьяницы, актеры, столичные жители, приехавшие на летний отдых. Думается, именно в этой реальности Достоевский мог уловить приметы городка Скотопригоньевска, неразрывно связанного с образом Старой Руссы.

В настоящее время Старую Руссу часто называют «городом Достоевского», «городом карамазовской истории». Можно выделить 27 литературно-мемориальных, историко-культурных и топографических объектов, связанных с жизнью и творчеством Достоевского. Ежегодно сюда приезжают тысячи туристов, чтобы узнать о старорусском периоде жизни и творчества писателя. Однако сегодня, в преддверии 200-летия со дня рождения Достоевского, мы становимся свидетелями того, что Старая Русса постепенно утрачивает свой исторический облик. Центральную площадь, где раньше располагался Гостиный двор (место прогулок Достоевского), местные власти хотят превратить в современный развлекательный комплекс. 5 декабря 2016 года старорусский краевед К. П. Смольняков опубликовал электронную петицию «Спасите город Достоевского, остановите разрушение его исторического облика», в которой попросил неравнодушных людей проголосовать против реконструкции Соборной площади⁷. Имя писателя по-прежнему является одной из важнейших культурных доминант города, тем мерилom, по которому определяется уровень духовного развития его жителей. Необходимо сохранить исторический образ Старой Руссы и память о земляках и знакомых великого русского писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 202. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, книги (нижний индекс), страницы в круглых скобках
- ² РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30837. Л. 16.
- ³ Орлова А. Письмо к Достоевской А. Г. От 2 октября 1875 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30189. Л. 19 об.
- ⁴ В воспоминаниях А. Г. Достоевской он ошибочно назван: Н. А. Шенком (см.: [5, 717]).
- ⁵ Этот старорусский доктор ошибочно назван Александром Ансельмовичем Рохелем (Ройхелем) в именном указателе к «Воспоминаниям» А. Г. Достоевской (М., 1971. С. 492), энциклопедическом словаре С. В. Белова «Достоевский и его окружение», аннотированном указателе имен Полного собрания сочинений Достоевского (29, 356) и во многих других изданиях, посвященных исследованию биографии и творчества писателя. В то время как Антоном Антоновичем он поименован А. Г. Достоевской (см.: Рецепты А. А. Рохеля для Достоевских А. Г. и Л. Ф. // НИОР РГБ. Ф. 93.П.8.47), в каталоге РНБ как автор книги «Старорусские минеральные воды» (СПб., 1880), в монографии Л. Рейнуса «Три адреса

- Достоевского» [9, 16]. На эту ошибку впервые обратил внимание Б. Н. Тихомиров (см.: [13, 327]). *Александр Ансельмович* (он же — Исаак Аншелевич) *Ройхель* (1885–1933) — с 1 (14) сентября 1908 г. по январь 1909 г. совладелец петербургского издательства «Пантеон», умерший в эмиграции в Париже (см.: [3, 178]). К Ф. М. Достоевскому он не имел никакого отношения.
- ⁶ См. о взаимоотношениях Ф. М. Достоевского и Н. П. Вагнера: [11] и публикацию их переписки: [12].
- ⁷ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.change.org/p/спасите-город-достоевского-остановите-разрушение-его-исторического-облика>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волгин, И. Л. Письма читателей к Ф. М. Достоевскому / И. Л. Волгин // Вопросы литературы. — 1971. — № 9. — С. 173–196.
2. Волгин, И. Л. Последний год Достоевского : исторические записки / И. Л. Волгин. — Москва : Советский писатель, 1986. — 576 с.
3. Голлербах, Е. А. Германский след в русском Пантеоне. Петербургское издательство «Пантеон» (1907–1912) как агент немецкой культуры / Е. А. Голлербах // Вестник русской христианской гуманитарной академии. — 2010. — Т. 11. — №3. — С. 177–187 [Электронный ресурс]. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/v/germanskiiy-sled-v-russkom-panteone-peterburgskoe-izdatelstvo-panteon-1907-1912-kak-agent-nemetskoj-kulturny> (05.04.2017).
4. [Гриббе, А. К.] Холерный бунтъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ 1831 г. / А. К. Гриббе // Русская Старина. — 1876. — Т. 17. — № 11. — С. 513–536.
5. Достоевская, А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / А. Г. Достоевская ; вступит. статья, подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — Москва : ООО «Бослен», 2015. — 768 с.
6. [Достоевская, Л. Ф.] Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской / Л. Ф. Достоевская ; пер. с нем. Л. Я. Круковской ; под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. — Москва ; Петроград, 1922. — 105 с.
7. Достоевский, Ф. М., Достоевская, А. Г. Переписка / Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская; изд. подгот. С. В. Белов и В. А. Туниманов; отв. ред. Д. С. Лихачев. — Ленинград : Наука, 1976. — 490 с. («Литературные памятники»).
8. Поляков, М. Н. Александр Карлыч / М. Н. Поляков // Старорусская правда. — 1970. — 22 сент. — № 150 (7729).
9. Рейнус, Л. М. Три адреса Ф. М. Достоевского / Л. М. Рейнус. — Ленинград : Лениздат, 1985. — 80 с.
10. Скарская, Н. Ф., Гайдебуров, П. П. На сцене и в жизни : Страницы автобиографии / Н. Ф. Скарская, П. П. Гайдебуров. — Москва : Искусство, 1959. — 308 с.
11. Сосновская, О. А. Достоевский и Вагнер : биография в переписке и переписка / О. А. Сосновская // Неизвестный Достоевский : электронный научный журнал. — 2015. — № 2. — С. 5–13 [Электронный ресурс]. — URL : http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1455212234.pdf (05.04.2017).
12. [Сосновская, О. А.] Ф. М. Достоевский, Н. П. Вагнер, А. Г. Достоевская : переписка / О. А. Сосновская; подгот. текстов, писем и публ. Е. Н. Вяль, О. В. Захаровой, О. А. Сосновской // Неизвестный Достоевский : электронный научный журнал. — 2015. — № 2. — С. 14–36 [Электронный ресурс]. — URL : http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754240.pdf (05.04.2017).

13. [Тихомиров, Б. Н.] Достоевский и дети (из воспоминаний старорусского жителя) / подгот. текста и вступ. ст. Б. Н. Тихомирова // Достоевский и современность: материалы XIX Международных Старорусских чтений 2004 года. — Великий Новгород, 2005. — С. 322–327.

Yulia V. Yukhnovich

*Senior Scientist Researcher of
F. M. Dostoevsky Memorial House-Museum
(Staraya Russa, Russian Federation)
yulyayu@list.ru*

THE NEIGHBORS OF DOSTOEVSKY IN STARAYA RUSSA

Abstract. While spending summer time in 1872–1880 in Staraya Russa F. M. Dostoevsky used to meet and to be on friendly terms with various people. Among his acquaintances in Staraya Russa there were priest Ioann Rummyantsev, lieutenant-colonel A. K. Gribbe and his niece A. G. Eliseeva, general E. I. Leontiev, actress of a resort theatre A. P. Orlova, bourgeois A. I. Menshova (the archetype of Grushenka in the novel “The Brothers Karamazov”), journalist P. A. Gaideburov from Saint Petersburg, a married couple Jaclar. Moreover, his circle of acquaintances included the people hardly mentioned in the letters to his wife and those he could know by hearsay only. So, his relations with those people need further investigation. The present article shows the variety of Dostoevsky’s entourage. The contact with his neighbors could largely have an impact on the writer’s creative work.

Keywords: Staraya Russa, house of Dostoevsky, “The Brothers Karamazov”, archives, memories, memory, priest Ioann Rummyantsev, A. K. Gribbe, P. A. Gaideburov, Dr. A. A. Rochel

REFERENCES

1. Volgin I. L. Letters of Readers to Fedor Dostoevsky. In: *Voprosy literatury*, 1971, no. 9, pp. 173–196. (In Russ.)
2. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo: istoricheskie zapiski* [The Last Year of Dostoevsky: Historical Notes]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1986. 576 p. (In Russ.)
3. Gollerbach E. A. Germanskiy sled v Russkom Panteone. Peterburgskoe izdatel'stvo «Panteon» (1907–1912) kak agent nemetskoj kul'tury [The German Mark in the Russian Pantheon. Petersburg Publishing House “Pantheon” as the Agent of the German Culture]. In: *Vestnik russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2010, vol. 11, no. 3, pp. 177–187. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/germanskiy-sled-v-russkom-panteone-peterburgskoe-izdatelstvo-panteon-1907-1912-kak-agent-nemetskoj-kultury> (accessed 5 April 2017). (In Russ.)
4. Gribbe A. K. Cholera Mutiny in the Novgorod Military Settlements of 1831. In: *Russkaya starina*, 1876, vol. 17, no. 11, pp. 513–536. (In Russ.)
5. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917* [Memoirs. 1846–1917]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
6. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii ego docheri L. Dostoevskoy* [Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya]. Moscow, Petrograd, 1922. 105 p. (In Russ.)
7. Dostoevskiy F. M., Dostoevskaya A. G. *Perepiska* [Correspondence]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 490 p. (In Russ.)
8. Polyakov M. N. Alexander Karlych. In: *Starorusskaya pravda*, 1970, 22 September, no. 150 (7729). (In Russ.)

9. Reynus L. M. *Tri adresa F. M. Dostoevskogo* [*Three Addresses of F. M. Dostoevsky*]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1985. 80 p. (In Russ.)
10. Skarskaya N. F., Gaydeburov P. P. *Na stsene i v zhizni: stranitsy avtobiografii* [*On the Stage and in Life: Pages of Autobiography*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1959. 308 p. (In Russ.)
11. Sosnovskaya O. A. Dostoevsky and Wagner: Biography in the Correspondence. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [*The Unknown Dostoevsky: Online Research Journal*], 2015, no. 2, pp. 5–13. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1455212234.pdf (accessed 5 April 2017). (In Russ.)
12. Sosnovskaya O. A. Fedor Dostoevsky, Nicolai Wagner, Anna Dostoevskaya: Correspondence. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [*The Unknown Dostoevsky: Online Research Journal*], 2015, no. 2, pp. 14–36. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754240.pdf (accessed 5 April 2017) (In Russ.)
13. [Tikhomirov B. N.] Dostoevskiy i deti (iz vospominaniy starorusskogo zhitelya) / podgotovka teksta i vstupitel'naya stat'ya B. N. Tikhomirova [Dostoevsky and Children (From the Memoirs of a Resident of Staraya Russa) / the preparation of the text and introduction by B. N. Tikhomirov]. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XIX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2004 goda* [*Dostoevsky and Modernity: The Proceedings of the 19th International Conference in Staraya Russa, 2004*]. Novgorod the Great, 2005. Pp. 322–327. (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

Г. С. Прохоров

- «Дело о смерти Михаила Андреевича Достоевского», или Над чем корпели судьи
полтора года 3

И. С. Андрианова

- «Други писателей» М. А. Языков и Ф. М. Достоевский: взаимоотношения
в письмах, атрибуция, комментарий 23

А. В. Отливанчик

- Княжна Н. П. Шаликова — корреспондент Ф. М. Достоевского 59

В. А. Викторович

- Испытание «практической философии», или
Два учителя Елены Штакеншнейдер 71

Ю. В. Юхнович

- Старорусские соседи Ф. М. Достоевского 96

CONTENTS

G. S. Prokhorov

- The Case of Mikhail Andreevich Dostoevsky's Death, or What Did Judges
Sweat Away During a Year and a Half 3

I. S. Andrianova

- "A Friend of Writers" Mikhail Yazykov and Fedor Dostoevsky:
History of Relationship in Letters, Attribution, Commentary 23

A. V. Otlivanchik

- The Princess Natalia Shalikova Is F. M. Dostoevsky's Pen Friend 59

V. A. Viktorovich

- An Ordeal by "Practical Philosophy" or
Two Teachers of Elena Stakensneider 71

U. V. Yukhnovich

- The Neighbors of Dostoevsky in Staraya Russa 96

Электронный научный журнал

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

2017

№ 2

Редакторы: И. С. Андрианова,

О. А. Сосновская, Л. В. Алексеева, Е. Н. Вяль

Компьютерная верстка: В. С. Зинкова, О. А. Сосновская

Перевод: О. А. Устюгова

Зав. редакцией И. С. Андрианова

Подписано в печать 15.06.2017. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 50 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

185910, Российская Федерация, Республика Карелия,

Петрозаводск, пр.Ленина, д. 33, к. 301.

Тел. +7 (8142) 719 603

E-mail: poetica@post.com

Сайт журнала в интернете: <http://unknown-dostoevsky.ru/>